

РОССИЙСКАЯ ПРОЗА

• НА РУБЕЖЕ •

XX – XXI вв.

Пётр
ПРОСКУРИН

Избранное

В уединенном загородном доме, окруженном запущенным старым садом, что-то случилось. Первым почувствовал начало перемен Тимошка - и усиленно втянул воздух черным влажным носом, в его пристально-внимательные грустных глазах появилась настороженность. Тимошка свободно расхаживал везде, утром и вечером он проверял, все ли в пооядке, заглядывая в каждую комнату, в любой потаённый уголок дома, двери, если они не были на запоре, Тимошка привычно открывал ударом лапы или носом. Сегодня же новость, возбудившая Тимошкино беспокойство, была действительно из рук вон выходящая, и поэтому, открыв дверь комнаты, чаще всего предназначавшейся для приезжающих из города гостей, Тимошка даже слегка попятился. Он был совершенно сконфужен своей оплошностью: в доме случилось столь важное событие, а он ничего не знал, все прокараулил, украдкой забравшись на удобный мягкий диван у Даши и проспав там всю ночь. Но делать было нечего, и Тимошка виновато протиснулся в комнату, где на широкой деревянной кровати спала смутившая Тимошку гостья, тетка хозяина дома Семеновна, приехавшая вчера уже поздно ночью. Подойдя ближе, Тимошка приветливо повил хвостом, сел, не упуская из виду маленького, с расправившимися ото сна морщинами лица Семеновны, и стал терпеливо ждать ее пробуждения.

Тимошка хорошо знал Семеновну и по-своему был привязан к ней, хотя в этой своей любви никогда бы не поставил ее рядом с Васей или Татьяной Романовной, маленькой Дашей или ее старшим братишкой Олегом, самолюбивым темноглазым, отличавшимся особенно выраженным чувством справедливости мальчуганом, который, даже играя с Тимошкой в футбол, старался честно соблюдать правила игры. Тимошка уже хорошо знал, что приезд Семеновны всегда вносит беспокойство, с каждым ее появлением что-то случалось: то надолго пропадали куда-то Вася с Татьяной Романовной и оставались лишь Семеновна, Даша да Олег, а то и Даша с Олегом исчезали, и приходилось целое лето проводить с Семеновной, и поэтому теперь Тимошка, как ему ни хотелось проверить, на месте ли Вася с Татьяной Романовной, решил не выпускать Семеновну из виду и ждать. Откинув заднюю лапу, вытянув морду, он лег, распластав на полу длинные шелковистые уши, гордость всякого родовитого пуделя. Несколько раз он приподнимал голову, всматриваясь в лицо Семеновны, и опять терпеливо затихал, дождавшись своего, он порывисто вскочил, весь напряжился и несколько раз вильнул хвостом. Как он уловил этот момент, Тимошка и сам не знал, но Семеновна действительно приоткрыла еще пустые после пробуждения глаза, Тимошка потянулся к ней и, слегка высунув кончик розового языка, приветливо улыбнулся. Глаза у Семеновны радостно округлились.

- Тимоша! - обрадовалась она. - Хороший ты мой! Не забыл?

Тимошка немедленно положил передние лапы на край кровати и ткнулся прохладным носом в руки Семеновны и что-то невнятно проворчал, узнавая старые запахи добра, уюта и сытости. Тотчас достав из-под подушки конфету, Семеновна развернула ее и, предостерегающе оглянувшись за дверь (сладкое Тимошке есть не разрешалось), как бы в нечаянной рассеянности уронила конфету на пол, Тимошка, помедлив, с некоторым удивлением глянул

на Семеновну, затем с достоинством, осторожно взял конфету и забрался с нею под кровать, тотчас оттуда послышался аппетитный хруст и чавканье.

- Ешь, ешь, Тимоша, - одобрила Семеновна, нарочито шумно зевая и показывая, что она всю ночь была в дороге и совершенно не выспалась. Почему хорошей собаке нельзя попробовать сладкого, раз хочется? Нынешние-то умники напридумают, - Семеновна с вызовом покосилась на дверь, адресуя свои слова прямо по назначению. - Сами-то все подряд лопают, чего только душа попросит, а вот другим и нельзя... ишь! И то! Вася сам (услышав имя дорогого человека, Тимошка тотчас высунулся из-под кровати, вопросительно шевельнул длинными ушами, и на морде у него появилось внимательное выражение), как только глаза протрет, сразу же за кофе, а другому, значит, сладенького и нельзя. Да он уже и встал, Вася, мимо прошлепал...

- Ешь, Тимоша, ешь! Как вставать-то не хочется! - чему-то внезапно опечалилась Семеновна, словно именно у Тимошки собиралась отыскать защиту, которой ей так сейчас недоставало. - И то, куда уж нынче совестливому человеку?

Времена... Нынче хорошо горластым да клыкастым, они тебе-жи-ик! - горло и пронзили. Жизнь такая стала, Тимоша... А нашему-то соколу с легкостью ничего не дается, жалостливый да совестливый...

Внимательно выслушав столь долгое рассуждение Семеновны и полиостью соглашаясь с ее словами, Тимошка широко облизнулся, ожидая добавки, повернув голову к двери, он настороженно замер.

- Съел, и ладно, чего уж тут сожалеть? - спросила Семеновна. - Не терзайся, Тимоша. Ты не скажешь, я не скажу, никто и не узнает. А не узнает, - значит, ничего и не было. В жизни разные замочки, Тимоша.

Не сомневаясь больше ни в чем, Тимошка быстро, с удовольствием еще несколько раз облизнулся, его беспокойство, связанное с появлением Семеновны, растаяло. Теперь можно было заняться своим обычным утренним обходом. Он было подошел к двери в комнату Даши, но неожиданное появление Семеновны сделало свое-тотчас у Тимошки опять зашевелилось непопятное беспокойство. Он повернулся, потянул воздух и сразу же понял, что его и тут опередили. Вася уже встал и вышел в сад. Тимошка протиснулся на большую застекленную веранду, сейчас заполненную легкими, шевелящимися тенями узорчатой листвы старых рябин, росших вокруг нее. Белая сильная бабочка с глухим шорохом билась о стекла. Тимошка застыл, приподняв правую переднюю лапу, чутко сторожа каждое ее движение. Бабочка металась высоко, и, хотя это был явный беспорядок в доме, Тимошка вышел в сад и повел влажным носом, определяя, в какой стороне Вася, струйка запаха, единственная во всем свете, сочившаяся к озеру, тотчас указала Тимошке направление. Вася сидел на скамейке у озера, в дальнем конце сада, и беспокоиться было не о чем, но сначала нужно выяснить, что нового в мире, не появилось ли каких-либо неприятных неожиданностей, требующих немедленного вмешательства. Тимошка сразу же многое узнал: на крыльце у его миски с едой недавно побывал соседский кот, наглое и трусливое существо, у Тимошки с ним шла давняя и непрерывная война. Слегка поводя носом, Тимошка недовольно приподнял верхнюю губу, словно бы хотел зарычать, и лишь в последнюю минуту сдержался. Ночью к самому крыльцу наведывался еще один давний Тимошкин знакомый, старый еж Мишка, живший в глухом, диком малиннике за озером, там росли колючие и густые кусты, и Тимошка, однажды порядков исцарапавшись, уже больше не рвался туда и научился не замечать этого дикого уголка, кстати облюбованного и Чапой, тоже входившей в круг Тимошкиных недругов, всегда державших его настороже. Семеновна иначе не называла Чану, как только крысой, и это было очень обидно, так как Чапа считала себя самой настоящей аристократкой, благородной ондатрой, имевшей разветвленную родню в далеких, заокеанских странах. Но так уж устроено в жизни, дать обидное название легко, а переменить его уже

невозможно, и даже Олег в конце концов смирился, хотя вначале, как истинный поборник справедливости, протестовал.

Впрочем, Чапа не подозревала о бурных дискуссиях, происходивших в доме по поводу нее, и жила себе поживала в чистом и тихом и, главное, безопасном озере.

Солнце едва-едва взошло, все вокруг купалось в густой, прохладной росе, над озером сгустилось облако сырого тумана, но все было обильно напоено множеством самых различных запахов, неприятно и резко пахли лиловые цветы, плотно подступавшие к дому с трех сторон.

Прилетели и бесцеремонно уселись на рябину воробьи, жившие под карнизом крыши, Тимошка равнодушно отмахнулся от них, к этим беспокойным жильцам, всегда ожесточенно и без толку переругивающимся друг с другом, он относился как к неизбежному злу. В общем-то в Тимошкином хозяйстве все шло своим ходом, ничто не требовало незамедлительного вмешательства, поведив еще носом, усиленно принюхиваясь и ни на секунду не забывая о главной необходимости поздороваться с Васей, Тимошка весело сбежал с крыльца и, заглушая чужой раздражающий запах ночных пришельцев, соседского кота и ежа Мишки, на уголке хозяйски-привычно поднял ногу. Здесь запах цветов был совсем уж невыносим, Тимошка даже страдальчески оскалился. Чтобы спрямить путь к хозяину, он хотел перескочить через клумбу розовых, отяжелевших от обильной росы гвоздик, но, тотчас вспомнив, сколько неприятностей пришлось перенести из-за этих цветов от Татьяны Романовны, он обогнул веранду и по свежему следу Васи, по гравийной дорожке ринулся к озеру, мотая ушами, плавно и мягко срезая углы, как вкопанный остановился он перед скамейкой. Вася сидел в пижаме, закинув ногу за ногу, и не отрываясь смотрел на молодые розоватые стволы берез, поднимающиеся из тумана на противоположном берегу.

Тимошка вспрыгнул на скамейку и сел рядом, плотно прижимаясь к теплому боку Васи, сухая горячая рука Васи тотчас легла Тимошке на голову. Летом по утрам они встречались так почти всегда, и, пожалуй, это были лучшие минуты в Тимошкиной жизни, он словно погружался в древний сладкий мрак, исходивший из чуткой и всеобъемлющей руки Васи, и перед ним смутно проносились сны жизни. И еще Тимошке передавалось Васино настроение, он мог играть с Дашей или Олегом, купаться с ними в озере или приносить закатившийся теннисный мяч, но Васино настроение продолжало жить в нем, получая свое, часто неожиданное, развитие и завершение.

Прижавшись головой к плечу Васи, Тимошка закрыл глаза. Почесывая его за ушами, Вася молчал. И тут Тимошка, еще в состоянии блаженства и забытья, уловил что-то новое, и это новое было передавшееся от Васи неосознанное чувство страха, что-то переменялось. Открыв глаза, Тимошка потянулся и озабоченно лизнул Васю в жесткий подбородок. Если раньше эта его нежность перерастала в шумную и веселую возню, то сейчас Вася остался молчаливым и неподвижным, и только глаза его сузились и повлажнели. Тимошке не понравилась такая сдержанность, он обиженно соскочил со скамейки и уселся на узких мостках, опустив голову, он стал глядеть в темную воду, полную смутных теней, движения и жизни. Вода и ее таинство всегда притягивали Тимошку - его слабость подолгу сидеть на мостках и глядеть в воду в доме знали и уважали.

И все уже заметили, что Тимошка приходит на мостки и глядит в воду чаще всего чем-то обиженный, огорченный, и хотя вода никогда не была одинаковой, она действовала на него успокаивающе. Вот и сейчас Тимошка первым делом увидел большую лягушку, поднывавшую со дна и просунувшую между широкими листьями кувшинок свою пучеглазую, вечно удивленную морду. Пахнущая тиной и стоячей водой, лягушка была из другого, враждебного и холодного мира, она всегда неприятно озадачивала, и, даже встречая ее на берегу, Тимошка не проявлял к ней никакого интереса, лишь брезгливо морщился и, стараясь как-нибудь на нее не наступить, обходил стороной.

Не упуская из-под контроля лягушки, Тимошка в то же время видел все озеро, потому что его ни на секунду не покидало чувство опасности, и он был прав - в любую минуту из своего жилья могло вынырнуть самое отвратительное существо на свете - Чапа. Если еж Мишка всегда предупреждал о своем появлении издали резким запахом, то Чапа появлялась бесшумно и неожиданно. За это свойство Тимошка особенно ее не любил. И хотя он знал, что Чапа больше всего любит ночи, она иногда появлялась и днем, вызывая у Тимошки совсем уж безрассудную ненависть, от бешенства он терял голову и однажды даже попытался нырнуть за неуловимым водяным существом.

Привлеченные тенью от Тимошкной головы, приплыли рыбы, с мостков им бросали корм, и они решили, что дети уже проснулись и принесли им крошек. Тимошка внимательно следил за неслышно скользящими длинными очертаниями рыб, едва-едва шевеливших плавниками, и опять новые и новые подробности не давали ему пригреться на солнышке и задремать. Деловито наискось со дна до поверхности прочертил глубь озера под мостками черный жук-плавунец, быстро помахивая своими ножками-веслами, не задерживаясь, тем же путем он отправился обратно.

Рыб стало больше, но вот сверху, медленно кружась, на воду опустился отпавший почему-то от дерева дубовый лист. Поверхность воды от падения на нее листа пошла мелкой-мелкой рябью, и рыбы мгновенно исчезли. Когда вода успокоилась и опять стало видно ярко поросшее различной водяной зеленью дно, Тимошка увидел двух пиявок, вертикально ввинчивающихся в самую поверхность воды, и ему показалось, что это продолжается один из его снов и он сам уже давно живет в озере вместе с лягушками, пиявками и жуками и стремительно гоняется за бесшумными рыбами. Лапы у него задергались, он ошалело привстал, осмотрелся и теперь уж сконфуженно, не оглядываясь на Васю, плашмя лег на мостки.

Утро разгоралось, давно уже незаметно поднялся и рассеялся туман над водой. Теперь березы и молодые дубки, окружавшие озеро со всех сторон, четко опрокинулись в воду и потянулись вершинами к единственному облачку в небе, отраженно заполнившему прохладную глубину озера, и Тимошка, как зачарованный, не отрываясь, глядел на фантастические картины слияния неба и воды. Опять, не нарушая стройный порядок соединившихся в оптическом обмане пространств, приплыли к мосткам рыбы, но дну побежали бесформенные, переменчивые тени. Тимошка продолжал завороченно следить за призрачной игрой в глубинах озера, но вот что-то толкнуло его изнутри. Он мгновенно оглянулся и увидел, что Вася сидит все так же неподвижно, раскинув руки по спинке скамейки, а по неподвижному лицу его ползут слезы.

Тимошка в два прыжка преодолел расстояние до скамейки, встал на задние лапы, передние положил на грудь Васи и жарко дохнул ему в лицо, тут глаза их встретились, и Вася очнулся.

- Тимошка, Тимошка, - сказал он, и лицо его начало оттаивать от недавней окаменелости. - Что ты, пес, а? Глядишь, глядишь, ах ты, лохматый философ! - Внезапно ок ухватил Тимошку за тяжелые лапы и подтянул ближе к себе, к лицу. - Я ведь давно замечал, ты все знаешь, только сказать не умеешь. Так оно и есть, Тимошка, переехали они меня, совсем, напроочь переехали... И даже ты, чувствилище мира, не скажешь, что делать. Никто не знает.

А ведь мне всего тридцать семь лет, мы с тобой, Тимошка, в самом расцвете. Страшно, а? Такова жизнь, не смог, не удержался, пропадай.

Внезапно нагнувшись, Вася оттолкнул от себя Тимошку, припав к земле, сильно ударив по ней передними лапами, Тимошка залаял и, отчаянно мотая ушами, с азартом вступил в игру, ударяя лапами по земле, он всякий раз броском перескакивал на другое место, на лице у Васи появилась слабая улыбка, Тимошка схватил его за штанину и стал легонько тереть.

- Понимаю, пора купаться, - сказал Вася. - Хочешь вместе поплавать. Да? А что, Тимошка, прекрасная ведь мысль!

Разговаривая с Тимошкой, Вася с недоверием прислушивался к себе, боль в висках, в темени и в затылке, мучившая его ночью, не исчезающая даже в короткие мгновения забытья, вплоть до последней минуты, когда Тимошка схватил его за штанину, исчезла. Тело, хотя в нем и ощущалась слабость, не чувствовалось больше отдельно, не тяготило. Вася недоверчиво потряс головой, действительно, боль исчезла, он обрадованно подмигнул, испустил угрожающий "рык" и неожиданно бросился к Тимошке, целясь схватить его за передние лапы. Но Тимошка только и ждал этого, в то самое мгновение, когда Вася уже, казалось, был у цели, Тимошка отпрянул в сторону, словно его отбросила из-под рук Васи какая-то посторонняя сила, и БОТ, распластав уши по земле, он притаился уже метрах в пяти, под старой яблоней, сплошь усыпанной зелеными, мелкими, величиной в грецкий орех, твердыми яблоками.

Вася сделал вид, что его совершенно не интересует Тимошка, и принялся углубленно отслаивать и обирать отставшую кору давно уже болевшей груши, выждав момент, он неожиданно повторил свой маневр, но Тимошка был начеку, и у Васи опять ничего не получилось. С легким головокружением Вася опустил под куст рябины, Тимошка тотчас подскочил к нему, преданно заглядывая снизу черными плутовскими глазами, горячо лизнул влажную руку, Вася потрепал его по спине. От Тимошки шло здоровое, ровное тепло, и Вася, захваченный одной мыслью, одним желанием, чтобы ночная боль окончательно ушла и больше не повторялась, чтобы можно было опять, как прежде, бегать с Тимошкой по саду наперегонки, валяться в траве, резко опрокинул Тимошку на спину, мешая ему вскочить на ноги, с наслаждением ощущая ладонями его крепкое мускулистое туловище, мерно сотрясавшееся от басовитого, угрожающего рычания.

- А-а, попался, - говорил Вася. - Ты как думал? Теперь подрыгай, подрыгай лапами! Ага! Ага!

Еще раз опрокинув Тимошку, Вася с победным криком подхватился с земли, бросился к озеру, на ходу срывая с себя пижаму. Тимошка только на минуту задержался на берегу, заливаясь оглушительным нарастающим лаем, как только голова Васи показалась на поверхности, Тимошка тяжело плюхнулся в воду, подняв тучу брызг, и поплыл к хозяину, бешено работая передними лапами и неестественно высоко задирая треугольную морду, плотно сжав пасть и от этого став очень деловитым. Вася брызнул в него водой и засмеялся, суровая озабоченность Тимошке никак не шла, ведь по натуре своей он был добрым, легкомысленным и веселым существом.

День с утра обещал долгое и жаркое солнце, с берез в озеро низвергались зеленые водопады листвы, сейчас застывшие и все-таки таящие в себе неустанность движения, пышными, изумрудными купами они отражались в бездонном призрачном мире, не имеющем границ и законов реального. И еще Васе казалось, что эта лохматая голова с обожающими глазами движется откуда-то из другого, потустороннего мира, ведь в реальном давно не осталось такой доброты и преданности. Перевернувшись на спину, Вася положил руки под голову и стал глядеть в небо, на сомкнувшуюся зелень, сквозь которую рвалось разгоравшееся с каждой минутой солнце. От внезапной сверлящей боли в затылке у него перехватило дыхание, усилием воли он с трудом заставил себя удержать мутившееся сознание, и тут кто-то насмешливый словно коснулся его сердца, и Васе стало хорошо. Что же, пусть так, сказал он себе. Он сам всего лишь зыбкое отражение непонятных сил, всего лишь мгновенная проекция какого-то всеобъемлющего чудовищного опыта, а поэтому бесполезно сосредотачиваться на себе, даже если уже предопределено последнее и самое загадочное. Удивительно, удивительно, успел подумать Вася, не отрываясь от затягивающей, начинающей нежно звенеть глубины неба, человек и не предполагает, что начинает жить полновесной жизнью только где-то у самой крайней черты, может быть, это и есть завершающее дыхание космоса, вот когда человек по-настоящему ощущает и себя, и жизнь,

и страдание, и любовь. И все, что было до этого, оказывается лишь бледным оттиском пережитого. Он раньше думал, что жил, а это была всего лишь игра в жизнь, где все было в одну сотую истинной силы. Он любил, страдал, боролся, в нем рождались опустошающие все его существо идеи. Высшим наслаждением для него было устанавливать видимые только ему закономерности, ошупью пробираться в их кричащей абсурдности, в кажущейся совершенно алогичной очевидности, вырванной, казалось, у самого хаоса и отодвинутой за черту дозволенного. То, что происходило потом, его мало интересовало, чаще всего уже кто-то другой выуживал одно-другое драгоценное зерно, а то вдруг наткнулся и на целую золотиносную россыпь, но все это уже мало интересовало Васю, каким-то образом его мысли становились достоянием других, более ловких, умеющих прочнее устроиться в жизни. Ему многое полагалось по статусу таланта-премии, деньги, престижный жизненный уровень в виде первоклассных медицинских учреждений, представительство в выборных органах, но он не успевал воспользоваться плодами своего труда в короткие передышки отдыха, самому ему лично почти ничего не было нужно, и потом, слишком велико было повседневное напряжение, он слишком уставал, а желающих было всегда больше, чем благ. Пока он вынашивал очередную проблему и с головой нырял в нее, эти силы окончательно утверждались в необходимости своего руководства процессом жизни вообще, не говоря уже о науке п каких-то жалких идеях, от всех жизненных благ ему выпал лишь этот запущенный сад, все больше захватываемый лесом и оврагом, кусок озера и старый, все больше ветшающий дом. Да и случилось это давно и как-то совершенно случайно, когда никто из этих вездесущих сил не мог и предположить о его беспомощности, об отсутствии у него этих. самых элементарных необходимых навыков, кан любила в моменты наибольшей отчужденности говорить его жена Татьяна Романовна, дочь видного кибернетика Романа Адриановича Святухина. Возможно, Татьяна Романовна и права, и ей не повезло с мужем, она могла выбрать кого-то более достойного, но что делать, жизнь набело не проживешь. Когда-нибудь и Татьяна Романовна поймет главный смысл и назначение человека, как понимает сейчас он, и все образуется. Ведь и он не предполагал раньше, что главное-вот в этом утреннем купании, в теплом, не остывшем с ночи озере, восхитительно пахнущем тиной в этой облегченности тела, когда за далекие горизонты отодвинулась вся ненужная суета, сжигающее честолюбие и бешеная жажда снова и снова удивить мир неожиданным поворотом кажущейся уже исчерпанной до конца идеи.

Главное, оказывается, в другом, в возможности не торопиться, не гнать, не толкать себя в спину, в возможности видеть небо, слушать по утрам пение птиц, иметь для этого хоть немного свободного времени.

Шумно шлепавший по воде передними лапами Тимошка попытался взобраться Васе на грудь, ухитрившись влюбленно лизнуть его в мокрое лицо. Оттолкнув Тимошку, Вася нырнул, тогда Тимошка торопливо выбрался из воды шумно отряхиваясь и окутываясь облаком водяной пыли, озабоченно бегая по берегу, он громким лаем стал звать Васю на берег, словно тому грозила смертельная опасность. Пора было выходить из воды, но Вася медлил, не хотелось начинать длинный день, не хотелось приниматься за дела... Во рту опять стало сухо, неосторожное движение сместило установившееся было хрупкое равновесие, чуть слышным солоноватым вкусом, напоминающим ощущение поосочившейся крови, предупреждал о приближении боли.

Невольно задерживая дыхание, Вася осторожно перевернулся на спину п, еле шевеля ногамп, постарался направить свое и не свое теперь, сразу ставшее чужим, тело к берегу. Ткнувшись головой и плечами в мягкую, размокшую глину, он затих, от несильного толчка боль вспыхнула в самом мозгу, он успел выхватить стремительно гаснущей небо и струящуюся зелень берез над озером, начавшую чернеть, опадать и сливаться с небом. Еще он успел услышать чей-то испуганный крик, солнце сжалось до невыносимо жгучей точки и исчезло.

Очнулся он, все еще лежа в воде, пытаюсь осмыслить случившееся, он разлепил набрякшие

веки, глубоко вдохнул и с трудом, оставляя за собой безобразный след, выполз на берег. Вздурораженный купанием и непонятным поведением Васи, Тимошка тотчас подлетел к нему, лизнул его в щеку и сел рядом. Открыв пасть, далеко выпростав розовый узкий язык, он радостно и шумно дышал.

- Тимошка, Тимошка, - еле слышно выговорил Вася, - иди позови кого-нибудь... Таню позови, слышишь... Таню...

Тимошка привстал, напряжение проступило во всем его крепком теле, облитом сейчас мокрой лоснящейся шерстью, влажные его ноздри беспокойно двигались от усилия, от желания понять.

- Тимошка... Таню... Таню зови... - опять тихо попросил Вася, и уже в следующую секунду Тимошка стремительно мчался к дому, пластаясь над травой, прорывая завесу цветника. Вася сделал попытку еще немного отползти от воды, не смог и, опять обессилев, затих, а Тимошка тем временем ворвался в дом, взлетел по крутой деревянной лесенке на второй этаж и, шлепнув по двери тяжелой мокрой лапой, бросился к широкой тахте п, подталкивая носом свесившуюся руку Татьяны Романовны, с напряжением устался на нее. Татьяна Романовна тотчас села в постели, отбрасывая спутанные волосы со лба, спустила ноги на пол.

- Тимошка, что тебе? Что случилось? Где Вася?

Коротко тьякнув, Тимошка метнулся к полуотворенной двери, затем, опять протиснувшись в комнату лоснящимся мокрым туловищем, коротко заскулил. Охнув, Татьяна Романовна в одной сорочке и босиком скатилась по лестнице вслед за ним.

2

Едва только Тимошка исчез, ожесточенно мотая длинными ушами, Вася устался на протершуюся над ним большую зеленую ветвь, она отходила от березового ствола метрах в трех от земли. Вася изо всех сил цеплялся за ее струящуюся листву, но небо опять стало чернеть, сходиться в одну точку и опадать, резкий знобящий порыв ветра сорвал убитую морозом, жухлую листву, закружил и понес, рассеивая дождем по земле. И Вася, уже не тридцатисемилетний мужчина, а подросток лет двенадцати, идет по густому, сумрачному лесу. Июнь был в самом начале, и от липового цвета кружилась голова, налитый густым солнечным полумраком лес звенел птичьими голосами, был переполнен торжествующей скрытой силой, природа безостановочно и слепо творила жизнь. Вася не думал и не догадывался об этом, в душе Васи все больше наполнилось это непрерывное торжество творчества, и он тоже готов был и хотел сделать что-нибудь необычное, но не знал что.

Сердце его было изумлено и даже напугано незнакомыми ощущениями и порывами, он шел дальше и дальше, все было живое вокруг, все дышало, волновалось. Он сейчас представить себе не мог, что всего полчаса назад хотел умереть от горя и что причиной этому была обыкновенная девочка, правда, очень хорошенькая, он совершенно случайно увидел из-за густого орехового куста, как она, крепко зажмурившись, подставляет лицо для поцелуя Севке Валуеву, и тот, неумело обхватив ее за шею, целует раз и другой... Но самое непереносимое было даже не это, а то, что лучший его друг Яшка Полуянов, тоже увидевший целующуюся парочку, вместо того чтобы возмутиться, воровато оглянулся, шмыгнув носом и опять нырнул в зелень, самого Васи он или действительно не разглядел., или сделал вид, что не видит.

Потрясенный этим двойным невиданным предательством, со стороны девочки, дружившей с

ним уже больше двух месяцев, и со стороны лучшего друга, и больше всего опасаясь, что его увидят или предательница, или счастливый соперник, или его лучший друг, Вася, переползая от куста к кусту, выбрался наконец в безопасное место и, не разбирая дороги, бросился в лес, и вот теперь боль постепенно притуплялась, в душу непрерывно переливались солнечное могущество леса, и то, что раньше казалось непереносимой обидой, заслонялось теперь открытием, пусть еще смутным, зыбких связей всего его существа с зеленым и вечным миром.

Уже начиная уставать, Вася услышал какой-то тихий, тютти хрустальный звук и замер. Звук пропал, затем опять повторился. Задрав голову, Вася опрокинулся в ярко проступившую между вершинами деревьев синеву неба, хрустальные звоны рождались именно там. Старый березняк, вперемешку с редкими старыми, косматыми елями с уже начинавшими сохнуть отвислыми бахромчатыми нижними ветвями, стал мрачнеть и сгущаться. В пространстве между деревьями Вася увидел огромную ель и вначале даже оторопел-так много она занимала места. Вася восхищенно присел на корточки, затем повалился в высокую траву навзничь. Ель головокружительно пронзала небо, и вокруг ее недосыгаемо острой вершины кружилось бездонное голубое небо, зажмурившись, Вася переждал, пока в ушах пройдет тихий надоедливый писк, словно в ухо попал комар, по и с закрытыми глазами он видел острую вершину старой ели, плавно кружащуюся в небе. Такое большое дерево должно расти много-много лет, он даже не мог себе представить сколько, высокая трава надежно укрывала его со всех сторон. Старая ель стояла поодаль от остальных деревьев, вокруг нее как бы образовалась веселая поляна, вся в разнотравье-и тут и там пестрели крупные гроздья лесных колокольчиков, толстые золотистые шмели то и дело садились на их лиловые раструбы. По пути попался обросший густым плотным мхом ствол упавшего дерева, Вася отступил назад на несколько шагов, разогнался и перемахнул через поверженного временем великана, он не удержался от хвастливой мысли о своей ловкости и силе, вспомнив тщедушного Севку Валуева. Он им еще припомнит, и Севке и Яшке Полуянову, особенно Яшке! Предательское равнодушие Яшки было особенно обидным, и Вася постарался припомнить о Яшке все плохое, что знал о нем, и прежде, невероятное устройство Яшкиных глаз, которому не переставал удивляться их класс: Яшка мог одновременно смотреть в противоположные стороны и уверял ребят, что, стоя беком к доске и выводя решение задачи, видит происходящее на последних партах, по этой причине ему особенно любили подсказывать. В классе его звали просто косым Яшкой, врачи называли его случай расходящимся косоглазием, но сути это не меняло.

Незаметно березы и ели сменились редкими старыми дубами и затерянными в них островами кленов и лип, местность повышалась, и скоро Вася наткнулся на обломок известковой скалы, за ней на другой, третий, за ними еще и еще. Нагромождение камня густо поросло лещиной, дубняком, Васе представилось, что еще несколько шагов-и перед ним откроется сказочный замок с его тайнами, с его удивительными обитателями, и он с заблестевшими глазами ринулся по скалам вверх. Во всем вокруг ощущалась какая-то особая чистота и нетронутость, присутствия человека не было видно, хорошо бы построить здесь шалаш и прожить робинзоном все лето, подумал Вася, все будут сначала охать и жалеть, а потом совсем забудут его, а к осени он выроет теплую землянку, сложит из камней печь, натаскает много-много дров, заготовит орехов и грибов и останется зимовать. Лет через пять он отрастит бороду, как у Робинзона Крузо, загорит до черноты и какнибудь проберется в город и придет в класс, то-то будет удивления!

Фантазии становились ярче, Вася встречался и с матерью, и с младшей сестренкой Лидой, и с отцом, вечно погруженным в какие-то свои чертежи, и, разумеется, с Севкой Валуевым, своим теперь уже непримиримым врагом. Севке он совал кулаком в нос... да нет, и этого он не делал, он лишь презрительно щурился, смотрел на этого тщедушного Севку и не замечал его. Потом классная руководительница представляла его классу, то и дело поправляя роговые очки, она говорила о героизме, о выпавших на его жизненном пути испытаниях и о

совершенном, несмотря на них, величайшем научном открытии...

Взбираясь между известковых скал, Вася раздвинул заросли ореховых кустов и, стараясь не дышать, попятился назад, придерживая руками тонкие ветви лещины, он оставил лишь крошечный просвет. Между двух известковых выступов открывалась укромная ложбина, со всех сторон защищенная густыми зарослями. Увидеть ее можно было лишь сверху, с того места, где оказался сейчас Вася, теперь он во все глаза глядел на лисий выводок из четырех щенков. Он застал их во время еды, лисята с урчанием терзали уже задушенного, довольно крупного зайчонка, а старая лисица лежала чуть поодаль и внимательно глядела на свое прожорливое семейство умными отсутствующими глазами. Застигнутый открывшейся ему тайной и темной стороной жизни-одно уничтожало другое, - Вася вторично за день столкнулся с жестокой изнанкой жизни. Ему было стыдно своей жестокости, но он так и не смог оторваться от лисьего обеда, пока щенки не разгрызли и не уничтожили все, вплоть до головы. Лисята долго отнимали ее друг у друга, и наконец она досталась одному, самому крупному и сильному, и он тут же шмыгнул в сторону, забился под куст и стал усердно трудиться над добычей, а если кто из братьев или сестер делал попытку приблизиться, лисенок злобно морщил нос и угрожающе ворчал, свирепо ударяя перед собой лапами. Старая лисица продолжала спокойно лежать с мудро-отсутствующими глазами, она сделала свое, и дальше уже было не ее дело, дальше творила природа. Лисенок все-таки одолел неокрепшую голову зайчонка и стал лакомиться ее содержимым, подбирая с земли длинным розовым язычком любую крошку, но этого искушения не выдержали остальные и скопом ринулись на лакомство. От отвращения у Васи судорога перехватила горло, он хрустнул сучком. Старая лисица, казалось глубоко задремавшая, мягко вскочила развернувшейся пружиной и неслышно твякнула. Мелькнув хвостиками, лисята исчезли с ошеломляющей быстротой, Вася успел заметить вход в нору под одним из известковых выступов, бывшую когда-то жильем барсука. Исчезла и сама старая лисица, осталось лишь несколько клочков грязной заячьей шерсти...

Отступив от кустов, Вася постоял в глубокой задумчивости, еще и еще раз припоминая увиденное с начала и до конца, он даже потряс головой, чтобы отогнать наваждение. Все вокруг оставалось по-прежнему чистым и торжественно-праздничным, и лисята, ощущение какой-то своей внутренней сопричастности с ними, с их жестокостью, вскоре забылись. Вася стал карабкаться выше на холм, по-прежнему дикий, таивший массу самых увлекательных неожиданностей, вершина холма была оседлана старым дубом с мощными ответвлениями бугристых корней, ведущих в глубине, во мраке земли и камня, свою мощную, неостановимую разрушительную работу. Нахмутив лоб, Вася постарался вспомнить то небольшое, что ему было известно о севере и юге. Став лицом к солнцу, затем решительно повернувшись, Вася пошел точно в противоположную сторону и почти сразу же набрел на крохотный, очень светлый, холодный родничок. Он выбивался из поросшей нежной зеленью расщелины и с тихим журчанием почти сразу же опять исчезал под землю, Вася с удовольствием напился.

Теперь ему часто попадались бьющие из-под земли холодные ключи, и скоро он вышел к заболоченному берегу небольшого лесного ручья с еле-еле заметным течением. Откуда-то прилетела сорока, села на вершину осины и, явно недовольная вторжением Васи в заповедные лесные пределы, отчаянно застрекотала. Вася шел берегом ручья, а сорока перелетала за ним с дерева на дерево и безумолчно стрекотала, где-то неподалеку у нее было гнездо. Васе надоело назойливое преследование, и он бросил в настырную птицу подхваченной на ходу с земли палкой. Сорока ошалело сорвалась с дерева и растаяла в зеленом мраке леса.

Присев передохнуть, Вася перекусил первый попавшийся стебелек, пожевал его. Терпкая горечь обожгла язык, и Вася торопливо выплюнул зелень, перекатился на другое место. Будь у него сейчас кусок хлеба с колбасой и пол-арбуза, было бы совсем хорошо. Сон пришел неожиданно. Вася уже не мог открыть глаз, хотя на лицо его переместился густой солнечный блик, кто-то нежно пощекотал ему висок, скатился по щеке на шею и пропал, исчез и сам

Вася.

Провалившись во тьму, он сильно ударился головой о дерево, так сильно, что ноги словно по щиколотки ушли в землю. Он попробовал выдернуть их и не смог. Он не испугался, он понял, что никакой он не Вася и никогда им не был, что он всего лишь обыкновенное дерево и что он всегда находился в этом лесу, вот здесь, рядом с большой, поросшей багровым мхом кочкой, и, прорываясь из земли, из плотного сырого удушья, к простору, свету, он даже разломил какой-то трухлявый пенек. И проклянулся он из большого коричневого желудя много лет назад, и долго-долго пробивался к солнцу из-под двух старых берез, беспощадно давивших его, своими корнями они все время пытались сковать, смять, оттеснить его еще слабые корешки, они упорно простирали над ним свои зеленые космы, стараясь не пропустить к нему ни одного солнечного блика, ни одной капли дождя. Но и он не сдавался в тесном сплетении корней, отвоевывая для себя каждый сантиметр свободного пространства, он уходил от них все дальше и дальше в глубину земли, одновременно захватывая и любой освободившийся клочок пространства наверху и тут же просовывая в захваченный промежуток молодой жесткий лист, и вот его старинных врагов - берез давно нет и в помине, а он все стоит и тянется выше и выше, и в удачный, урожайный год крупные полновесные желуди тяжелым дождем шлепаются на землю. А те две березы давно рухнули, и их останки затянул жадный густой мох. И ему все время нужно расти, и тогда, и сейчас, в бесконечном единоборстве с окружающим враждебным миром нельзя пренебрегать ни одной лишней каплей, особенно в дождь, когда неудержимые потоки сбегают по всем его узловатым ветвям, по зеленому стволу, бьют в глянцевитые жесткие листья. Он радуется прохладному току жизни, поднимающемуся из корней, захвативших огромное пространство благодатной тьмы и вытеснивших все чуждое, постороннее и оставивших ему только необходимое и полезное. Его ветви тянутся все выше и выше, он давно уже господствует над всем остальным лесом, ему нет равных, а он продолжает расти, и вот уже в его верхних ветвях начинают путаться молнии. Он знает надо остановиться, дальнейший стремительный рост - гибель, но он не может. Он растет и сам чувствует боль разрываемой силой роста коры, столетняя, нерушимая кора под напором лет с тяжким звоном рвется. И то, что должно было случиться, случилось: его с вершины и до корней облили потоки пламени, сотрясла невыносимая боль, надломившись почти у самой земли, он стал шумно падать. Коснуться земли он так и не успел, вдали тонко прорезался голубоватый, зовущий свет.

Вася ничуть не удивился, увидев перед собой белый гриб, со шляпкой размером с крышу дома. Гриб был с крошечными окнами и дверкой у самой земли, пригнувшись, Вася шагнул через порог, в сухое нагретое тепло, и, не веря глазам своим, стал внимательно оглядываться. Он увидел внушительное сводчатое помещение, залитое неярким матовым светом, радуясь неожиданному теплу и сухости, он сел у стены на хорошо прогретый чистый пол, весь затянутый губчатой пленкой, привалился к стене, стараясь не повредить ее губчатой поверхности, и с наслаждением вытянул ноги, все в том же испуге повредить потаенный, принявший его под свою защиту лесной мир, Вася сделал судорожную попытку проснуться и не смог.

3

Большая ветка старой березы, метрах в трех от земли, хранила прохладу и свежесть. Вася изо всех сил цеплялся за ее зеленый, струящийся свет, вот березовая веселая листва пошла мелкой рябью от легкого ветерка, но все это уже было из прошлого, мелькнуло и окончательно исчезло.

Первым Вася увидел перед собой страдающее, без кровинки лицо жены, сам он лежал на

собственной, привычной кровати, а в широко распахнутое окно, с приспущенными льняными шторами, рвалось солнце, ярко освещая гладко оструганные сосновые стены.

- На-ка, выпей, - сказала Семеновна, помогая ему привстать и отхлебнуть из чашки. Он даже не успел удивиться присутствию здесь своей тетки, потому что все сразу вспомнил. Просто они с женой сдут отдыхать и лечиться:

Семеновну же он сам вызвал побыть лето с детьми.

Вася выпил какую-то вкусную ароматную теплую жидкость, облизал сухие губы.

- Молоко с коньяком? - предположил он.

- Как же, - важно отозвалась Семеновна, выравнивая подушки.

- Вкусно, - сказал он виновато, - можно еще?

- Можно, - отозвалась Семеновна и опять дала ему отхлебнуть. - Вот, Вася, тебе звонок, какого тебе еще нужно? Дальше так нельзя, у тебя дети. И не смотри так. Будь я на месте твоей жены, я бы давно навела в доме порядок.

Женился? Женился. Завел детей? Завел. Значит, изволь довести их до дела.

Семеновна, с самой Васиной женитьбы находившаяся с Татьяной Романовной в состоянии необъявленной войны, сейчас позволила себе перейти в наступление, но Татьяна Романовна, болезненно воспринимавшая любое замечание в свой адрес со стороны Семеновны, на этот раз была полностью согласна с ней и поэтому промолчала.

- Сейчас совершенно невозможно! - резко сказал Вася и сел в кровати. Эксперимент в завершающей стадии...

Как я брошу ребят? Осталось совсем немного. Вы же знаете моего лучшего друга, этого волкодава Кобыша... В конце концов, работа, может быть, пойдет на премию в случае успеха. А тут наш вечно голодный Полуянов! Спит и видит на своей широкой груди золотое сияние...

- Все ваша дурацкая игра в награды, кто кого перетянет! - усилила натиск Семеновна, не глядя на Татьяну Романовну, но каждое слово предназначалось сейчас ей, и это понимали все трое. - Удивляюсь тебе, Таня, тебе нужен живой муж, а детям отец, а не ваши дурацкие висюльки!

Можно ли думать сейчас о премиях, когда ног не таскаешь!

Вместо ответа Татьяна Романовна, осторожно взяв Васю за плечо, заставила его лечь. Вася, чутко настроенный сейчас ко всему происходящему, задержал руку Татьяны Романовны в своей, еще влажной от слабости ладони.

- Танюш, дети уже встали? Не очень я тебя напугал?

- Не очень. Но лучше ты сейчас поспи, а то полежи бездумно, с закрытыми глазами.

- Я лучше полежу с открытыми, можно?

- Всегда бы ты был такой покладистый, цены бы тебе пс было, Вася.

- Да разве не всегда такой? В понедельник такой был, погоди-ка, когда еще? В пятницу...

- Особенно когда Кобышу в пасть добровольно лезешь...

- Да, Кобыш ?лужик серьезный, с характером, да, Таня, си прагматик, но он умеет почувствовать направление, а это немало. Пойми, он на месте в лаборатории.

- Я знаю одно, в ключевых позициях ни с кем нельзя делиться, тем более с Кобышем, он же не человек, он танк, я его боюсь. - Татьяна Романовна, не принимая примиряющей улыбки Васи, отчужденно переставляла пузырьки у изголовья.

- Чем Кобыш тебя так достал, ну чем он опаснее, например, Полуянова?

- Как можно быть таким травоядным! Кобыш-акула, он проглотит тебя вместе с лабораторией и не облизнется, - Татьяна Романовна нервно поправила узел шейной косынки. - Почему я одна должна все предвидеть? Кто я такая? Мне скоро самой уже не будет места в лаборатории.

Кобыш выживет. Да, да, да, кто я такая, чтобы меня спрашивать, принимать меня во внимание?

Смотревший на нее с легкой полуулыбкой Вася от ее последних слов откинулся головой на подушку, и лицо его затвердело.

- Ты опять усложняешь...

- А ты упрощаешь, упрощаешь, упрощаешь, - отдельно, утяжеляя каждое слово, ответила Татьяна Романовна, солнце было уже высоко и густо заливало комнату, Татьяна Романовна совсем задернула шторы. - Нечему удивляться. Ты умный человек и понимаешь все. Меня не может не тревожить наше положение. Если бы ты понял, Вася! Нельзя всю жизнь только работать. Надо когда-то заставить себя остановиться и оценить уже сделанное.

- Что, что я должен оценить, Таня? - ровно, как о чем-то безразличном для себя, спросил Вася.

- Ты хочешь, чтобы я высказала тебе все до последней запятой?

- Мы только так до сих пор и жили, - сказал Вася. - Мы...

- Нет, не так, - резко оборвала его Татьяна Романовна. - Вокруг тебя уже сложилась зона отчуждения... Талант, одаренность, исключительность! Не тревожить, не беспокоить... Ах, ах! Только бы не помешать процессу! И я первая подпала под эту магию твоей исключительности...

- Таня, - тихо позвала Семеновна, чувствуя надвигающуюся бурю, одну из тех, которые время от времени ч раньше потрясали старый дом у озера, но Татьяна Романовна не услышала или не захотела услышать.

- Ты жалеешь?

- Не делай удивленных глаз, - сказала Татьяна Романовна, напряженно шагая взад и вперед перед его кроватью на жестких каблуках и тем самым подчеркивая свою готовность к дальнейшему нападению. - Больше всего мне нравится, когда ты удивляешься вещам очевидным будто только что родился на свет божий.

- Ты жалеешь? - так же ровно, безразлично повторил Вася.

- Не жалею! Как можно жалеть о том, что родился с серыми глазами, а не с васильковыми, хотя васильковые может быть, и в тысячу раз лучше.

- Не в тысячу, а в девятьсот двадцать семь!

- Вася, Вася, тебе все шуточки, ты опять уходишь от главных вопросов, а их нужно решать. Ни юг, ни горы ничего не изменят в тебе самом, и твоя амбиция - ширма за нее ты и прячешься. Главное в тебе самом - стоит только протянуть руку...

- Неужели только протянуть?

- Тебе нужно брать лабораторию, именно тебе а не Кобышу, раз Морозов уходит, - упрямо глядя перед собой

сказала Татьяна Романовна. - Что ты юродствуешь? Сколько раз мы говорили с тобой об этом! Я и сейчас утверждаю тебе нужно переключиться, дать отдохнуть голове...

- Все не так просто, Танюш, ты не хуже меня знаешь, сколько порогов надо обить, чтобы получить лабораторию, лоб до синяков намозолить в поклонах...

- Раз нужно, значит, нужно, не ты один, - стояла на своем Татьяна Романовна. - У тебя - сбой, кризис, истощение-переключись! Вот единственно разумный выход. Совсем выключаться из процесса страшно, да и неразумно!

На твоих работах уже существует направление в институте, давай-давай складывай теперь уже следующее подиожье, а другие будут возвышаться. Вася, тебе надо взять то, что уже тебе принадлежит по праву.

- Таня, ты действительно считаешь, что я неспособен двигаться дальше? Татьяна Романовна резко повернулась на каблуках. - Да не стучи ты каблуками, неужели у тебя нет мягкой обуви?

- Прости, - повернулась к нему Татьяна Романовна, с облегчением сбрасывая с ног туфли, ее маленькие розовые ступни казались странно голыми на некрашеном деревянном полу. - Я уверена, Вася, что, если и дальше так себя расходовать, скоро не останется ничего. Ты выдохнешься.

Я ведь тоже, Вася, вот-вот уп-аду от твоей гонки, ты только этого не замечаешь. Нужна передышка. Возьми лабораторию, ведь неизвестно, кто придет на место Морозова. Морозов тебя ценил, Морозов с тобой считался, давал тебе делать, что ты хочешь. Если ты займешь его место, это будет только справедливо. И ты отдохнешь, мозг отдохнет, и твой, и мой, и делу польза, поможешь молодым, своим же ребятам.

- Таня, только не надо спекулировать выгодой ребят, ладно? Совсем уж нечестно!

- А перекладывать все практические решения на плечи других, на мои например, честно?

- Ты знала, за кого шла замуж, я тебя не неволил.

- Преступно так безалаберно относиться к плодам своего труда. Ты за все платишь серым веществом, а решение практических вопросов перекладываешь на плечи кобышей и полуяновых, то есть даришь им плоды наших совместных усилий. Чудовищно, преступно по отношению к самому себе, к уже сделанному, к своему же таланту! Талант-это не бездонный сосуд, он тоже имеет определенную емкость.

- Все так, Танюш, но если я не создан для руководства, для хождения по инстанциям, если из меня не получится мало-мальски приличный руководитель?

- Ты не можешь этого знать, - Татьяна Романовна опять непримиримо хрустнула сплетенными пальцами рук. - Ты никогда не пробовал этим заниматься. Ты привык вечно тесать гигантские блоки, тогда как Кобышу для достижения того же уровня достаточно нажать кнопку на селекторе.

- Так-таки и кнопку?

- Ну, две!

- Таня, ну скажи, чего тебе в жизни не хватает? Академического пайка? Чем ты уж так не удовлетворена?

- Зачем же так примитизировать, Вася? Мне больно, мне стыдно, что твой мозг так чудовищно, так бессовестно эксплуатируется и я тоже втянута в бесконечную, изматывающую гонку.

Ровный голос и странно остановившееся выражение лица Татьяны Романовны не предвещало ничего хорошего, человек бурно эмоциональный, она в минуты гнева непонятно стихала, и даже интонации ее обычно оживленного высокого голоса менялись на глухие и низкие. Желая разрядить напряжение, Вася постарался успокоиться и придать своему лицу самое безмятежное выражение.

- Семеновна, ребят пора поднимать и кормить завтраком, давайте-ка не нарушать с самого начала режим, - начал было Вася, но Семеновна, с живейшим интересом выслушав неизвестные ей до сих пор подробности из жизни племянника, стариковски пристально взглянула на обоих и, бесшумно составив пустую посуду на ярко расписанный поднос (подносы были слабостью Татьяны Романовны), уже выплывала из комнаты, поджав в ниточку и без того тонкие съеденные губы. Дверь за ней бесшумно и плотно затворилась.

- Ну вот, перепугала насмерть старуху, она неведь что о нас с тобой подумает. А ведь сама так ждала ее!

- Не беспокойся за нее, она за себя постоит, Семеновна не из пугливых. Потом, в глазах твоей тетки ты всегда прав, она всегда на стороне мужчин, будь то ты, Олег или Тимошка. Мужчина в глазах Семеновны неправым быть не может.

- Сядь, ноги остудишь, - предложил примиряюще Вася, но Татьяна Романовна, не принимая перемирия, негодуя вздернула плечи. - Ну хорошо, Татьяна Романовна, тогда давай выступай дальше.

В лице Татьяны Романовны точно что-то захлопнулось, и Вася пожалел, что назвал жену Татьяной Романовной, а не Таней.

- Да, да, да, - Татьяна Романовна все больше проникалась к этому странному, не желавшему палец о палец ударить для облегчения собственной жизни, человеку чувством неприязни и жалости. - Вот ты сейчас на своей кровати отчаянно себя жалеешь! Так ведь? Никто тебя не понимает, не в состоянии попят, где уж! Каргалов? Бездарь!

Векшип? Ну, этот совсем сошел с дорожки! Полуянов? Ну конечно, шут, рыжий на ковре, - усмехнулась она одними губами, хотя внутренний голос давно просил, убеждал, умолял ее остановиться, образумиться, перевести дышащее. - Да, да, да, вокруг одна только дрянь, серость, ничтожество! неслась она дальше в своем ослеплении. - Во WEC одном божественный дар, я-божественный сосуд, только мне одному доверено нести факел.

Побледневший Вася, сильнее вжимаясь в подушку, старался не глядеть сейчас на жену, видеть ее сейчас было ему трудно, почти невыносимо.

- И мою судьбу ты мимоходом перечеркнул, - продолжала свои безжалостные обличения Татьяна Романовна. - И не делай страдальческие глаза! Я бы давно уже кандидатскую защитила, у меня тоже мысли были, самостоятельные разработки... а ты все втянул в себя. Кто я теперь? Жена, секретарь, расчетчица? Нитка к иголке? Только успеваю оформлять твои

мысли. Меня от цифр уже тошнит. Веришь, на обоях вместо цветов у меня цифры впечатаны, везде цифры, цифры, цифры... Переворачиваю длиннющие бесконечные рулоны с цифрами, чтобы не упустить тот единственный результат, которого ты ждешь. Слепну от цифр, а ты одним царственным взмахом отказываешься от борьбы за лабораторию, перечеркиваешь целое десятилетие совместных усилий! И какой итог?

Тяжелый, когтистый шлепок в дверь прервал речь Татьяны Романовны, и на пороге появился Тимошка, не совсем еще просохший и оттого непривычно щуплый и узкий, но все в той же грациозной позе существа благородных кровей, с внимательно чутким носом. Он пришел осведомиться, что делается у Васи и почему так долго никто не показывается из его комнаты, и Вася, встретившись с ним взглядом, ощутил опять легкое головокружение, он сам еще не совсем вернулся из мира первородных вещей, замороженно отражавшихся сейчас в непроницаемо-темных глазах Тимошки. Тимошка, отличавшийся удивительной особенностью угадывать в нужный момент свою необходимость, деловито прошлепал прямо к Васиной кровати и, не отрываясь от отчужденно-замкнутого лица Васи, преданно положил морду на подушку и замер.

- Вот, вот, - обрадовалась Татьяна Романовна новому аргументу, мстительно указывая на Тимошку. - Вот твой лучший друг, теперь ты с ним можешь остаток дней просидеть на скамейке, слушая лягушек...

Полувопросительно шевельнув хвостом и не встретив одобрения Васи, ничего не поняв и лишь ощутив нависшую в комнате грозную атмосферу, Тимошка благоразумно скрылся под кроватью.

- Что ж ты не выходила замуж за Севку Валуева или за того же Яшку? - со странной полуулыбкой неестественно высоко поднял брови Вася. - Севка ведь так добивался, вот и были бы совершенной парой, счастливым совпадением наклонов.

- Потому и не вышла, что ты встал на пути... Стеной, скалой! Именно твоя одаренность, твоя одержимость меня обманула! Не уметь поддержать такой успех, усилия двух жизней! Главное, не хотеть! Я бы слова тебе не сказала...

если бы ты хоть раз попытался защитить себя, свои талант. Но ты же небожитель! Тебе только нимба не хватает. Хватит! С меня довольно! Не хочу остаться у разбитого корыта!

- Ты знала, за кого выходишь замуж, Татьяна Романовна, - голос Васи заставил Тимошку переменить положение и плотнее прижаться к прохладному полу. - Я тебе не обещал ни праздников, ни персональных машин, я могу повторить тот наш разговор слово в слово. Я даже помню, где мы тогда были, на Крымском мосту.... еще не начало светать.

- Не надо, - глухо, как-то вся обмякая, попросила Татьяна Романовна. Я тоже помню.... Что же делать, мы слишком горячо взялись, по молодости были слишком самонадеянны... Не рассчитали силы... Я так устала, Вася, больше не могу. Ноша оказалась слишком тяжелой, мне не по силам, Вася, разве я виновата?

Почувствовав смену интонации в голосе Татьяны Романовны, Тимошка озабоченно вылез из-под кровати и переместился ближе к ее ногам, скашивая черный умный глаз то на нее, то на Васю и как бы прикидывая, кому он в данную минуту может быть больше полезен и к кому в первую очередь надо броситься на помощь.

- И ты не виновата, и никто не виноват, весь вопрос в том, на сколько еще хватит горячего, Таня.

Как всякая чуткая и любящая женщина, Татьяна Романовна чувствовала, что складывается неподвластная ей ситуация, и, что бывало с ней крайне редко, она с некоторой даже

растерянностью и боязнью глядела сейчас на мужа, словно столкнулась с неудержимо влекущим водоворотом, полным скрытой, непонятной жизни и опасных воронок.

Выгадывая время для необходимой перестройки, Татьяна Романовна пустила в ход одну из самых своих непроницаемых улыбок, с какой красивая женщина разговаривает с другой, еще более красивой. Озадачивая Васю своей полнейшей безмятежностью, Татьяна Романовна присела на подлокотник низкого кресла в углу и вытянула длинные красивые ноги в золотистом, еле заметном пушке.

- Вася, ты звонил Коле Звереву? - все с той же непроницаемой небрежной улыбкой, как о чем-то маловажном, хотя это составляло главный интерес ее разговора, спросила Татьяна Романовна. - Он два раза о тебе справлялся.

- Этому-то что еще нужно?

- Он говорил о тебе с министром, Вася, что за тон?

Ты и раньше не отличался мягкостью, а теперь вообще от тебя ни о ком не услышишь доброго слова.

- А я сам? Разве о самом себе я плохого мнения?

- Вот, вот, видишь, никого рядом, кто был бы нам равен, вокруг нас абсолютный вакуум.

- Таня, что с тобой, ты шуток не понимаешь?

- Какие тут шутки, когда такая нетерпимость! Теперь вот и Яшка Полуянов, и Коля Зверев, и Севка Валув стали тебе нехороши. Ни с того ни с сего решил сыграть в ревность, - пожала плечами Татьяна Романовна. - Так я тебе и поверила! Ты и когда целуешься, в глазах одни формулы торчат.

- Запрещенный удар, - обрадованно потер руки Вася. - В солнечное сплетение, а то и ниже. Недаром Севка Валув у тебя сегодня с уст не сходит.

Не удержавшись, Татьяна Романовна засмеялась, пересела к Васе, затормошила его:

- Ах ты, Вася-Василек! Никак не хочешь понять, что время сейчас такое, жестокое, ничего не поделаешь. Кроме таланта, нужно еще иметь власть, а талант, что талант? Так и будут доить все, кому не лень,

- Завела свою пластинку, - отмахнулся Вася, внутренне прислушиваясь к малейшей интонации Татьяны Романовны.

- Просто тебе больше нечем крыть, - Татьяна Романовна снова перешла в наступление. - А к Севке ты несправедлив, Севка-один из немногих наших истинных друзей... Сам выбрал себе судьбу, вместо жены взял себе редкую профессию, улетел на Камчатку и живет себе поживает в своем рыбьем царстве. Чем он тебе-то мешает?

Два-три письма в год!

- Пусть бы твой Петрарка вместо писем кетовую икру или балыки слал.

- Пошлый вульгаризатор! - невозмутимо парировала Татьяна Романовна. Что ты сегодня замкнулся на Севке?

У пас своих проблем выше головы, и ни одна, заметь, не решается...

- И не решится.

- Спасибо, обрадовал.

- А что я могу, я, Танюш, ничего не могу.

- Ты можешь тесать блоки, за которые никто больше не берется, а изменить порядок вещей ты не в состоянии.

Не нами он установлен, не нам пытаться его изменить, - подвела черту Татьяна Романовна. - Меня интересует другое. Твое здоровье. Я за тебя отвечаю. С меня спросится.

Куда смотрела? Почему не уберегла? Ты, Вася-Василск, уже не тот, что пять лет назад, хотя бы пять лет назад...

Повторяла и повторять буду-работаешь на износ. В один прекрасный день твой мозг просто откажет. И что ты будешь делать? Лудить чайники? Тебе нужно, необходимо переключение, и нечего прятаться от самого себя.

- От тебя спрятаться, точно, некуда. Конченный я человек.

- Вася, можешь ты быть серьезным хоть раз в жизни!

Господин случай подбрасывает тебе билет. Морозовы не каждый день уходят. Позвони Звереву! - Татьяна Романовна с трудом удерживалась от внезапно подступивших слез.

Тимошка, бесцеремонно отряхнувшись, подошел вплотную к Татьяне Романовне, положил ей голову на колени, туго обтянутые тонкой материей, и, неотрывно глядя на нее, внимательно дослушал ее длинный монолог, пытаясь понять, на чьей стороне правота.

- Даже Тимошка серьезней тебя. Видишь, он тоже просит, правда, Тимошка? - немедленно призвала в союзники Тимошку Татьяна Романовна, с наслаждением запуская руки в лохматую шелковистую шерсть. - Послушайся хоть его, надеюсь, его-то ты считаешь своим искренним другом?

- А ты не решай за Тимошку, - рассердился Вася. - И вообще я спать хочу, не дают человеку поболеть, каждый тут высказывается, выступает. Мы с Тимошкой спать хотим.

- Спи, спи! - с готовностью подхватила Татьяна

Романовна. - Дай я тебя укрою... Может, чего-нибудь вкусенького принести?

- Не надо, - отказался Вася, с удовольствием закрывая глаза.

Татьяна Романовна слегка провела ладонью по его волосам и на цыпочках вышла. Тимошка хотел было отправиться с ней вместе, но она приказала ему быть с Васей и караулить его, Тимошка послушно улегся возле кровати.

Татьяна же Романовна тщательно, не по-дачному оделась, подкрасилась и, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, предупредив Семеновну, что уходит по делу, вышла к шоссе. Проголосовав, спустя полчаса она уже была у нужного ей дома, в самом центре соседнего с Озерной дачного поселка, здесь, находясь уже почти у цели, она опять заколебалась. Ей пришлось в голову, что она своим походом к Полуянову поставит и себя и мужа в неловкое положение и что лучше всего было бы вернуться и никаких разговоров с Полуяновым не вести. И, однако, рассуждая таким образом, она уже поднималась по тесной лестнице и скоро оказалась на втором этаже деревянного коттеджа.

А может, его, на счастье, и дома не окажется, она перебросятся с Мариной, женой Полуянова, парой дежурных фраз, посидит с четверть часа, выпьет чаю с обязательным в

дачной жизни клубничным вареньем и вернется домой, - обнадежила себя Татьяна Романовна, притрагиваясь к кнопке звонка, и тут же услышала твердые шаги за дверью, через несколько секунд она увидела обрадованное ее приходом и удивленное лицо Яши Полуянова и улыбнулась ему, полуофициально-полудоверительно. Он пригласил ее войти, усадил в кресло, Татьяна Романовна часто бывала с Васей у Полуяновых в московской квартире, но на даче была у них впервые. Здесь, как и в Москве, царствовали вещи. Полуянов много и охотно ездил в заграничные командировки, квартира его, а теперь вот и дача были набиты дорогими вещами и редкостями и больше смахивали на антикварную лавку, где вещи не служили человеку, а соперничали друг с другом, хищно, как на аукционе, выкрикивая свою цену. Глядя на это собрание вещей, нельзя было даже отдаленно предположить профессию и круг интересов их хозяина, так далеки они были, вместе взятые, от того, чем занимались Вася с Полуяновым на работе. Хозяйка дома, пышноволосая женственная блондинка, с кроткими, небесной голубизны глазами, отсутствовала, и Татьяна Романовна облегченно вздохнула. Они недолюбливали друг друга, несмотря на внешнюю приветливость и дружелюбие.

В напевных, мечтательных интонациях Марины Сергеевны Татьяне Романовне всегда слышалась фальшь. В институтских кругах Марина Сергеевна приобрела известность своими приемами, где умела щегольнуть изысканностью и роскошью сервировки, смелостью интерьера (ее коньком была мебель), искусно подобранными и дополняющими друг друга гостями. Каждого она могла занять и обогреть, найти нужное слово, а старички профессора просто таяли в ласкающих лучах ее небесно-голубых глаз.

При всей своей кажущейся женской беспомощности, незлобивости и кротости, Марина Сергеевна активно двигала мужа по служебной лестнице и считала необходимым быть в курсе всех институтских дел.

Задержавшись взглядом на низком длинном столике в круглой нише стеклянной веранды, где блестела никелем.

полированной поверхностью, разноцветными клавишами и кнопками устрашающая коллекция магнитофонов, диктофонов, миниатюрных колонок для стереофонического звучания, Татьяна Романовна с интересом спросила:

- У тебя, Яша, я вижу, дорогое увлечение...

- Я сам дорогой, Таня, - улыбнулся своей слабости Полуянов, наблюдая за Татьяной Романовной и заинтересованный ее неожиданным приходом. Это-презент, в Штатах в прошлом году преподнесли, помнишь, я с делегацией на конгресс летал... а вот этот мини-японский. Все-таки японцы в электронной аппаратуре всех опередили...

Жаль, Вася не увлекается. Экономно, красиво, долговечно... Если бы я не знал нашего дорогого Васю, я бы и тебе мини-диктофон устроил, например, размером с пудреницу... но ведь на него как найдет!

- Я к тебе, Яша, как к старому верному другу пришла, - перебила Полуянова Татьяна Романовна, со странной пристальностью глядя ему прямо в зрачки. - Мне нужно поговорить с тобой, о Васе...

Полуянов от неожиданности моргнул, и глаза его разбежались в разные стороны, хотя все в институте давно привыкли к этой его особенности, Татьяне Романовне стало как-то неуютно, не по себе, и Полуянов, с чуткостью человека, давно знавшего и ее, и Васю, и все сложности их отношений, угадал ее настроение.

- Да ладно тебе, - сказал он просто. - Свои же люди. Чего там, выкладывай.

- Понимаешь, Яша, он по-прежнему отказывается от борьбы за лабораторию. Звонил Зверев Коля, говорит, что новое назначение Морозова уже пошло к министру. Он почву там предварительно подготовил, говорит, Васе самому теперь надо постараться. А этот уперся. Ничего с ним не могу сделать, Татьяна Романовна нервно переплела пальцы. - Для Васи это было бы спасением, он устал от перегрузок, сколько можно выжимать из себя! Ему нужна передышка, переключение. Он за Морозовым был как за каменной стеной. Не возьму в толк, что делать, как на него повлиять. Меня он совершенно не воспринимает, к моим доводам глух. Он в автономном полете.

- Я не уверен, что мои доводы он воспримет иначе.

- Надо же что-то делать, Яша! - воскликнула Татьяна Романовна. - Что еще можно сделать? Со Зверевым еще можно поговорить, а ты, Яша, пробейся к Чекалину, ты ведешь эксперимент и останешься за Васю в его отсутствие, тебе и карты в руки. Ты умный, придумай, что можно сделать...

- Я умный, а он талантливый, - усмехнулся Полуянов. - Да не во мне дело, Татьяна. Мне он тоже дорог, хотя он привык плевать на мое мнение. Подожди, подожди, - мягко остановил ее Полуянов. - Ты, Татьяна, не горячись, ты-то его знаешь... Что это-блажь или в самом деле натура? Я все возможное уже предпринял. Помощника Чекалина обработал. На своем, конечно, уровне. Я, сама знаешь, немного могу. Сколько с ним бился... Как об стенку горох! - воскликнул Полуянов, и лицо его пошло пятнами, - Ну там школьные товарищи, старая дружба... Но последний раз он меня просто оскорбил, хуже-унизил! Ну ладно, он выше нас на три головы. Но есть же предел терпимости, Татьяна!

"Конечно, есть!" - подумала Татьяна Романовна, в то же время примиряюще улыбаясь Полуянову.

- Помнишь, Яша, как мы все хотели поскорее вырасти, стать взрослыми и получить самостоятельность? Дураки мы были...

- Татьяна, жизнь не перехитришь, - сказал Полуянов. - Вчера от Севки Валуева письмо получил, грустное письмо. Правда, какой он теперь Севка, он теперь Всеволод Никанорович, докторскую защитил, книжку о своих лососевых написал... вот он мне книжку прислал. Фундаментальная работа!

В руках у Татьяны Романовны оказалась книжка, действительно увесистая, в добротном красивом супере, почему-то боясь раскрыть ее, Татьяна Романовна притихла, глаза ее затуманились, но она ни на мгновение не забывала о Полуянове, давшем ей возможность побыть наедине с прошлым и вышедшем на минутку на кухню поставить вскипятить воды для кофе. "Все может быть", - подумала она, пуская страницы книги веером, вроссып и выхватывая глазами частые цветные схемы, добротные отпечатанные иллюстрации, остановившись на одной, она долго с удивлением рассматривала тупую рыбью голову с полуоткрытым круглым ртом и вздувшимися жабрами. Она неприметно вздохнула, тихая улыбка тронула ее губы. Севка Валуев любил ее, об этом знала и она, и родители, и Вася, но Сева, весь какой-то отутюженный, в костюме с иголочки, узкоплечий, болезненно стеснительный, всегда бесследно терялся среди своих же товарищей, пожалуй, она лишь однажды почувствовала в нем за неброской, робкой внешностью темную, нерассуждающую, всепоглощающую до степени самоотречения тяжесть страсти, то, с чем ей никогда не пришлось столкнуться в отношениях с Васей. Она была потрясена и напугана, но Севка Валуев выбрал для объяснения самое неподходящее время, перехватил ее, когда она возвращалась от Васи, счастливая, ослепленная, бережно неся в себе неостывшее тепло его губ...

Вернулся Полуянов, и запахло крепким кофе, Татьяна Романовна отсутствующе улыбнулась

ему навстречу и осторожно, словно освобождаясь от дорогого, но уже ненужного груза, положила книгу на низенький столик рядом с японским магнитофоном.

- Сева обещает скоро навеститься в родные пенаты, - сообщил Полуянов и подал ей тонкую просвечивающую чашечку с кофе. Тут же он принес нарезанный лимон и начатую бутылку коньяку.

- Не женился? - спросила она, осторожно поднося к губам чашечку и отхлебывая кофе.

- Если ему верить, нет, - ответил Полуянов, стараясь как-нибудь ненароком не смутить и не спугнуть ее и поэтому с нарочитой медлительностью добавляя себе в кофе коньяк. - Впрочем, что об этом рассуждать, время на Руси теперь странное, мужики пошли какие-то закомплексованные. Татьяна, вспомни, сколько у нас ходит в институте тридцатилетних, а то и сорокалетних в холостяках... Черт разберет, что такое происходит! Поговори вон с демографами, они прямо утверждают, что бабы рожать не хотят, слишком обэмансипировались. Не смейся! - повысил Полуянов голос. - Смешного здесь мало!

- Я не смеюсь, с чего ты взял! Я думаю, почему мы такие умные в масштабах космоса и такие беспомощные в своей собственной судьбе?

Прихлебывая кофе с коньяком, Полуянов молчал.

- Пойду, Яша, - Татьяна Романовна вздохнула и встала. - Прости за вторжение, Марине привет.

Уже попрощавшись, остановилась на минутку в прихожей, у двери, оглянулась и, словно чего испугалась, торопливо кивнула, толкнула дверь и вышла.

4

Вася был физиком, по сути дела осуществлявшим научное руководство по разработке новой перспективной проблемы в одном из исследовательских институтов. В последние два года Вася сильно продвинулся в осуществлении намеченной программы и получил серьезное нервное истощение, и теперь его отправляли в длительный отпуск и на лечение, а он упорно сопротивлялся. Как всегда, ему не хватало двух-трех недель, и он пытался уверить в этом прежде всего жену, но Татьяна Романовна придерживалась другой точки зрения и делала все возможное, чтобы увезти Васю из Москвы. По ее мнению, Вася просто задался целью погубить, перечеркнуть достигнутое ими обоими в их трудной совместной жизни, и в этом было немало горькой истины.

Тимошка же был истинным философом, и, сидя на мостках над озером и усиленно двигая ушами и бровями (это у него служило признаком крайне напряженного размышления), он тоже частенько задумывался над превратностями жизни, к тому же, в отличие от людей, Тимошка никогда ничего не забывал из прошлого. Когда, например, несколько лет назад еж Мишка, еще не носивший таких, как сейчас, роскошных бакенбардов, неожиданно подскочив, уколол его в ничем не защищенный нос, для Тимошки случившееся явилось целым потрясением, и он навсегда запомнил коварство ежа. Впоследствии он уже никогда не разрешал себе близкого общения с ежом Мишкой и, сталкиваясь с ним, преследовал его громким лаем, рвал когтями траву и угрожающе тряс головой на безопасном для себя расстоянии. И еж Мишка вынужден был подолгу неподвижно лежать, свернувшись клубком, и злобно фыркать.

Видя, как Мишка выходит из себя и бесцельно подпрыгивает, сторожа каждое его движение, Тимошка с удовольствием смеялся, грациозно выставляя из-за зубов кончик розового языка. Еж Мишка, в свою очередь, считая, что достаточно усыпил бдительность врага, осторожно выдвигал из-под колючек хитрую рожицу, одним неуловимым движением удлиняясь, броском устремлялся в укрытие. Тимошка только того и ждал, мягко распластавшись, он прыгал, опережая удирающего ежа, и, угрожающе рыча, делал вид, что готов беспощадно ухватить Мишку за самоуверенный, похожий на пороссячий, только очень темный носик, и ему, крайне занятому, всегда торопящемуся куда-то по своим делам, ничего не оставалось, как снова немедленно свернуться в тугой пружинящий клубок и бесконечно ждать.

Хотя люди и всемогущи, они все равно не были способны понять всей сложности и увлекательности Тимошкиных взаимоотношений с ежом Мишкой или Чапой. Несмотря на это, Тимошка самозабвенно любил обитателей светлого дома, окруженного садом и лесом, да еще с чудесным озером в березках, и это чувство обожания и беспредельной преданности Васиному дому пришло к Тимошке вместе с его появлением на свет и от него совершенно не зависело.

Часа через полтора незаметно вернулась Татьяна Романовна, и день покатился своим чередом. Тимошка считал все объяснения между Васей и Татьяной Романовной законченными, а Васю готовым вернуться к своим обычным занятиям, к сидению у озера, веселым играм и прыжкам, но для самого Васи самое мучительное только начиналось, и мучительнее всего было чувство вины перед женой, свое бессилие объяснить ей, почему именно сейчас нельзя было оставить эксперимент и отправиться к теплому морю. Вася был большой оригинал, и его часто угнетало то, что радовало других.

Семеновна, успокоенная установившимся миром, с одушевлением хлопотала по хозяйству. Татьяна Романовна несколько раз заглядывала к спящему Васе, он ровно и тихо дышал, лежа в своей излюбленной позе на боку, по-детски доверчиво подложив ладонь под щеку. Ближе к обеду Татьяна Романовна еще раз поднялась наверх, Вася обрадованно улыбнулся ей навстречу.

- Танюш, я поспал, я в порядке, - сказал Вася. - Ты как? Здорово я тебя напугал?

- Вася, я же закаленная, в семи кипятках кипяченая.

Ничего со мной не будет. Вот поедем к морю, отдохнем, тебя наладим...

- Да, Танюша, чего меня налаживать? Я же не телевизор.

- Значит, договорились, я заказываю билеты, - подняла тонкие брови Татьяна Романовна.

Вася отвел глаза, промолчал.

- Договорились, в пятницу уезжаем, - подвела черту Татьяна Романовна и, как-то особенно твердо ступая острыми каблуками по деревянному полу, провожаемая внимательным взглядом Тимошки до самых дверей, вышла.

- Вот, слышишь, Тимошка, - неискренне пожаловался Вася, - у женщин своя логика. В пятницу, и кончено.

Раз ты ничего не ответил, значит, согласен, а, Тимошка?

Ты тоже так считаешь?

Тимошка не был подхалимом и, зная доминирующее положение в доме Татьяны Романовны, в конфликтных ситуациях предпочитал отмалчиваться и не брать ничьей стороны, но в глубине души он всегда считал правым Васю, и только его. И сейчас так же, как и всегда,

незамедлительно ткнул носом в большую теплую руку Васи и от волнения и чувства беспредельной слитности с ним судорожно вздохнул, почти всхлипнул.

- Что тут поделаешь, Тимошка, - продолжал рассуждать вслух Вася. Самое главное, ничего изменить нельзя, а значит, нужно выбросить из головы. Освободить место для другого. Тимошка, а Тимошка, - тут Вася пристально посмотрел Тимошке в глаза и понизил голос, показывая, что намерен сообщить нечто очень серьезное, и Тимошка в ответ понимающе шевельнул бровями. - Ты даже не догадываешься, какой ты интересный мужик! - Тимошка опять с усилием шевельнул бровями, стараясь понять. - Ты знаешь, где я сегодня был? У тебя в гостях, в твоём мире... вот где, брат, жизнь идет оправданно, целесообразно, без выкрутасов. Вот где дважды два четыре, а уж никак не пять. Понимаешь? - Тимошка теперь двинул не только бровями, но и ушами, утверждая, что не только понимает но и сочувствует. - Ясно, лучше быть здоровым и сражаться с ежом Мишкой (Тимошка насторожился) или с Чапои (Тимошка весь напрягся при этих словах), чем лежать в больнице с нервным истощением. А? Татьяна-то Романовна права. И Семеновна права. Дети есть дети... Вот ты от этого совершенно избавлен... Вот так, Тимошка, у женщины биологическое чутье, а?

Подняв голову, Тимошка безотрывно смотрел на Васю, не выдержав Васипого пристального и долгого взгляда он неуловимо-грациозным движением отвел голову вбок к вниз, словно, не находя ответа, смутился. Засмеявшись Вася ухватил Тимошку за густую перасчесанную, спутагаю шерсть, подтащил к себе, Тимошка с готовностью заворчи подтыкая носом простыню.

- Ну, чего надулся? Дома Семеновна останется Олег с Дашей. Весело будет, лето пройдет, не заметишь. А там и мы с Гатьяной Романовной приедем... Брось, Тимошка не валяй дурака, есть, брат, обстоятельства. Все должны чемто жертвовать, собаки тоже. Ты думаешь, мне хочется уезжать? Еще как не хочется, да надо...

Легкий, неслышный порыв ветра приподнял сквозящим занавески в окне, и в комнату влетела большая бабочка махаон, Вася с Тимошкой стали внимательно следить за ее бесшумным, резко меняющим направление полетом Тимошка, ожидая более определенной реакции Васи на непрошеное появление суматошного пятна, высвободив на всякий случай голову ^з рук Васи, водил носом вслед за бабочкой. Утомившись и не отыскав выхода, махаон большим резким пятном прилепился к матовой раковине люстры. О нем тотчас забыли, потому что появился расстроенный и даже злой Олег с насупленными бровями и красными пятнами на щеках. Едва взглянув на него, Вася понял настроение сына, но виду не подал, и Тимошка, бросившийся было запросто поздороваться с Олегом и самозабвенно завертевший хвостом, неуверенно ткнул ему в ноги Рассерженный Олег был очень похож на Васю-такие же длинные сильные брови, косым росчерком уходившие к вискам, такие же серые глаза в дремучих ресницах, тот же упрямо сжатый большой рот, придававший всему лицу сосредоточенно-твердое, отстраняющее выражение. Олег затворив дверь, хмуро привалился к дверному косяку, не обращая внимания на искательно засматривающего ему в липо Тимошку.

- Здравствуй, Олег, - сказал Вася. - Ого, сердит-то!

И не здороваешься... Мы же не виделись еще сегодня.

- Я никогда не буду с тобой больше здороваться, - отчеканил Олег, и от собственной решимости у него воинственно вспыхнуло лицо.

- Почему же? - удивился Вася, однако моргнул и тут же, прикрывая свое смущение, потянулся протереть глаза.

- Вы с мамой обещали взять меня к морю? - голос Олега почти оборвался на самой высокой ноте.

- Ну, обещали...

- Мама сказала, дело решенное...

- Дальше, Олег.

- И обсуждению не подлежит, - голос Олега непростительно задрожал от обиды.

- Мама еще что-нибудь сказала?

- Сказала... Мы с Дашей надоели вам и дома, и она хоть мир увидит да вздохнет, - стараясь говорить спокойно, Олег даже побледнел от усилия.

- И дальше?

- Нечестно же...

- Может быть, Олег, - понимающе вздохнул Вася и посмотрел на Тимошку, с усилием вслушивающегося в происходящий напряженный разговор, Вася сейчас искал у него поддержки, но Тимошка, до конца не разобравшись в ситуации, хотя и почувствовал затруднительное положение Васи, прикинулся, что ничего особенного не находит, часто дыша, он высунул язык, сделал вид, что обнюхивает ноги Олега, ведь тот только что пришел из сада и мог принести с собой кое-что интересное. И Вася, убедившись, что со стороны Тимошки помощи ожидать нечего, опять обратился к Олегу, явно решившему стоять насмерть. - Садись, Олег, - вздохнул Вася. - Давай по-мужски поговорим... откровенно.

- Мы уже в прошлом году говорили, когда ты меня в лесничество не взял.

- Ты же теперь вырос, - нашелся Вася, неожиданно наталкиваясь на спасительный берег.

Озадаченный, Олег вынул руки из-за спины, переступил с ноги на ногу, по собственному горькому опыту он знал коварство взрослых, за будничными и самыми скучными правильными словами у них часто скрывался совершенно другой, неожиданный смысл.

- Ну, садись, Олег, садись...

Олег не сразу подошел, примостился на краешке кровати, обрадованный явным примирением двух самых близких ему существ, Тимошка тотчас решил восполнить свое упущение и, встав на задние лапы, потянулся и лизнул Олега в нос. Вася засмеялся, довольный этой помощью и одобряя ее, Тимошка всегда удивительно точно угадывал настроение Васи.

- Год много, пап, правда? - спросил Олег, изо всех сил стараясь сохранить серьезность и направить ход событий в нужное русло. - Я ведь теперь самый тяжелый рюкзак смогу тащить.

- Конечно, сможешь. Давай только вопрос повернем несколько иначе, предложил Вася и, не дожидаясь возражений, продолжил:-Допустим, ты, мама и я отправляемся к морю, затем в горы... так?

- Так.

- И оставляем в доме одних женщин.

- А Тимошка? - горячо прервал Олег, понявший, откуда повеяло опасностью. - Ты Тимошку не считаешь?

- Тимошка, конечно, хорошо, - согласился Вася. - И все же представь себе ситуацию-Тимошка

заболел или с ним что-нибудь случилось, ведь может с ним что-нибудь случиться? - Не дождавшись ответа, Вася развел руками, показывая, что он сам огорчен не меньше Олега. - Всегда должен быть кто-то третий, чтобы заменить в случае беды, прийти на помощь, взять на свои плечи главную тяжесть, - говорил Вася, сам страдая от несчастного выражения на лице Олега, и, пытаясь отвлечь его от невеселых мыслей, указал на люстру и на прилипшего махаона. Олег и глядеть не стал, недовольно сдвинув брови. - Потом, Олег, ты видел два засохших дерева у озера? А по участку их сколько... Надо убрать, я подбирался, подбирался к ним, да так и не успел. Теперь ты уже можешь с ними справиться, будь только осторожней, когда дерево падает. Надо за лето весь сушняк убрать и постепенно сжечь, а то нехорошо-стоит умершее дерево. Зачем? Сколько в нем вредителей и болезней, заражает другие, здоровые.

- А ты скажи бабе Жене, чтобы она не мешала, - уже примирясь с положением дел, хотя не сразу и далеко не радостно, пробурчал Олег. - Она ведь и топор запрядет.

- Я попрошу ее.

- Ты ей серьезно скажи.

- Хорошо, Олег, - улыбнулся Вася. - Что еще говорила мама?

- Да... про тебя говорила.

Олег замолчал, продолжая остро переживать свое поражение и жалея Васю, они были большими друзьями.

- Пап, а ты правда так уж болел? - не выдержал наконец Олег.

Вася хотел поначалу все обратить в шутку, но Олег оставался серьезным, и Вася, глубоко заглянув в его потемневшие страдающие глаза, обеспокоился и удивился мыслью, что сын действительно за последний год сильно изменился и повзрослел, сфальшивить было невозможно.

- Наша мама героическая женщина, - сказал Вася. - Она сама очень талантливая. У нее были красивые решения, красивые работы. Только жизнь не переупрямишь, Олег, в двух разных упряжках мы бы не потянули. Вот мама и пожертвовала собой, осталась только моей помощницей, а тут как тут и вы с Дашей появились... Вовсе не до большой науки стало, при нашем-то быте. Далеки мы еще, Олег, от истинной гармонии. Я маму понимаю, ей со мной нелегко, она яркая личность, вот потому мы с тобой и должны быть чуткими к маме. И прощать ей надо всякие там женские капризы, неровности. Вот видишь, со мной срыв - гнал, гнал без передышки. Я виноват перед мамой, только ведь я мало что могу изменить.

- Зачем же менять? - опять нахмурился Олег, изо всех сил стараясь понять прозвучавшую в словах отца какую-то скрытую неустроенность. - Мама ведь любила тебя.

- Почему-любила? - удивился и обиделся Вася. - Она и сейчас меня любит, и я ее люблю, - добавил он, смущаясь своих слов и серьезного, понимающего выражения лица сына. - От тебя, Олег, сейчас многое зависит. Видишь, я свалился, - Вася неуверенно развел руками. - Тяжести не могу поднимать и все такое... Ненадолго, конечно, пройдет. Подлечусь, и пройдет. Но сейчас в семье ты единственный здоровый мужчина, на тебя одна надежда, а то женщины растеряются, разохаются, женщины, они такие. Им помогать нужно. Помогите маме купить необходимое к отъезду. Поддержи ее. Еще я хочу тебя попросить...

Мы уедем, а ты, Олег, помни о сестре, Даша не должна чувствовать себя одинокой без нас. Конечно, она младше тебя и девочка, но дело в другом. У нее нелегкий характер, а Евгения Семеновна больше тебя любит, Евгения Семеновна уже пожилой человек, ее уже не

переделаешь, и ты должен как-то незаметно подправлять их отношения... Договорились? Чтобы было все по справедливости.

Олег засопел, кивнул и отвел глаза, он придумывал, как бы показать отцу свою готовность сделать не только то, о чем тот просил, но в тысячу раз больше, он любил Васю, и ему сейчас нестерпимо хотелось потереться головой о его тяжелые руки, непривычно неподвижно лежавшие на белой простыне. Положение спасла ворвавшаяся в комнату с отчаянным визгом Даша, она, как всегда, словно свалилась с неба, была растрепана, с полными ужаса глазами.

Остро переживавший такие ситуации Тимошка заинтересованно запрыгал вокруг нее, подняв оглушительный лап.

Даша бросилась к Васе.

- Папа, папа, вор, вор! - кричала она. - У нас на кухне вор! Из холодильника еду забирают, во-от такая спима! Скорей! Скорей, пап!

Олег с хохотом свалился на кровать рядом-с Васей и от восторга стал молотить воздух ногами, Тимошка, не раздумывая, тоже заскочил на кровать, перекрывая всех радостным лаем.

- Да тетя Женя ночью приехала. Мы с мамой поздно вечером ее встречать ходили на станцию! Вот что! - смог наконец выговорить Олег. - Ну трусиха, ну трусиха!

Озадаченная Даша помедлила, затем топнула ногой и убежала сама удостовериться, а Вася с Олегом заговорщически переглянулись.

С этого часа и вплоть до самого отъезда Васи с Татьяной Романовной к морю в доме стояла кутерьма, ни днем, ни поздним вечером не утихали оживленные хлопоты, укладывались и перекладывались чемоданы, покупались рюкзаки, кеды, купальные принадлежности. Олег с Татьяной Романовной не раз ездили в Москву в магазины, затем покупки дружно обсуждались на семейном совете. Татьяна . Романовна купила себе модный, очень открытый купальник. Примерив его дома, она вызвала восторг Даши и нсодобрение Семеновны, Семеновна со своей привычной ласковостью в голосе ядовито заметила, что уж приличнее совсем голым ходить, чем этими полосками себя прикрывать, и Татьяна Романовна с Васей утвердительно закивали в ответ, Олегу же купальник понравился, и он его безоговорочно одобрил.

Стояла хорошая погода, березы над озером шумели к вечеру от малейшего ветра, и, если небо было чистым, в глубине озера начинали копиться предвечерние тени с их тайнами, шорохами и неожиданностями. Из своей норы выбиралась Чапа и, бесшумно выставив одни лишь глаза да усатый нос, плыла к берегу, где росла сладкая осока, затем важно возвращалась, уже с пучком травы во рту. Теперь Чапа на всю ночь становилась полновластной хозяйкой озера, Даше категорически запрещалось подходить к воде в темную пору, Олег за долгий день уставал от солнца и движения и рано засыпал, и только один Тимошка неукоснительно обходил свои владения и, заставая Чапу за добыванием корма, спугивал ее ожесточенным лаем.

В сумерки на скамейке над озером часто сидела Татьяна Романовна, она любила воду и отдыхала в одиночестве.

Если у Васи выпадали свободные полчаса, он присоединялся к Татьяне Романовне, и они, изредка негромко переговариваясь, замороженные тишиной, засиживались допоздна, до самого восхода луны, но в последние дни перед отъездом времени ни у кого не оставалось, даже Тимошке его не хватало, и он прекратил свои ночные вылазки и нс. пугал больше Чапу. В доме стали происходить разные небывало интересные вещи, и особенно по вечерам, и Тимошка, стараясь, по своему обыкновению, ничего не пропустить, едва успевал обойти всех,

и детей, и Семеновну, и Васю с Татьяной Романовной на их втором этаже. Кроме того, чаще обычного теперь звонил телефон, и Тимошке, тоже по давней привычке, ставшей теперь его обязанностью, то и дело приходилось мчаться в гостиную, садиться рядом с телефоном и лаять. И хотя Тимошка порой делал вид, что страшно устал и телефон ему осточертел, втайне очень гордился этой своей обязанностью, и особенно много слов признательности слышал он от Семеновны, в последнее время Семеновна стала заметно слабеть слухом, и Вася все обещал ей достать слуховой аппарат новейшей конструкции, почти незаметный. Вкуснее всего было, разумеется, у Семеновны на кухне, веселее у Татьяны Романовны с Васей, в последние дни на второй этаж совсем перекочевали и дети, и Тимошка не имел права ничего упустить из происходящего в доме. Татьяна Романовна затеяла шить себе и Даше ситцевые сарафаны, Семеновна приходила руководить и отпускать критические замечания, Тимошка добросовестно присматривал за всеми. Женщины оживленно обсуждали фасон и кроили материю, Семеновна, давно уже открыто осуждавшая Татьяну Романовну за то, что та морит себя диетой, и на этот раз не удержалась. Но Татьяна Романовна была в хорошем настроении, и обычной размолвки между ними не получилось.

- Ах, тетя, тетя! - весело сказала Татьяна Романовна. - Мы так мало знаем о самих себе, возможности человеческого организма так мало изучены... Тетя, вам известно, что в нашей стране каждый третий переезжает? Ну зачем, скажите, наращивать лишний вес?

- Конечно, куда уж, - в тон ей отозвалась Семеновна. - Недаром теперь стали такие диетические, где уж теперь рожать и кормить. Теперь уж грудью не кормят, не-ет, куда! Теперь, не успел младенец глазки открыть, ему в рот бутылку со смесью. Искусственники все, отсюда и болезни.

Искусственный век, сплошь синтетика. Натуру перевели, скоро дети синтетические пойдут.

- Допустим, демографический спад имеет и другие причины, - Татьяна Романовна хотела продолжить свою мысль, но Даша, взявшись мастерить из лоскутков летнее платье для своей любимой куклы и заслушавшись, о чем, хотя и непонятном, говорили взрослые, больно уколола себе палец и разревелась.

Тимошка подошел и, утешая, полизал ее мокрые щеки.

- Ты, Тимошка, ей пальчик полечи, - сказала Татьяна Романовна.

Тимошка не понял или подумал, что это совсем уж каприз. Он независимо отправился к Васе. Нацепив на нос большие роговые очки, Вася читал газету, и Тимошка остался им доволен. Газета в руках у Васи говорила Тимошке о хорошем, домашнем настроении у Васи. Тимошка хотел было прыгнуть к Васе на диван, но вовремя вспомнил, что рядом Татьяна Романовна, по странному женскому капризу, она сердилась на Тимошку за подобную вольность. Оглянувшись на нее, Тимошка слегка улыбнулся, высунув кончик языка и всем своим видом показывая, что ему куда приятнее лежать на прохладном и чистом полу, чем на душном и старом диване: скоро идущая от Васи волна покоя усыпила Тимошку, он тоже должен был иногда спать.

В день отъезда с самого утра Семеновна принялась печь пирожки на дорогу и жарить курицу и все охала, что не успеет до шести часов, когда за Татьяной Романовной и Васей должна была прийти машина и отвезти их на аэродром. Тимошка, вставший чуть свет вместе с Семеновной, ни на шаг от нее не отходил.

- Ласковое у тебя сердце, Тимошка, - одобрила Семеновна и дала ему кусочек вкусной мясной начинки для пирожков. - Ешь скорее, а то увидят и опять нас с тобой ругать будут. Пусть уж наша Татьяна Романовна морит себя свеклой да морковкой, а для здоровья без мясного нельзя.

Какой же мужчина без мяса? Ткни пальцем, и упадет.

Тимошку не надо было упрашивать, он был полностью солидарен с Семеновной и в отличие от Татьяны Романовны не боялся пополнеть. Проглотив начинку, Тимошка широко облизнулся и благодарно повил хвостом, за это ему тут же подбросили куриное горлышко, предварительно макнув в соль. Такое лакомство Тимошке доставалось не часто, он вначале даже не поверил, затем осторожно взял горлышко в зубы, оглянулся на Семеновну, словно ожидая, не передумает ли она, и уж затем как-то незаметно, боком, боком выскользнул из кухни и унес нежную куриную шейку к озеру, чтобы там насладиться ею в одиночестве.

За завтраком Даша успела стащить румяный пирожок, чтобы тоже съесть его вместе с Тимошкой где-нибудь в укромном месте, но Татьяна Романовна заметила и заставила ее положить пирожок обратно на блюдо, сказав скучным голосом, что воспитанные дети должны есть за столом.

И тут раздался настойчивый и долгий звонок, кто-то пришел, и Тимошка с хриплым лаем понесся к калитке. За ним поспешил Вася в сопровождении Семеновны, очень любившей встречать гостей, тут, возле калитки, лицо у Васи сделалось кислым, он даже не сумел скрыть разочарования.

- А, ты, Яша, заходи, заходи, - вяло пригласил он Полуянова, державшего в руке "дипломат" и роскошный букет чайных роз.

- Ребята на колесах, всего на несколько минут, по пути, - торопливо поздоровался Полуянов, его глубоко посаженные, странно разбегающиеся в разные стороны глаза глядели сразу на Тимошку, на Васю и на Семеновну. Всем привет... Марина розы послала Татьяне и еще кое-что на дорогу. Балычок и там всякое по мелочи. Держи, - Полуянов передал Васе розы, извлек из "дипломата" аккуратно упакованный в пергамент тяжелый пакет, его беспокойный левый глаз снова и снова останавливался на Тимошке. Полуянов озадачился, что у него ничего не припасено еще и для Тимошки, и огорченно развел руками. - Ничего не попишешь, брат, вышла осечка, тебе в другой раз, - пообещал он.

Подозрительно втягивающий ноздрями воздух, Тимошка в ответ на его слова отвернулся и пересел на другое место, подальше от калитки, он уже запомнил Полуянова и не любил его, от Полуянова сочился какой-то особый раздражающий запах, и всякое появление этого неприятного запаха оставляло после себя плохое настроение, хмурые лица и озабоченность, уж это Тимошка хорошо знал по собственному опыту.

Проводив Полуянова, вышагивающего рядом с Васей, недобрительным долгим взглядом, Тимошка молча отправился по своим делам, Полуянов был неприятный и скучный человек, на него даже лаять было неинтересно. Но уже через несколько минут Тимошка забеспокоился: он оставил Васю без присмотра, наедине с человеком, внушающим глубокое недоверие, и защитить Васю, если что, будет некому. Бросившись в дом, Тимошка застал Васю в сильном волнении и, тотчас заняв оборонительную позицию у ног хозяина, предупреждающе заворчал на Полуянова, смотревшего, по своему обыкновению, в разные стороны.

- Все, Яша, у меня чисто! - развел руками Вася. - Просто ничего готового больше нет. В моем личном столе и сейфе совершенно пусто. И здесь, - Вася шлепнул себя ладонью по лбу, - сплошной сквозняк! Сквозняк, понимаешь? Хватит вам за глаза, вы меня и без того обобрали до нитки. На два-то месяца программы свсрхдостаточно!

Полуянов выразил на своем лице сочувствие и, взглянув на простые некрашеные полы кабинета, даже не застланные паласом, тяжело вздохнул.

- Вася! Василии Александрович! - сокрушенно покачал он головой. - Не горячись! Вот нагнал

ты на всех страху! Конечно, работы на -лето сверх головы. Сверхдостаточно! Это я так, к слову. Общий же котел. Вот и сорвалось с языка.

- Знаю я вас! Первичную информацию сначала обработайте, тогда и говорить будем. Дай бог, чтобы успели к моему возвращению, - Вася заглянул в беспокойные глаза Полуянова и стал завязывать развязавшийся шнурок.

- Сделаем, Василий Александрович. А ты о заделе все-таки подумай.

Пришла раздосадованная Татьяна Романовна, села в глубокое кресло в углу и стала молча слушать, не принимая участия в разговоре, разговор между старыми школьными друзьями шел в полуофициальном, подчеркнутом тоне, она не раз замечала, что мужчинам доставляет определенное удовольствие эта примитивная игра.

- Оставь ты его в покое, Яша, - наконец вставила она. - Напрасно бьешься, он же удила закусил, ты ведь его твердолобость знаешь не хуже моего....

- Делу же, делу урон! - трагически воздел руки Полуянов под настойчивым взглядом Татьяны Романовны. - Ты еще поймешь, какую глупость допускаешь, карась-идеалист! Ты еще локти покусашь. Надо, Василий, брать в руки весь комплекс, пока не поздно. Неизвестно ведь, старик, кто придет на смену Морозову, даст ли он тебе заниматься чистой теорией или заставит пахать на себя. У нас, старик, уже физически не остается времени для нового разбега.

Ладно, ладно, молчу! Но учти, Василий, через пять лет у нас с тобой другой разговор пойдет.

Тимошка опять угрожающе заворчал, и Полуянов развел руками и окончательно сдался, они еще немного поговорили с Васей о текущих делах и стали прощаться. Полуянов пожелал Васе с Татьяной Романовной хорошего отдыха, теплого моря, счастливой дороги и еще более счастливого возвращения.

Вася пошел проводить его до шоссе, вернувшись и отчего-то развеселившись, он схватил Тимошку за передние лапы, заставив его вместе с собой провальсировать до террасы.

- Ты смотри, - серьезно сказал Вася, глядя в непроницаемую тьму преданных любящих глаз Тимошки, - ты этого типа без нас на порог не пускай! Он - среднеарифметическое. Он - всевидящее и всеобъемлющее. В любую щель пролезет и сухим выйдет. Засунет в свои бездонный карман самое дорогое и будет таков, ищи-свищи ветра в поле. Он и хороший, и добрый, но - в свою пользу, для своего желудка. Знаешь, Тимошка, у воинствующей серости самые универсальные желудки и самые бездонные карманы. Понял?

Татьяна Романовна, стараясь подольше побыть с детьми и попутно завершить необходимую воспитательную программу, заторопилась с обедом, женщины стали накрывать на стол. Даша, не любившая никаких домашних обязанностей, на этот раз безропотно разложила ножи, вилки и ложки и даже по-хозяйски вытряхнула из хлебницы крошки воробьям.

Обед прошел молчаливо и несколько грустно, затем, после всяческих наставлений и распоряжении Татьяны Романовны, разговор переключился на море, на подводную охоту. Даша, еще не видевшая моря, с загоревшимися глазами стала фантазировать о дельфинах, тут неожиданно пришла машина, и, оповещая об этом событии, залаял Тимошка. И дети и взрослые переглянулись и немного расстроились, не растерявшись, стараясь поднять общее настроение, Вася фальшивым голосом запел песню о веселых туристах и хорошем настроении, Даша с Олегом послушали и вяло засмеялись, Татьяна Романовна прижала к себе верткую Дашу и коснулась губами ее пушистого затылка.

- Так быстро! Даже не верится, что уже пора. - Она сняла свои круглые в пол-лица модные

очки в прозрачной оправе с голубыми стеклами и, сразу становясь моложе и беспомощнее, близоруко сощурилась на Семеновну. - Пора. Мы, тетя, на вас надеемся... Главное, соблюдайте режим и Тимошку, пожалуйста, не перекармливайте...

Остановившая Татьяну Романовну, Вася положил ей руку на плечо, Татьяна Романовна послушно замолчала.

- Ладно уж, ладно, - добродушно-понимающе проворчала Семеновна, подпадая под общее настроение и намеренно оставляя слова Татьяны Романовны без ядовитого ответа.

- Что-то на этот раз тяжело очень. Словно кто держит.

- А ты посиди еще на салате да морковке, посиди! Совсем ног таскать не будешь, - сурово пообещала Семеновна. - Нервы не выдерживают глядеть на такое изуверство. Присядем на дорогу.

У Даши сделались испуганные и совершенно круглые глаза. Отнесли чемоданы в машину, еще раз, по напоминанию Семеновны, проверили деньги, документы и билеты, перецеловались, Татьяна Романовна и Вася попрощались с Тимошкой. Подавая лапу Васе, Тимошка отвернулся, Тимошка вообще не любил прощаться, а сейчас, предчувствуя не обычную, рабочую отлучку хозяина, а долгую нескончаемую разлуку, Тимошка переживал расставание очень тяжело. Вася потормошил его, почесал за ушами, но Тимошка не мог даже заставить себя притвориться довольным и хотя бы слегка, для приличия засмеяться.

Машина отъехала, Тимошка посмотрел на машущего рукой тоненького и плоского Олега и ушел на свое самое потаенное место, на дальний берег озера, заросший густыми кустами. Его много раз звали, и Даша, и Олег, и особенно Семеновна, он же продолжал безучастно лежать, положив голову на лапу. Потом он заснул, и ему снилось, что Вася лежит с ним рядом и разговаривает с ним, мягко теребя его длинные уши, и от этого Тимошка радостно повизгивал во сне. Еще не открыв глаз, не проснувшись, Тимошка насторожился, совсем рядом появилась опасность, и Тимошка, еще ощущая большие руки Васи, сел. В траве неподалеку шуршал еж Мишка, день кончался, и солнце косо пробивалось сквозь кусты: не обращая на ежа Мишку никакого внимания, Тимошка встряхнулся и озабоченно побежал к дому.

5

Для Тимошки Вася был совершенно особым от всех существом, и даже если он на целый день уходил на работу или куда-нибудь далеко уезжал, он постоянно присутствовал в мире Тимошки, как основная ось, центр, смысл и необходимость бытия. Тимошка часто вспоминал о нем и начинал тосковать по его рукам, по его запаху, по его голосу, только с Васей у Тимошки связывалось ощущение настоящей радости и полноты жизни. Рядом с Васей, и особенно когда тот бывал в хорошем настроении, Тимошку одолевали приступы буйного веселья, показывая свою ловкость и силу, он прыгал особенно высоко, особенно быстро брал самый слабый след. И скучал Тимошка тоже по-своему: ни с того ни с сего он садился, широко расставив передние лапы, опускал голову чуть ли не до земли и застывал в таком положении надолго, и, если кто-нибудь начинал подсмеиваться над ним, он обижался и уходил с глаз подальше. И еще в острые приступы тоски появлялся на свет увесистый обкусанный кирпич. Тимошка таскал его в зубах по всему участку, устав, ложился, клал между лап и неотрывно сторожил, словно боялся, что обкусанный кирпич вскочит на ноги и удерет, когда же тоска несколько ослабевала, Тимошка уносил кирпич, осторожно взяв в зубы, словно живого щенка, и прятал в одном из известных ему мест.

Вечером после отъезда Татьяны Романовны и Васи в доме, несмотря на хлопоты Семеновны, про себя довольной наконец-то осуществившимся отъездом племянника с женой, стало пусто и скучновато. Даша капризничала по пустякам, поссорилась с Олегом, тот вполне резонно обиделся и ушел наверх, в Васин кабинет. Там он пристроился на открытом балконе в старом плетеном кресле. Сквозь деревья в сумерках тяжело поблескивало озеро. В зелени еще возились и перепархивали птицы, солнце уже село. Из-за горизонта, окрашенного у самой земли ярко раскаленной узкой полосой, еще вырывался сноп золотистых лучей, пронизывающих одинокое, одно-единственное во всем небе, облачко ровным алым свечением, затем лучи стали короче, потускнели и скоро исчезли совсем. Над горизонтом еще чуть теплилось алое расплывшееся пятно, но вот и оно исчезло. Олег положил голову на перила балкона, глядя в сгустившуюся чернильную синеву и представляя себе серебристый самолет, летящий среди звезд в темном небе, и Татьяну Романовну с Васей. Он их любил, и теперь в груди как-то щемило, и к глазам подступала предательская теплота, но было темно, и никто бы не увидел его минутной слабости. Дом сейчас ярко светился всеми окнами, свет с трудом раздвигал густую вязкую тьму, затопившую сад, лес, озеро и всю остальную землю. Стали резче запахи цветов и травы, за прибрежные кусты зацепились одиночные клочья тумана, и наконец, преобразая все вокруг, выплыла совершенно круглая, сияющая радостным и каким-то ненатуральным сиянием луна. Туман разросся, застлал озеро сплошным мягким покрывалом, неслышно окутал березы, росшие на берегу, точно опустились на воду невесомые, пышно взбитые облака, посеребренные лунным светом.

Несколько раз над балконом бесшумно проносилась тень маленькой ночной хищницы-птицы неясны, об этом Олег знал от Васи. Услышав голос Семеновны, звавшей его вниз смотреть телевизор, Олег сморщился, ему никуда не хотелось уходить с балкона, по, чувствуя, что еще минута-другая и он расплечется, как девчонка, он бросился к пианино, откинул крышку, и по дому, вначале сумбурно и хаотично, затем стройнее и мягче, понеслись первые аккорды, дом в ответ как бы встрепенулся, ожил и затих. Олег снова и снова ударял по клавишам и неожиданно услышал странный, жалующийся звук, постепенно нараставший и закончившийся на низких протяжных басах, Олег от неожиданности резко крутанулся на вертящемся круглом черном стульчике и увидел Тимошку, высоко, по-волчьи задравшего косматую морду к потолку и тоскливо, обреченно выводившего свои немыслимые рулады, перед ним на полу лежал обкусанный кирпич.

- Тимошка, - шепотом спросил Олег, - ты по Васе скучаешь? Как интересно, ну, давай вместе... пой!

Олег тронул клавиши, и вой, заставивший Семеновну у себя в светелке схватиться за сердце, а Дашу в страхе зажать уши ладонями, с новой силой разнесся по дому, глаза Тимошки зеленовато отсвечивали, в горле клокотала безысходность и отрешение, Тимошка жаловался неизвестно кому, высказывая свою жестокую на кого-то обиду. Вой оборвался на немыслимо высокой ноте, Олег испугался и бросил играть, в дверях он увидел Семеновну с вцепившейся в ее фартук Дашей.

- Что такое? - тихо ужаснулась Семеновна. - Одурели вы оба? Отец с матерью едва отъехали, а они похероны затеяли! Ах, негодники! Ах, обормоты! Ах, некрещеные! - Семеновна раскипятилась, приняв Олегов с Тимошкой концерт близко к сердцу как личную обиду, и Даша, полностью ее поддерживая, смотрела на брата с Тимошкой округлившимися враждебными глазами.

Выплеснув свой испуг в обидных словах и убедившись, что гнев ее достиг цели, Семеновна смягчилась, еще поворчав для виду, а больше от внутренней неустроенности, она, часто моргая маленькими серыми глазками в бесцветных ресницах, потащила детей нить чай.

- Я творожную запеканку с изюмом испекла, - сказала она. - Скоро и спать, почти одиннадцать. В голове с утра шумит, как трактор работает, к непогоде, что ли? Как бы погода

завтра не испортилась. Так и есть, слышите?

Все, в том числе и Тимошка, услышали первый долгий порыв ветра, деревья зашелестели и залопотали, а старая рябина, росшая возле дома, стала привычно тереться сучьями о балкон на втором этаже.

- Дождик, дождик! - восторженно закричала Даша, подбегая к дверям.

В распахнутую дверь балкона с веселым свистом ворвалась тугая волна ветра, стеклянные сосульки на старой престарой люстре под потолком с тоненьким перезвоном закачались. Ахнув, Семеновна бросилась закрывать балкон, послав Олега проверить окна и двери по всему дому и выключить лишний свет. Ветер уже дул напористо, тумана над озером не было и в помине, березы гнулись, жалобно скрипели, от мостов в глубине озера бежала крупная рябь.

Охраняя Олега от злых, враждебных сил, умевших коварно появляться в самый неподходящий момент, Тимошка не отходил от него ни на шаг, и в доме, и на улице, настороженно вслушивался, ловя каждый шорох. Выйдя следом на крыльцо, Семеновна забрала их в дом, и вскоре все дружно сидели за столом, накрытым клетчатой синей клеенкой в цвет абажура, достали пирожки с мясом, творожную запеканку с изюмом и ипли чай с яблочным домашним вареньем, от каждого из троих по очереди перепало и Тимошке, уютно устроившемуся под столом. От еды и позднего времени у Даши слипались глаза, и она непривычно затихла.

- А теперь зубы чистить и спать, - напомнила Семеновна. - Скоро полночь, теперь и папа с мамой скоро до места доберутся. Завтра утром позвонят, или телеграмму получим. Пора, пора ложиться.

- Я грозу буду ждать, - решительно заявила Даша, немедленно стряхивая с себя сонливость и в подтверждение своих слов подпирая щеку твердым кулачком.

Зная ее характер, Семеновна согласно кивнула.

- Жди, жди, Дашенька, - сказала она. - Ложись в постельку и жди, мы с Олегом ложимся, зачем тебе одной сидеть в пустой комнате? А в постельке веселее будет ждать, и Тимошку с собой заberi. Он тоже будет ждать. А как дождетесь, нас с Олегом разбудите, мы тоже посмотрим.

Ты даже не раздевайся, поверх одеяла ложись.

Хитрая Семеновна добилась своего, через полчаса, убрав со стола и перемыв посуду, она, заглянув к Даше, улыбнулась, девочка крепко спала поверх одеяла, подложив под щеку крепко стиснутый кулачок и сурово нахмурившись, Семеновна покачала головой, за лето надо детей как следует откормить и подправить, подумала она, а то Олег в рост ударился, да и Даша не по годам длинная, из всех платьишек выросла, вон как колени торчат.

Семеновна не стала будить Дашу, накрыла ее пушистым шерстяным пледом и, выключив свет, на цыпочках вышла.

Утром, выйдя на крыльцо, Семеновна вдохнула всей грудью острый утренний воздух, промытые, чистые цветы переливались тончайшими оттенками красок, деревья стояли в искрящейся радужной росе, и озеро казалось особенно чистым и прозрачным. Появился Тимошка и, извиняясь за опоздание, виновато повилал коротким тщательно расчесанным хвостом, протяжно, со сладким стоном зевнул, показывая узкий розовый язык и породистое черное небо, и с удовольствием длинно потянулся. Он остался сидеть на крыльце, а Семеновна, сбросив туфли, отправилась бродить среди яблонь, с наслаждением ощупывая отвыкшей подошвой влажную, но уже успевшую прогреться траву.

Придирчиво осмотрев яблоны, она перешла к вишням и черной смородине, прикидывая виды на урожай. Сад был запущенный, и Семеновна жалела, что не выбралась раньше, весной, как все добрые люди, не навела в саду должный порядок, молодые только и занимаются своими бумагами, им до остального дела нет, а от такого сада сколько бы пользы можно было взять.

В светлое тихое утро душа сама собой радовалась неизвестно чему, и дело спорилось в руках у Семеновны. Приготовив завтрак и упрятав гречневую кашу доспевать под подушку, она собралась идти в магазин за молоком и хлебом, наказав Тимошке строго-настрою никуда не отлучаться, караулить детей и дом (Тимошка, не раз уже выполнявший подобные поручения, но не любивший оставаться в одиночестве, с видимой неохотой улегся на крыльце), Семеновна с той же тихой радостью в душе вышла за калитку. За детей она не беспокоилась, день со сборами вчера был утомительный, заснули они поздно и проснутся теперь не скоро. Можно не торопиться и тихонько пройтись лесочком до магазина, полюбоваться свежей зеленью, чистыми утренними красками, да, может, кто встретится по дороге из прошлогодних знакомых, она и платочек повязала новый, ненадеванный, и танкетки надела тоже скрипящие новой кожей в первый раз. На обратном пути Семеновна все-таки заторопилась, пришлось постоять в очереди за творогом, его редко привозили в палатку, и ближе к одиннадцати заволновалась, боясь, что творога не хватит, тут же в несколько голосов из конца очереди закричали и потребовали давать только по килограмму в руки, и Семеновна, поддавшись общему настроению, тоже кричала и требовала. Возвращаясь, она вздыхала от душевной неловкости и угрызений совести за свою несдержанность, впрочем, что удивляться и казнить себя, каких-нибудь десять лет назад молоко и яйца круглый год приносили прямо в дом, тогда в соседней, через речку, деревне многие держали коров, а потом все сразу куда-то исчезло-и коровы, и молочницы. Мелькнувшая мысль, что дети встанут и обязательно набедокурят, заставила ее ускорить шаг и пойти напрямик, через молодой пахучий сосенник, уже жаркий, наполненный душными испарениями земли и хвои, и старой, уже опавшей, и молодой, остро вспыхнувшей в первый месяц лета пушистыми нежно-зелеными свечками на концах сосновых лап. Семеновна на ходу незаметно задумалась, десять лет проскочит незаметно, дети вырастут, поступят в институт, начнется у них совсем другая, взрослая жизнь, взрослые трудности, тут мысли Семеновны перескочили на себя, на свою молодость и учебу в техникуме, раз и навсегда оборванную войной, на нескончаемую работу, работу, работу (другого нечего и вспомнить!).

Тихий жалобный писк отвлек ее внимание, она остановилась, шагнула с дорожки в сторону и увидела под маленькой сосенкой, в глинистой промоине, удивительно красивого, пушистого котенка, угрожающе выгнувшего спинку. Увидев Семеновну, котенок еще плотнее прижался к сосенке и опять жалобно, совсем по-детски мяукнул. У Семеновны, больше всего на свете любившей детей и жпзотных, сжалось сердце: перед ней вырисовалась трагическая картина непроглядной ночи и одинокий жалкий комочек, вцепившийся в сосенку, ей тут же представилось, как котсгок подружится с Тимошкой, как будут рады дети, и даже в груди потеплело от чувства своей причастности к такому доброму делу.

- Ах, ты, Жужа, ну иди ко мне, иди, - тихо и ласково позвала она, одаривая маленькое дрожащее существо первым пришедшим ей в голову именем.

Осторожно, чтобы не испугать котенка, Семеновна протлнула руку, взяла его и прижала к груди, она чувствовала ладонью маленькое сильное сердце и, успокаивая Жуж", погладила его по спинке. Жужа затих и закрыл глаза, домой Семеновна вернулась совершенно счастливая. Встретив ее возле калитки, Тимошка весело запрыгал вокруг, но тут его словно что-то отбросило, и, пока Семеновна запирала калитку, стараясь держаться к Тимошке спиной и не показывать своей находки, Тимошка подозрительно и усиленно внюхивался, стараясь определить, откуда появился ненавистный ему запах соседского кота, воровавшего у него из миски остатки пищи, а как-то даже сумевшего утащить припрятанную Тимошкой косточку...

Семеновна боком, боком, вызывая у Тимошки еще большее подозрение, загоразивая Жужу, прошла в дом, защелкнула за собой дверь на задвижку, и в комнате у Даши, продолжавшей безмятежно спать, опустила котенка на пол, торопливо налила ему в блюдечко принесенного с собой молока. Фыркая, задыхаясь и захлебываясь от жадности, Жужа стал лакать, на крыльце отчаянно залаял Тимошка, требуя, чтобы его немедленно впустили в дом.

- Подождешь, подождешь, ничего с тобой не сделается, - проворчала Семеновна, не двигаясь с места, пока Жука не отвалился от блюдечка, тогда Семеновна взяла в руки теплый пушистый комочек и посадила котенка на кресло-качалку, на вышитую крестом подушку-думку. Тимошка залаял еще отчаяннее и требовательнее, опасаясь, что он перебудит детей, Семеновна вышла к нему.

- Ну, чего тебе? Что стряслось? Есть захотел? - чуть сконфуженно спросила она самым невинным голосом. - Сейчас я тебя покормлю, пора уже... В дом-то не рвись без дела, в доме ничего хорошего, дети спят, иди лучше к озеру, карауль свою Чапу...

Недоверчиво выслушав Семеновну (по собственному опыту он знал, что от людей можно ожидать самых невероятных неожиданностей), Тимошка попытался протиснуться в дверь. Семеновна решительно пресекла ему путь и сунула под нос миску с едой. В это время и раздался восторженный визг Даши. Растерзанная со сна, она влетела в кухню с расширенными глазами.

- Тетя Женя, тетя Женя, у нас котенок! - точно заведенная, прыгала на одной ножке Даша, притиснув кулачки к груди. - Ой какой красивый! Пушистый какой, серый! Оц у меня на качалке сидит!

- Сидит, и ладно, пусть сидит, - успокаивая ее, улыбнулась Семеновна. За молоком ходила, в лесу подобрала, он потерялся. Его Жужей зовут...

- Пусть он у меня в комнате спит! - категорически потребовала Даша. Тимошка пусть с Олегом, а Жужа со мной! Я первая увидела!

- Пусть с тобой, - согласилась Семеновна, заботясь о справедливости, она упустила Тимошку, и тот, пользуясь потерей бдительности, не замедлил прошмыгнуть в дом, в одно мгновение он уже был в комнате Даши. Здесь он, в состоянии, близком к остолбенению, обмер перед кроватью, перед ним, выгнув спину дугой и распушив хвост, дерзко шипело самое презираемое существо на свете. От такой невиданной наглости Тимошка на какое-то время просто окаменел, но уже в следующее мгновение броском почти настиг котенка и только впустую щелкнул челюстями. Жужа оказался проворнее, он молнией взлетел по коврику над кроватью вверх, к самому потолку, и там повис, вцепившись в бахрому ковра, продолжая угрожающе шипеть, замороженно глядя на Тимошку. Тот, подскакивая на задних лапах и царапая стену, стараясь дотянуться до непрошеного гостя, чтобы расправиться с ним по заслугам, оглушительно, на весь дом лаял, прибежали Семеновна с Дашей, за ними сонный Олег в одних трусах. Семеновна охала, Даша кричала на Тимошку и топала ногами, Олег с молчаливым удивлением за ними наблюдал. Наконец пришедшего в неистовство Тимошку удалось выдворить в сад, Жужу стащить из-под потолка. Разъяренный Тимошка стал с отчаянным лаем носиться вокруг веранды, и никто не знал, как его успокоить.

- Вот не думала, - сокрушенно оправдывалась Семеновна. - Такой яростный, надо же...

- Тимошка гордый, - хмуро возразил Олег с отцовской непреклонностью. Он никогда не захочет жить рядом с какой-то паршивой кошкой. Подумаешь, радость!

Надо котенка кому-нибудь отдать.

- Гадкий! Гадкий! Гадкий! - зажав уши руками и никого не слыша, твердила свое Даша. - Жужа

хороший... Надо их познакомить, вот! Заставить обнюхаться! Вот!

- Станет Тимошка с ним обнюживаться! Он породистый, - ухмыльнулся Олег. - Он твоего котенка перекусит пополам!

- Ладно, всем завтракать! - вовремя спохватилась Семеновна. Умывайтесь, собирайтесь, успеем, решим, может, правда они пообвыкнутся друг с другом. А Жужу посадим пока на гардероб в гостиной, пусть пока там поспит.

Олег вышел в сад, нарочно не закрывая за собой двери и демонстрируя свою полную солидарность с Тимошкой.

Тот не замедлил ворваться в дом и тщательно обследовать комнаты и закоулки. Но Жужа уже сладко дремал после всех передряг в полной безопасности, на старинном фигурном черного дерева шкафу с высоким резным съемным верхом, в плетеной корзинке с обрезками от разного женского рукоделья. Тимошка, чувствуя непорядок, кружился вокруг шкафа, но громко выражать свое неодобрение не осмеливался, ходившая за ним по пятам Даша тщетно пыталась его отвлечь и урезонить.

- Тебе не стыдно? - спрашивала она укоризненно. - Такой большой, а маленького стережешь. Нет его, нет здесь, понял? Что он тебе сделал? Я с тобой дружить не буду! У-у, противный!

Понимая каждое слово Даши и нервно вздрагивая хвостом от незаслуженной обиды, Тимошка продолжал усиленно принюхиваться к шкафу и, только окончательно убедившись в своем конфузе и полном бессилии сколько-нибудь изменить ход событий, вяло прошлепал на нагретое солнцем крыльцо, напился теплой воды из миски и, ни на кого не глядя и не отзываясь на ласковые зовы Олега и Семеновны, растянулся на циновке у входа и стал грустно наблюдать за возней воробьев, густо заселивших все удобные места под крышей дома, по-хозяйски деловито сновавших туда-сюда в воздухе. Семеновна и дети собрались в большой комнате с фигурным шкафом на совет и плотно затворили за собой дверь. Оставшись один на крыльце, Тимошка почувствовал себя окончательно покинутым. Он вспомнил тяжелые и добрые руки Васи и его голос, был бы сейчас он дома, все было бы иначе. Возбужденно привстав, Тимошка оглядел берег озера и любимую Васину скамейку, конечно же Вася где-то рядом, прячется и ждет, когда Тимошка его найдет.

Махнув через несколько ступенек с крыльца, Тимошка обежал сад, берег озера, заглядывая за каждый куст, не пропуская ни одного укромного места, Вася мог оказаться везде, нельзя было допустить небрежности, и Тимошка удалялся от дома кругами, захватывая все больше сада и леса.

Тем временем в доме шел совет, Семеновна сидела за столом посередине, слушая то Дашу, то Олега, и никак не могла решить, чью же сторону взять, Тимошка помечется, помечется, да и привыкнет, подумала она, у ее старой знакомой собака вот уже много лет жила в тесной дружбе с кошкой, ели из одной миски...

- Котенок больно хорошенький, - робко сказала она в свое оправдание. - Как бы в доме нарядно и весело было...

- Их надо познакомить! - решительно предложила Даша Олегу. - Ты будешь Тимошку держать, а я Жужу к нему подпихивать, вот поглядишь, привыкнет. Тимошка добрый!

- А что, давайте попробуем, - согласилась Семеновна, - не зверь же он дикий, живет среди людей, так пусть к человеческим законам привыкает.

Хмурый Олег, по-прежнему ни с кем не согласный, пошел за Тимошкой, и вскоре волнение в доме достигло наивысшего предела. Кося вбок то на одного, то на другого грустным круглым

черным глазом, Тимошка с недоверием уселся посередине комнаты - там, где ему и было приказано. Семеновна крадучись, на цыпочках, приблизилась к шкафу, взобралась на кресло и бережно, словно нечто драгоценное и хрупкое, сняла корзинку, подала ее нетерпеливо притопывающей Даше. У Даши разгорелось лицо, серые глаза потемнели от решимости. Она сунула руку в корзинку, и тут окончательно потрясенный вероломством любимых ему людей Тимошка увидел Жужу, и отвратительный, невыносимый запах хлынул ему в ноздри.

- Сидеть, Тимошка! - скомандовала Даша, сама опускаясь на пол на колени, изо всех сил держа обеими руками напряженнейшее, маленькое тельце. - Это Жужа, слышишь, Жужа. Это твой друг, ты должен его любить. Вам будет хорошо вместе. Слышишь, Тимошка, не трогать!

Нельзя! - разговаривая, Даша все ближе подносила китенка к Тимошке, и тот от ненависти потерял способность двигаться. Он уже понял, что от него требовали, неприятный, острый запах нельзя было больше выносить, и Тимошка, страдальчески сморщив нос, оглушительно чихнул. Жужа от этого устрашающего звука, вырвавшегося из ноздрей черного чудовища, вцепился в Дашу, до крика расцарапал ей руки. Закричавшая от боли Даша еще больше перепугала Жужу, по длинной портюре котенок взлетел под самый потолок и оттуда, устрашающе открывая рот, шипел на Тимошку. Охнув, Семеновна заспешила за йодом в аптечку, а Тимошка, укоризненно исподлобья взглянув на Олега, упрекая его в недостойном обмане, опустив хвост, понуро побрел к двери. Он давно знал, что бм Васи порядок в мире рухнул и ждать справедливости было нечего.

Прошло немало времени, прежде чем в доме все коекак улеглось, но это была только видимость. День между тем катился своим чередом, солнце заглядывало уже в самые укромные уголки сада, вода в озере прогрелась до самого дна и напиталась солнцем, от песка исходило какое-то мглистое сияние.

Расстроенная происшедшим в доме по ее вине раздором, Семеновна особенно тщательно взбивала мусс на третье к обеду, она решила сегодня приготовить обед из любимых блюд ребят. В то же время она ничего не упускала из происходящего в доме, любую минуту зная, где находятся и чем заняты Даша с Олегом, а больше ей ничего и не нужно было. Принесли наконец телеграмму от Васи с Татьяной Романовной, обрадовавшись, Семеновна постаралась вокруг скупых, долетевших от теплого моря слов объединить всех обитателей дома.

- Видите, как хорошо, - морщинки вокруг глаз Семеновны совсем разгладились, - вернутся наши папа с мамой загорелые, веселые... Все наладится. Папа опять будет здоровым и сильным. Да, а где же Тимошка? - с недоумением огляделась она по сторонам.

Тимошки, непременно участника всех важнейших событий в доме, действительно нигде не было видно, Олег с Дашей, сразу позабыв недавнюю ссору, побежали искать Тимошку, в два голоса громко выкрикивая:

- Тимошка! Тимошка! Тимошка!

Скоро известные им любимые Тимошкины места были прозерены, Олег, вспотевший и исцарапанный, махнул рукою и сел на отцовскую скамейку-напротив мостков. Присмирившая, с испуганными глазами, Даша робко примостилась с ним рядом. Как обычно в трудную минуту, Даша во всем полагалась на брата, Олег чувствовал, что еще немного и она разревется. У нее уже и губы начали разъезжаться в разные стороны.

- Ладно, - сказал тогда Олег, сдвигая по-отцовски сильные брови. Найдется... Надоеет ему бегать, и найдется.

- А если нет? - Даша с трудом справлялась с прыгающими губами. Собственные слова

поразили ее ужасом, и она разревелась. Обкусывая веточку, Олег молчал. Ему хотелось и пожалеть ее, ободрить, но что-то мешало.

- Хватит тебе, - не выдержал он наконец. - Будешь знать теперь, как предавать старого друга.

- Да-а, я хотела, чтобы они подружились, - у Даши обильно капало из носа. - Я не знала, что Тимошка такой.

- Вот теперь знай.

- А если он совсем не вернется?

- Вернется, - не сразу сказал Олег. - А ты перестань реветь, а то лягушки в озере подохнут.

- Почему? - искренне озадачилась Даша, в глубине души всегда признававшая превосходство брата и в трудные минуты прибегавшая к его защите и авторитету.

- Вода станет соленой, от соленой воды подохнут.

- Тоже мне, задается, - хотела обидеться Даша и не успела: подошла Семеновна, села рядом.

Утешая Дашу, да и сама стараясь обрести равновесие, Семеновна погладила Дашу по голове. Любимая скамья Васи с высокой дощатой спинкой (он сам ее сделал в прошлом году) стояла в тени двух берез, веселое, щедрое солнце пробивалось сквозь густую зелень, и даже у воды тяжело давил летний полуденный зной.

- Вы бы искупались, - предложила Семеновна. - Обедать пора. Вода теплая какая, если бы не моя поясница, и я бы с вами поплескалась. Ну, милые мои цыплята, давайте, давайте, а то вон сонные какие, кислые. Явится Тимошка, посердится-посердится, да и придет. Спрятался где-нибудь от жары, неуверенно добавила Семеновна, стараясь хоть как-нибудь ободрить детей. Подумать только, дожили, собаки стали какие обидчивые. Тимошка сегодня даже от сахарной косточки отказался! Я ему миску под нос толкала-толкала, а он и не смотрит... Расскажи кому, не поверит...

- Тимошка, он очень породистый, - сказал Олег. - Я вам сразу сказал, ничего не выйдет с котенком.

Ни Семеновна, ни Даша не стали возражать, тут же, на скамейке, под полуденным солнцем решено было отдать Жужу кому-нибудь из соседей, Даша, в этот трагический момент готовая снова разрыдаться, героически удержалась, хотя у нее стиснутые кулачки от напряжения даже побелели. Искоса поглядывая на нее, Олег сочувственно подтолкнул ее локтем.

- Давай, кто быстрее до того берега, - предложил он, уже на ходу стаскивая майку. - А? Хочешь?

- А я его нарисую! - тряхнула стриженной головой Даша. - На память! Вот!

- Котенка? - догадался Олег, и в его серых, затененных длинными ресницами глазах появились веселые искры, сбжав на мостки, он головой вниз бултыхнулся в сияющую голубизну воды. Стройные отражения берез в озере заколыхались, раскололись и пошли все более дробящимися кругами. Семеновна порадовалась на разыгравшихся детей, гонявшихся друг за другом и поднявших тучи вспыхивающих на солнце искр, но она все время невольно оглядывалась, каждый раз в тайной надежде увидеть сидящего рядом и благодушно посмеивающегося Тимошку, да и Олег, перевернувшись на спину и глядя в бездонное высветленное зноем небо, тоже думал в это время о Тимошке.

Если Тимошка к вечеру не найдется, нужно будет уговорить тетю Женю поехать в Москву и дать объявление в газету, решил он, и тому, кто отыщет Тимошку, пообещать сто рублей. Конечно, если бы папа с мамой были дома, можно было бы пообещать и двести, но сейчас где они возьмут столько денег? У него в копилке едва сорок рублей наберется, если ее разбить. Можно, правда, попросить нашедшего Тимошку подождать, пока вернутся родители...

Слегка скосив глаза, Олег увидел засохшую березу и вспомнил разговор с отцом. Он тотчас подплыл к мосткам, выбрался из воды, Даша запротестовала, она еще не набарахталась в озере. Олег, не обращая на нее внимания, стараясь не сутулиться, прошел в небольшую мастерскую под верандой. Здесь у Васи был верстак и хранились всякие нужные для дела, очень интересные вещи. Здесь были слесарные и плотничьи инструменты, гвозди, банки с краской, кисти, садовый вар, которым Вася лечил деревья.

Хранились здесь и пакеты с удобрениями, висела на гвозде большая пила, стояли в углу лопаты, грабли и старая, выщербленная временем любимая Васина коса, Вася косил ею несколько раз за лето, выкашивая выраставшую траву под яблонями в саду и в овраге, и Олег, любясь на его экономные точные движения, мечтал поскорей вырасти и косить и все делать точно так же, как отец. Олег любил бывать здесь, в мастерской, и помогать отцу, сейчас он с неожиданной грустью оглядел покинутое Васей хозяйство и подошел к топорам, лежавшим на своем месте на широкой полке. Их было два, один большой, плотницкий, второй - походный, легкий, он так и лежал в брезентовом чехле, и его можно было тут же пристегнуть к поясу. Олег взял плотницкий и, чувствуя его уверенную тяжесть, попробовал пальцем лезвие, как всегда делал Вася. Он перебросил плотницкий топор в другую руку, еще раз взвесил его тяжесть, Олега уже тянуло в мир взрослых, поэтому он выбрал большой топор. Щурясь в дверях от яркого солнца, ударившего прямо в лицо, он вышел в сад, у него теперь было дело, и оно каким-то таинственным образом связывалось с уверенностью, что Тимошка обязательно найдется.

У мастерской его караулила Даша, Олег нос к носу столкнулся с ней.

- Ты зачем папин топор взял? - взрослым голосом, подражая Татьяне Романовне, строго спросила она, в ответ Олег с деланным равнодушием хмыкнул и, стараясь держать плечи прямо, направился к озеру. - А я вот тете Жене расскажу! - крикнула ему вслед Даша. - Подумаешь, задается! А я вот что-то такое знаю, а тебе не скажу! - на всякий случай постаралась задержать брата Даша, но Олег, захваченный важностью предстоящей работы, отмахнулся от ее слов, а может быть, и не слышал их.

У засохшей березы, довольно высокой, с голой, без листьев, вершиной и с начинавшими обламываться сучьями, он долго, до легкого головокружения, стоял, запрокинув голову, и глядел вверх, Олегу стало жалко умершего дерева, рядом с ним высились живые, струящиеся молодой зеленью березы, а вот эта, с простершимся вбок длинным суком, тоже без листвы, с белой, но теперь уже тусклой корой, почему-то взяла и засохла. Люди тоже умирают, Олег уже знал об этом, он подумал о Васе, до сердечного озноба ощутив заложенную и в нем самом возможность исчезновения. Это был не страх, а что-то глубже и сильнее страха, словно оцепенев, потеряв возможность двигаться, не отрывая расширившихся, потемневших глаз от березы, он почти заставил себя взять топор и ударить по сухой древесине. Дерево в ответ сухо вздрогнуло, удар топора отдался во всем теле Олега, он замахнулся опять, полетела кора, и открылась рыхлая, уже тронутая разложением, изъеденная червями древесина тусклого серого цвета. Она вминалась и крошилась под топором, и Олег неумело, неловко рубил и рубил. Пот заливал глаза, топор тяжелел и тяжелел в руках и уже начинал от неловкого, недостаточно сильного удара с пустым коротким звоном отскакивать от березы. Олег по-прежнему не сдавался и, смахивая пот со лба, опять принимался рубить. Услышав чей-то испуганный крик, он сердито оглянулся и увидел Семеновну с Дашей.

Семеновна как была, так и прибежала в засыпанном мукой фартуке, она отчаянно всплеснула руками:

- Святые угодники, да ведь я своей смертью с вами не помру! Кто тебе позволил? Сейчас же перестань! Не дорос еще отцовским топором махать. А если по ноге или руке? - причитала Семеновна, отмечая про себя незнакомое взрослое, по-отцовски упрямое выражение на лице Олега, резкий излом его сильных, густых бровей.

- Почему я должен отрубить себе ногу? - со злостью огрызнулся Олег и вызывающе сдвинул брови.

- А вот отрубишь, если не будешь слушаться, - ехидно пообещала Даша, стараясь благоразумно не отходить от Семеновны и быть подальше от брата.

- Ябеда! - процедил Олег сквозь зубы. - Вот погоди, получишь от меня! Попадись только!

- Олег! - сочла нужным вмешаться Семеновна. - Это еще что? Что за угрозы? Ты же взрослый мальчик. А она маленькая, да еще девочка.

- А чего она везде суется? Пусть сидит и играет со своими куклами, буркнул Олег.

Услышав такое оскорбительное предложение, Даша в первую секунду даже задохнулась от возмущения и крутанулась на месте, так что короткая юбочка ее платица раздулась колоколом, и, не помня себя и не видя перед собой дороги, умчалась в сторону оврага, густо поросшего орешником.

- Да что же это делается, - неизвестно кому пожаловалась Семеновна. Да где же здоровья мне на вас набраться! Каждый коники свои выкидывает! Да тут никаких нервов не хватит! Теперь Даша подхватилась! Ищи ее теперь, спрячется где-нибудь, до вечера просидит. Зачем только меня, старую, ноги сюда принесли, зачем я согласилась!

- Ну, тетя Женя, будет вам! Никуда Дашка не денется, знаю я ее, проголодается - прибежит.

- А ты тоже хорош! - напустилась Семеновна на любимого внучатого племянника. - Больно ты много знаешь, больно грамотный. Чем топором впустую махать да сестренку дразнить, лучше пошли бы Тимошку поискали по поселку, порасспрашивали, пропадет ведь скотина бессловесная. Я виновата, грех попутал, кто ж знал, что вы здесь все обидчивые такие. К каждому со своим уставом... Зря столбом не стой, ступай лучше, ищи сестру...

Семеновна хотела что-то прибавить, не успела, раздался надсадный продолжительный треск. Уже основательно подрубленная Олегом береза, очевидно под собственной тяжестью, подломилась в месте надруба и стала медленно, затем все стремительнее падать и с шумным плеском рухнула в озеро, подняв тучи брызг. Олег исполнил на месте нелепый воинственный танец, а из-за кустов одичавшей малины и орешника высунулась озадаченная рожица Даши. Поколебавшись с минуту, Даша не утерпела и присоединилась к Семеновне и Олегу, как ни в чем не бывало разглядывая образовавшийся просвет на берегу. Семеновна, качая головой, показала на всплывшее в воде дерево:

- Ну и что же, горе-лесоруб, теперь с ней будешь дзлать?

- А я в воде распилю и частями на берег вытащу, - ответил Олег не слишком уверенно. - Только сначала Тимошку найдем.

После обеда Олег с Дашей, необычно дружные и молчаливые, исходили поселок, опросили встречных, обошли березняк и окрестные молодые, всего года два посаженные рожицы сосняка, и все безрезультатно. Тимошки нигде не было. Уже в темноте они долго сидели с фонариком на Васиной скамейке, время от времени обшаривая кусты и поверхность озера

сильным пучком света от фонарика. Семеновна едва уговорила их вернуться в дом Олег прилег на диван одетым, положив рядом с собой фонарик а Даша еще долго, долго не спала, вскакивала от каждого шороха в саду и подбегала к окнам. Семеновна тяжело вздыхала, но не мешала девочке, у нее у самой на сердце лежал камень, на крыльце она оставила еду для Тимошки, под конец усталость и волнения прожитого дня сморили и ее. Дом погрузился в темноту, и все стихло, неяркая лампочка над крыльцом бросала в сад размытый круг света и лишь подчеркивала глубину короткого, душного покоя летней ночи. Да еще немолчно, к жару, звенели кузнечики

6

Вопреки ожиданиям и надеждам детей и Семеновны, Тимошка был далеко от дома, после всего случившегося ему необходимо было отыскать Васю. Он хорошо запомнил машину, увезшую Васю, сразу же после того, как его оскорбили в лучших чувствах, заставив терпеть присутствие котенка Жужи, он, через свой тайный лаз в заборе, незаметно выбрался на улицу и, угнув голову к земле, ища нужный ему запах, помчался к шоссе. Он знал, что именно оттуда приезжают все машины, туда же они и направляются из поселка, уединенно стоявшего в лесу. Добежав до шоссе, он некоторое время сидел и глядел на нескончаемый поток машин, несущихся и в ту и в другую сторону, глаза его сделались тусклыми и затравленными. Правда, чувство движения и глубинной конечной цели уже не могло исчезнуть, и Тимошка, не раздумывая, побежал обочь дороги, и побежал именно на юг. В ноздри ему била бензинная гарь и отвратительная вонь разогретого асфальта: из проносившихся мимо машин его многие видели и несколько раз даже сбавляли ход, а то и останавливались, пробуя позвать к себе. Тимошка, ни на кого не обращая внимания, продолжал бежать в раз и навсегда выбранном направлении, и бег этот, непрерывный, без передышек, ни на что не отвлекаясь, продолжался несколько часов. Небольшой поселок, попавшийся на пути, заставил его приостановиться, принюхаться, в нем уже проснулся инстинкт опасности, недоверия. Но тут же он уловил запах готовящейся пищи, он был голоден, и его неодолимо потянуло на этот запах.

Он осторожно вошел в приоткрытую калитку одного из дворов и, приподняв одну лапу от напряжения, огляделся.

Было пусто, вокруг корыта с размоченным хлебом суеилось с десятков крупных белых кур, увидев Тимошку, петух с набрякшим и свесившимся набок малиновым гребнем вскинул голову и возмущенно, скорее всего неприлично, выругался. Не обратив на него ни малейшего внимания, как если бы его совсем не было, Тимошка, по-прежнему не упуская ни одной мелочи, направился к корытцу и тихо, предупреждая зарычал, даже припал на передние лапы, сделав вид, что сейчас бросится и схватит одну из этих глупых белых птиц. Куры с отчаянным кудахтаньем брызнули в разные стороны, стараясь сохранить чувство достоинства, отбежал и петух и стал громко совестить непрошеного гостя. Тимошка сунул нос в корыто и, хотя пахло неприятно, как попало стал хватать жидкое хлебное месиво, вдобавок истоптанное курами, не выпуская из виду происходящее во дворе. На крыльцо, тихонько приоткрыв дверь, крадучись выплыла удивительно толстая женщина, платье туго обтягивало ее объемистый живот, короткие рукава, фонариком, впились резинками в пышно буйствующую плоть, еще больше подчеркивая уродливую, неестественную полноту. Тимошке это, разумеется, было все равно, его насторожили крадущиеся движения женщины.

Балансируя руками, встряхивая жирным подбородком, выражая на лице какое-то елейное умиление, толстая женщина на цыпочках спустилась по скрипучим ступенькам и маленькими шажками тихонько продвигалась к калитке.

Оскалив желтоватые клыки, Тимошка предупредительно зарычал и в одно мгновение оказался между толстой женщиной и калиткой.

- Батюшки! - ахнула женщина, боязливо останавливаясь. - Бо-обик, Бо-обик, Бо-обик, - медовым голосом позвала она Тимошку. - Собачка, миленький мой, ягненок, да ты что? Иди, иди, собачка, я тебе косточку дам...

Во-от такую! Ну чистый ягненок, аж курчавится от черноты... Каракульча, чистая каракульча! Какая шапка выйдет... А то и две... Бобик, Бобик, мяса хочешь?

Наклонив голову, Тимошка вслушивался в голос толстой женщины, и он ему явно не нравился, стоило толстой женщине двинуться с места, с намерением подобраться к калитке обходным путем, Тимошка зарычал громче, теперь уже показывая клыки более основательно.

- Паша! Паша! - опять замерев на месте, позвала кого-то толстая женщина через забор, - Подь-ка сюда! Скорей!

Из-за плотно сбитого забора выглянула еще одна женщина, кокетливо повязанная косынкой, Тимошка на всякий случай зарычал и на нее.

- Ну что ты, Ань? - неожиданно весело и заразительно откликнулась Паша в косынке. - Что у тебя стряслось?

- Паша, Паша, послушай, - понизила голос толстая женщина. - Глянь, кобелек какой ко мне во двор забежал.

Видать, потерялся, сейчас из Москвы их много таких навезли, породистых...

- Ну так что тебе, Ань?

- Ты со своей-то стороны подступись потихоньку, калитку захлопни, почти шепотом попросила толстуха. - Со двора он у меня не выскочит, Федор придет вечером, мы его тут и приберем. Шапка-то какая будет! А то и две! Чистая ларакульча! Я бы его сама шпокнула, да веришь, ружья боюсь, веришь, с гвоздя на гвоздь перевесить боюсь. А Федор вернется, тут же кобелька прищелкнет.

Мех-то ныне все дорожает. Шапки мужские уже за триста перевалили. Слыхано ли дело, такую прорву денег за шапку. По прежним деньгам цельная шуба. Паш, Паш, помоги, я тебя отдарю! В долгу не останусь.

- Ух ты, живодерка! - пуще прежнего развеселилась Паша в косынке. - И не жалко тебе? Такого красавца!

- Чего их жалеть, их теперь битком, на каждой даче, даром только мясо переводят, скотина бесполезная. Делать людям нечего, с жиру и бесятся. Вот повкалывали бы на солнцепеке с наше, на клубнике, от зари до зари, потаскали бы ее на базар, дурь бы в голову и не полезла. А то попридумали: выставки, медали! Слыхала, осенне-весенние выставки специально для таких кобелей делают, вот для ихней-то породы, кобели отдельно, сучки отдельно.

- А хозяин найдется? На него небось и документ имеется.

- А кто видел? Ты не видела, я не видела-значит, и це было ничего.

- Так-то оно так, - засомневалась Паша в косынке. - А что дашь? - все же поинтересовалась она на всякий случай. - Слушай, а воротничок жемчужный отдашь? Страсть как мне нравится... Отдашь?

- Отдам, отдам! - обрадовалась толстая женщина. - И водки поставлю, скорей только, Паша, милая... Ну, скорей же, уходит... Куда, собачка, куда ты, милая? Подожди, подожди, ах ты напасть! Никогда мне не повезет!

Не поспевая на своих коротких, точно обрубленных ногах, вслед за Тимошкой толстая женщина вывалилась на улицу, с силой рванув калитку, но Тимошка был уже далеко, он бежал теперь обратно, ему нестерпимо хотелось домой, к Олегу и Даше, к теплым, вкусно пахнущим рукам Семеновны. Дорога назад оказалась проще, и все-таки Тимошка добрался до места уже глубокой ночью. В доме спали. На крыльце он нашел свою миску, но здесь уже рьянше побывал соседский кот, и конечно же выбрал все до последнего кусочка, и даже миску с водой осквернил ненавистным запахом. Уставший Тимошка обежал дозором вокруг дома, ведь это была его прямая обязанность, все было тихо, наведаясь он и к озеру и всласть напился. Чапа шелестела в прибрежных зарослях, Тимошка не стал с пей воевать, а вернулся на крыльцо, поскреб дверь лапой и изо всех сил прислушался, недоверчиво понюхав щель в дверях. И дети, и Семеновна, тоже измотанные за день беготней и переживаниями, крепко спали, и дом, оберегая их покой, сумрачно молчал. Тимошка сбежал с крыльца и под окном детской пару раз негромко настойчиво тявкнул, просясь в до.м. Никто не отозвался, но все было спокойно, все были на местах, и, подождав немного, Тимошка отправился в дальний конец участка, там, заросшая густым кустарником, бурьяном и мхом, уже много лет догнивала принесенная в особо сильное половодье коряга. В одном месте она изгибалась и образовывала уютное, защищенное со всех сторон укрытие. Здесь Тимошка любил отдыхать в жаркие дни, сюда же забирался, если ему становилось скучно, здесь же чаще всего прятал он свой заветный кирпич. Сегодня за день он так намаялся, что, едва протиснувшись под корягу, сразу же закрыл глаза и провалился в сон.

Теплая, с высоким небом и яркими звездами ночь плотно обступила Тимошку своими многочисленными запахами и шорохами, Тимошка же ничего не слышал и спал. Не видел Тимошка и бесшумно подымающуюся луну, и проступившие из темноты засеребрившиеся деревья. На середине лунной дорожки выплыла Чапа и стала беззвучно играть в воде, кувыркаться, переворачиваться вверх светлеющим в лунном свете седым брюшком, - полнолуние всегда оказывало на нее магическое, возбуждающее действие. Чапа скользила по поверхности воды убыстряющимися кругами, нескончаемое количество раз выныривала столбиком, стараясь держаться лунной дорожки, перекувыркивалась и продолжала движение в обратную сторону. Она словно исполняла ритуальный танец. Это был танец благодарения, исполняемый в свой час любой жизнью на земле, и зверем, и птицей, деревом и рыбой, скромной травинкой и самым незаметным муравьем. Чапа ничего нового не открывала, зов лунной ночи властно притягивал ее, проникая в каждую клеточку ее тела, и, насквозь пронизанная серебристым сиянием, охваченная со всех сторон спящим холодным пламенем, она растворялась в нем, став его неотъемлемой частью. Бесконечно и бесстрастно лился лунный свет, и ничто не нарушало таинства свершаемого обряда.

Измученный за день рухнувшими на него переживаниями, Тимошка крепко спал. Уже перед коротким, бесшумным летним рассветом он стал повизгивать во сне, ему приснился котенок Жужа, и Тимошка, не открывая глаз, усиленно задвигал ноздрями, глухо заворчал от возмущения. Котенок пропал, и запах его исчез, Тимошка успокоился, погружаясь в теплый, уютный мрак, но вскоре опять послышалось его беспокойное повизгивание, теперь ему приснилось, что Вася рядом, большая Васина рука у него, у Тимошки, на голове, в знак горячей признательности Тимошка потянулся лизнуть Васе подбородок и проснулся окончательно.

Солнце взошло, рядом с носом Тимошки лежал заветный кирпич, Тимошка глубоко втянул в себя несущий множество самых разных запахов и вестей резкий утренний воздух, с удовольствием с протяжным стоном зевнул, вылез из своего укрытия, шумно всем туловищем потянулся, встряхнулся и обмер. В двух шагах от него нахально и совсем по-хозяйски возился в траве еж Мишка. От вчерашних переживаний, от долгого напрасного многочасового бега в

поисках Васи, от его отсутствия, от сосущей пустоты в желудке Тимошка проснулся в необычном для себя агрессивном и мрачном настроении. Он злобно бросился на ежа, стараясь ухватить его за нос, но еж Мишка, отыскивающий в раннее благодатное время вкусных червей, расплзшихся в сырой траве, молниеносно свернулся клубком, зафыркал и, подпрыгнув, в свою очередь весь напрягся, чтобы уколоть Тимошку. В одно мгновение отпрянув, Тимошка припал к земле и стал ждать. Еж Мишка, озадаченный необычностью неожиданного утреннего нападения, лежал клубком, не шевелясь, терпения ему было не занимать. Лишь минут через десять он чуть-чуть расслабился и высунул из-под колючек кончик носика, неслышное дуновение воздуха над землей донесло до него запах хорошего гриба, росшего где-то неподалеку, где-то рядом с грибом затаилось и птичье гнездо. Но враг был рядом, и еж Мишка опять замер, он давно знал, что Тимошка самый обыкновенный бездельник и преследует его, вечно занятого и кормящегося тяжелым трудом, просто так, от вздорности характера. Тимошка не ел ни червей, ни жуков, ни лягушек, тем более грибов, и им, по сути дела, нечего было делить.

Совершенно неожиданно еж Мишка, развернувшись упругой пружиной, сделал несколько движений в сторону соблазнительного запаха и опять так же мгновенно свернулся в тугий клубок. Тимошка приподнял голову и ошарашенно заморгал, еж Мишка оставался, как ему показалось, неподвижен и все же сдвинулся несколько левее.

Опустив голову на лапы, Тимошка опять с напряжением принялся караулить каждое движение своего врага. Через несколько минут Мишка повторил маневр: неуловимо выбрав момент, он, просеменив с полметра, молниеносно свернулся в клубок и замер. На этот раз Тимошка не позволил себе дремать, в ответ на жульничество ежа угрожающе припал на лапы и ожесточенно залаял, но через минуту еж Мишка опять передвинулся в нужном ему направлении. С подобным коварством ежа Тимошка сталкивался впервые, уже чувствуя свое поражение, он теперь не лаял, а лишь понуро переходил за ежом Мишкой на новое место, ожидая, что же последует дальше. Добравшись до гриба, плотного трехдневного боровичка, уже темноголового, с уходящей в травянистую землю крепкой толстенькой ножкой, еж Мишка свернулся плотным клубком и, казалось, умер, свою законную добычу, находящуюся теперь совершенно рядом, он не уступил бы ни за что. Тимошка подождал, подождал и, не видя ничего для себя интересного, показывая, что ему совершенно безразличен и еж Мишка, и его пакостные проделки, равнодушно, с хрустом зевнул. Затем привычно поднял ногу у старой березы и затрусил к дому, успевая на ходу узнать множество новостей, хотя все они были второстепенными и не требовали глубокого и подробного изучения. В воздухе стоял дружный гул шмелей и пчел, над зеленым ковром травы беспорядочно мелькали разноцветные бабочки, над озером дрожали, поджидая добычу, большие зеленокрылые стрекозы.

Тимошка вихрем налетел на Семеновну, отворившую дверь на маленькую летнюю веранду, от радостного изумления она даже выронила глубокую тарелку со взбитыми сливками для лакомого блюда, называемого кокпуптель (даже ученый Вася, сколько ни старался, не мог докопаться до происхождения диковинного, на немецкий лад, слова, по уверению Семеновны, она сама изобрела к назвала сладкое блюдо). Тарелка разлетелась вдребезги, ее содержимое растеклось по полу веранды, но Семеновна даже не обратила на это внимания.

- Тимошка, негодник! - Семеновна сморщилась от переполнявших ее чувств всем своим маленьким, похожим на печеное яблоко, лицом.

Тимошка запрыгал вокруг нее, восторженно повторяя:

"Ах! ах! ах! ах!", энергично пытаясь лизнуть ее в лицо: Семеновна от подступившей слабости опустилась на ступеньку, они дружески обнялись, и Тимошка, выражая крайнюю степень восторга, энергично облизал ей щеки и подбородок, продолжая повторять свое "ах! ах! ах!". Несколько успокоившись, Семеновна привстала и подложила под себя дощечку-ступенька

была холодной и сырой от росы, Тимошка не отводил глаз от ее сморщенного лица.

- А я стою, готовлю кокпфтель, - сказала Семеновна, - а у самой руки трясутся. Ну что я, думаю, Васе скажу, коли ты, Тимошка, пропадешь совсем?

Услышав дорогое имя, Тимошка оглянулся и, не обращая внимания на вкусные, густо растекавшиеся по полу сливки, бросился к полуоткрытой двери в дом, и, не успела Семеновна задержать его, ударом лапы открыл дверь о комнату-Олега и бросился к его кровати, весело помахивая хвостом. Олег спал, лицо у него было напряженным и беспокойным, сильно хмуря брови, он видел удивительный сон: догоняя Тимошку, он только-только выбрался из дремучего леса с синими стволами деревьев и ярко-желтой листвой.

Тимошка рванулся к нему поздороваться и в последнюю минуту передумал, Олег лежал по-прежнему с закрытыми глазами, а будить детей по утрам не разрешалось, Тимошка, высунув от волнения язык, тяжело и часто подышал и, прежде чем успела подоспеть Семеновна, отправился проведать Дашу. Замерев у порога, он с грустной ненавистью смотрел на котенка Жужу, выгнувшего спину дугой на кровати у девочки и беззвучно шипевшего в устрашение Тимошки, - сама Даша, так же как и ее брат, крепко спала. В порыве радости от встречи с обожаемыми существами, ставшими еще дороже после пережитого дня и темноты ночи, Тимошка совсем забыл о существовании отвратительного и презираемого котенка Жужи, и вот теперь тот опять топорщился и шипел, наглядно доказывая Тимошке коварство и неразумность жизни.

Появилась запыхавшаяся Семеновна и трагическим шепотом позвала Тимошку из комнаты, опустив голову и стараясь не глядеть на нее, Тимошка повернулся, опустил хвост и понуро вышел. Семеновна не успела захлопнуть перед ним дверь в сад. Тимошка протрусил к озеру в сопровождении уговаривающей его Семеновны, спустился на мостки и лег, положив голову на лапы. Семеновна на мостки не пошла, а устроилась на любимой Васиной скамейке, сторожа каждое движение Тимошки.

- Что же ты такой злопамятный, Тимошка? - укоризненно покачала головой Семеновна. - Тебя любят, и ты должен других любить. Разве котенок не божья тварь? Не капризничай, иди домой, я тебе косточек припасла с хрящиком, сладкие... Ну, пошли, пошли, Тимошка, пошли, чего тебе тут лежать?

Тимошка, разумеется, слышал каждое ее слово, подтверждая свое внимание к словам Семеновны, он шевелил бровями и ушами, хотя короткий хвост, верный признак неверия и меланхолии, оставался опущенным. Семеновна продолжала уговаривать и звать Тимошку, но он все глубже и глубже погружался в колдовской мир озера, где деловито сновали вверх и вниз бесшумные рыбы и черные жуки с коричневыми подбрюшьями, ленточно извивающиеся пиявки и прочие многочисленные водяные обитатели.

Больше всего притягивала Тимошку четко проступившая в зеркальной воде голова с большими висячими усами, удивительным образом похожая на такого же, как Тимошка, черного пуделя, от которого совсем не пахло собакой и вообще ничем не пахло, кроме тины и запахов озера. Тимошке хотелось нырнуть в воду и потрогать странное, зыбкое существо, он даже потянулся к своему отражению, хотел дотронуться до него, замочил лапу, вода в озере пошла мелкой рябью, отражение раздробилось и исчезло. Это повторялось каждый раз, и теперь опять надо было сидеть и долго ждать, когда похожее на него существо, не пахнущее собакой, снова появится в воде и начнет нахально дразнить Тимошку своей недосягаемостью.

- Тимошка! Тимошка! - от дома по бетонной дорожке к озеру вихрем промчался Олег, кубарем скатился к мосткам и, обхватив Тимошку за шею, стал целовать его а морду, в прохладный,

влажно чернеющий нос, барахтаясь, они свалились на выбеленные солнцем, жарко нагретые доски.

- Тимошка, а ты дулся, - пожевала губами Семеновна, глядя на их счастливую возню. - Видишь, как все тебя любят. Вам, собака-м, сейчас хорошо живется, не то что людям. Вон мне соседка по квартире нахамила, вредит на каждом шагу, а я с ней здороваюсь. Боюсь, еще больше повредит. Обивку на двери порезала, а валит на хулиганов. А я точно знаю-она! Нужна моя дверь каким-то хулиганам, корысти для них моя дверь! А я здороваюсь...

А тебе что? Тебе, Тимошка, хорошо, тебя любят, тебе рады, счастливый ты пес...

Не помня себя от восторга, Тимошка, перемахнув через Олега, вынесся в сад и, как при Васе, сделал несколько кругов вокруг одной из яблонь, привольно раскинувшейся неподалеку от кустов черноплодной рябины и родившей почти каждый год вкусные краснобокие яблоки. В отличие от остальных, эта яблоня имела собственное, уважительное имя, данное ей Васей, в доме ее только так и называли:

"Дарья Ивановна". "А Дарья Ивановна опять цветет!" - радовались дети весной, а взрослые осенью говорили:

"У Дарьи Ивановны опять полно яблок!" Тимошка с Васей раз и навсегда избрали "Дарью Ивановну" объектом своих каждодневных игр и разминок, и вот сейчас Олег, совсем как Вася, азартно бросился ловить Тимошку, сделав неожиданный скачок, Тимошка ускользнул в последний миг из рук Олега, набегавшись до черноты в глазах, оба повалились на траву. Давая понять, что игра кончена, Тимошка примиряюще подбежал к Олегу и лег рядом, высунув язык и тяжело дыша. А тут же вскочил, кинулся к показавшейся на крыльце Даше, увидев мчавшегося к ней Тимошку, Даша ойкнула и остановилась, вспомнив, что держит на руках котенка. И Тимошка остановился как вкопанный в трех шагах от Даши, для этого ему пришлось пустить в ход все четыре лапы, упираясь ими в землю, проехаться по зеленой траве.

- Опять ты этого мерзкого Жужу нянчишь! - осуждающе крикнул Олег. - Иди отнеси его в дом, скорей!

Даша опрометью вернулась в дом, бросила котенка на кровать и метнулась на крыльцо. Не обращая внимания на заискивающий, несчастный голос Даши, опустив голову и хвост, Тимошка протиснулся в тень под скамейку и затих и, сколько его ни улещали дети и Семеновна, больше не появился.

- Мы же договорились отдать Жужу, - сказал Олег. - Бабушка Панина берет. Почему ты опять с ним носишься?

Тимошка совсем перестанет нам верить и уйдет. Кончай реветь, бери котенка и уноси.

- Я не реву, - сказала Даша, вытирая слезы. - Мне обидно. У бабушки Паниной нос всегда красный, она вечно сморкается... Знаешь, как обидно... И у нее всегда кислым пахнет. Жужке там плохо будет.

- Даша! - строго сказала Семеновна. - Что такое ты говоришь? Как можно так неуважительно говорить о старом, больном человеке? Как тебе не стыдно?

- А это не я говорю! Это Вовка Заяц.

- А знает твой Вовка, что у бабушки Паниной погибли на войне два сына и муж? - совсем тихо спросила Семеновна.

- Все равно обидно отдавать ей Жужу, - не сдавалась Даша. - Жужке там скучно будет.

- А Тимошке, думаешь, не обидно? - стоял на своем Олег.

- Ладно, ладно, - примиряюще вмешалась Семеновна. - Надо Тимошку покормить, он же со вчерашнего дня голодный. Косточку хочешь, Тимошка?

Раньше при упоминании о косточке Тимошка всякий раз приходил в радостное волнение, широко и вкусно облизываясь, теперь же он даже не повернул головы.

- Хорош гусь, а? - обиженно спросила Семеновна неизвестно у кого. Сахарной косточкой его не уговоришь.

Характер как у отставного генерала!

Взяв Тимошку за ошейник, Олег потянул его из-под скамейки, Даша изо всех сил подталкивала сзади, Семеновна поставила перед Тимошкой еду в миске, там действительно красовалась свежайшая мозговая косточка, говяжья с розоватыми остатками мяса. Тимошка не выдержал и незаметно, как ему показалось, самым кончиком языка облизнулся.

- Ешь, ешь, Тимошка! - ележно уговаривала Даша, присев на корточки и преданно заглядывая Тимошке в самые глаза.

Каким-то неуловимым образом, как умел только он, Тимошка грустно скосил черный глаз на Олега, тот стоял в стороне, хмурился и молчал. Отвернувшись от миски с едой, Тимошка лег и положил голову на лапы. Даша вытащила косточку из миски и подложила ему под самый нос, чуть отвернув голову в сторону, Тимошка продолжал лежать, но Даша упрямо, по-взрослому сжав губы, опять подтолкнула ему косточку к носу.

- А ну, ешь немедленно! Противный пес! Вот я тебе! Ешь! - крикнула она сердито и топнула ногой.

Затравленно глянув на Олега и тяжело вздохнув, Тимошка ползком перебрался на другое место, Даша опять подвинула к нему косточку.

- Сейчас же перестань мучить животное! - не выдержал Олег, ударом ноги вышибая косточку из-под Тимошкиного носа, она отлетела и упала в траву далеко от крыльца.

Тимошка с благодарностью слабо вильнул хвостом и затих.

- А, так вы сговорились? Ты, Тимошка, всегда за Олега! Я сама не буду с вами больше разговаривать. Вот! - решила Даша и в подтверждение своих слов запрыгала на одной ноге, норовя топтать громче возле самого носа Тимошки.

Не вмешиваясь в перепалку детей и не говоря никому ни слова, Семеновна незаметно вошла в дом, взяла котенка, завернула его в фартук и вышла другим ходом из дома за калитку. Вернувшись через четверть часа назад, как ни в чем не бывало она принялась хлопотать на кухонной веранде и позвала детей завтракать.

- Я тоже не буду есть! - спохватившись, сказала Даша. - Тимошка не будет, и я не буду... вот пусть, возьму и ему назло умру от голода... Я даже за стол не сяду!

Насмешливо хмыкнув, Олег набрал себе полную тарелку пышных горячих оладий, полил их распущенным сливочным маслом. Глядя на быстро исчезающие оладьи, Даша от обиды прерывающимся голосом заявила, что раз ее никто не любит, то и она никого не любит, она, как Тимошка, тоже уйдет из дому. Семеновна покачала головой, подошла к ней и прижала к себе, Даша сопротивлялась лишь для виду и уткнулась в теплую грудь Семеновны.

- Маленькая ты глупышка, - ласково сказала Семеновна. - Как это тебя не любят? Тебя здесь

любят. И братик, и я, и Тимошка. А котеночка бабушка Инна уже унесла. пришла и унесла, мы же так вчера решили. Ты, Дашенька, всегда можешь пойти и поиграть с Жужей. Теперь Тимошке и совсем незачем на нас дуться... Давай кушать оладьи, пока горячие.

После такой новости Олег и Даша, вскочив из-за стола, бросились искать котенка, забегали по дому, захлопали дверями, Даша не знала, плакать ей или радоваться, Олег же стал звонко звать Тимошку. Тот нехотя появился в дверях, и Олег строго сказал ему:

- Нет больше никакого котенка, ясно? Ищи где хочешь и прекрати голодовку! Ясно? Ищи, если не веришь! Ищи! Ищи!

Отлично поняв, что от него хотят, Тимошка поднял голову и посмотрел на корзинку на шкафу, Олег быстро вскочил на кресло и сбросил корзинку на пол. Тимошка вначале принюхался, затем издали внимательно обнюхал ее. Ему было неловко от всеобщего внимания, он не слышал больше ненавистного запаха и знал, что котенка в доме нет, но из вежливости ходил из комнаты в комнату и проверял, от него ни на шаг не отставали Даша с Олегом. Семеновна, уставшая от кутерьмы, вышла посидеть на крыльцо, глядя на сверкающие под солнцем просветы воды в яркой зелени, она задумалась, греясь на солнышке, о своих годах, об оставшихся в живых подругах... Тоже ведь время надо выбрать навестить, а много ли его осталось, времени? Да и дети теперь пошли какие-то странные, и собаки... Тот же Тимошка, порой так и мерещится, словно не пес это, а тоскующий дух, так и рвется из своей лохматой шкуры что-то высказать, и хотя все это, надо полагать, старческая ересь, а иногда думать дальше и страшно, и боязно, и сердце заходится.

Прерывая мысли Семеновны, из дома выкатилась шумная компания: и Олег, и Даша, и Тимошка - все в чудесном настроении. Почувствовав, что напекло голову, Семеновна пошла в дом за соломенной шляпой. В этот момент часто зазвонил телефон, Семеновна взяла трубку и обрадовалась-звонил Вася. Позвав детей, Семеновна дала им поздороваться с отцом, - у Васи с Татьяной Романовной все шло отлично, по бодрому голосу Васи это было понятно. Сказав Васе, что и с детьми, и дома все в полном порядке и чтобы Вася с Татьяной Романовной хорошенько отдохали, Семеновна увидела Тимошку, широко и сладко облизывавшегося после сытной еды.

- И Тимошка вам кланяется, - весело сказала Семеновна, дурного настроения у нее как не бывало.

- Как он, Тимошка? - спросил Вася далеким, непривычным голосом.

- Хорошо, - слукавила Семеновна. - Хочешь с ним поговорить?

- Давай, давай, - потребовал Вася, и Семеновна приложила трубку Тимошке к уху.

- Здравствуй, Тимошка, - сказал Вася, - ты меня слышишь?

Вначале Тимошка опешил. Сидел неподвижно, что-то смутное и знакомое уже подступало к нему.

- Ох ты дуралей, дуралей! - ласково сказала Семеновна. - Это же Вася, слышишь, Вася!

Тут все засмеялись, Тимошка завертел хвостом, быстро глядя на Семеновну, понюхал трубку и слабо лизнул ее.

Теперь он узнал, хотя и сильно измененный, Васин голос.

Вася и раньше не раз вот так забирался в трубку, в эту холодную и неприятную штуку, - и говорил из нее не своим, далеким голосом, но Тимошка все равно узнавал его и любил, он и сейчас даже вздрагивал лапами от напряжения, заставил себя сосредоточиться,

вслушиваясь в далекий, странный Васин голос, здоровающийся с Тимошкой, и, безмерно радуясь тому, что слышит наконец его, на всякий случай несколько раз неуверенно тьякнул.

Даша от восторга захлопала в ладоши, а Олег нахмурился, сдерживая улыбку.

7

Случилось это в самую жаркую пору лета, во второй половине июля. Вначале установилась необычайно жаркая погода, а затем пришла большая гроза, и после нее почти неделю, с редкими, душными от испарения просветами, лил небывалый дождь. Вода бежала по всему саду и лесу, улицы поселка превратились в речки, а озеро в конце недели приподняло любимые Тимошкины мостки, вышло из берегов и затопило сад и часть оврага, березы теперь стояли по колена в воде. Семеновна перепугалась, потому что вода начинала подступать к самому крыльцу, в магазин нельзя было пройти, а в доме кончились продукты. Вода вынудила и ежа Мишку покинуть свои любимые заросли и перебраться в самое высокое место сада-он нашел себе временное убежище под густым кустом черноплодной рябины, от сильного дождя на поверхность выползло много больших жирных червей, и еж Мишка был сыт и даже доволен. Для Чаны наступили блаженные дни, воды прибыло невероятно, почти весь сад превратился в озеро, никто ее не пугал, и она наедалась сладких, сочных улиток, появившихся в саду в невероятном количестве. Тимошка от дождя отсиживался в доме, он много спал, играл с детьми или вспрыгивал в Васино кресло, стоявшее у окна на втором этаже, и подолгу глядел на текущие по стеклам окна потоки воды и вслушивался в глухой, непрерывный шум дождя.

За эту ненастную неделю Вася дважды забирался в телефонную трубку, и Тимошку всякий раз подзывали здороваться, теперь, как только телефон начинал звонить, Тимошка опрометью мчался к нему, он теперь даже изменил своей давней привычке спать в коридоре, возле лестницы, ведущей на второй этаж, и перебрался в гостиную под столик с телефоном. Надо для справедливости заметить, что звонок телефона Тимошка слышал из любого уголка дома и даже из сада, но ночью он спал теперь только под столиком с телефоном-так он был ближе к Васе и мог не бояться пропустить его появления в удивительной трубке.

Неожиданный недельный дождь, начавшийся с грозы небывалой силы, сначала привел всех в восторг, на третий же день в доме стало скучно. Как это бывает, испортился от грозы телевизор. Решив заняться его настройкой, Олег лишь только больше все разладил, Семеновна категорически запретила ему прикасаться к телевизору. Даша, ревниво принимавшая к сердцу каждый успех брата, успокоилась и принялась купать своих кукол, она снимала с них одежду и, приоткрыв окно, совала их под льющиеся с крыши потоки воды, затем просушивала им длинные волосы и мастерила самые замысловатые прически. Тимошка сидел рядом и внимательно следил за ее действиями.

Самое же интересное началось на пятый день, дети проснулись рано и тотчас услышали ровный, непрерывный шум дождя. Зевнув, Олег перевернулся на другой бок, но больше не спалось.

- Ты спишь? - спросил он Дашу.

- Нет, - сказала Даша и села в кровати. - Я всю ночь плыла по реке с мамой и папой. На большо-ой лодке! - как можно шире развела она руки. Во-от на такой! Под большим зеленым зонтиком.

- От дождя приснилось, - уверенно сказал Олег. - Такой удивительный дождь! Можно сделать

плот и из нашего озера поплыть прямо в Тихий океан или в Африку. Сейчас вся земля в воде. А в Тихом океане есть тропические острова, там живут обезьяны, попугаи и крокодилы...

- И черные-черные людоеды, - добавила Даша с округлившимися от захватывающей фантастической картины глазами. - Они всех жарят на большом желтом костре...

- Глупости! - совсем по-взрослому отрезал Олег. - На тихоокеанских островах людоедов больше нет, они остались лишь в Африке, да и то их совсем мало. В прошлом году там один президент съел своего министра, они почему-то поссорились...

- Врешь, врешь, - обиделась Даша. - Я уже не маленькая, а ты мне, как раньше, врешь.

- Я вообще не вру, я сам слышал, папа маме рассказывал, - горячо возразил Олег. - Помнишь, он в командировку летал, в Конго? А когда прилетел, рассказывал, а я не нарочно услышал. Ты не думай, я не подслушивал.

В это время в дверях появился Тимошка, поздоровался и внимательно посмотрел сначала на Олега, затем на Дашу, всем своим видом говоря, что нехорошо начинать такой скучный день без его участия.

- И Тимошку можно посадить на плот, - сказала Да"

ша, еще переживавшая недавнюю историю с котенком и потому всякий раз неосознанно слегка заискивая перед Тимошкой. - Он бы нас от крокодилов охранял, он знаешь какой!

Подтверждая ее слова, Тимошка преданно улыбнулся и положил голову на кровать, Даша почесала ему за ухом.

Тимошка закрыл глаза и засопел от удовольствия, теперь примирение было полным. Даша чмокнула Тимошку прямо в прохладный нос, опрокинулась в кровати навзничь и заболтала ногами. Тимошка громко залаял. На шум пришла Семеновна, обмотанная вокруг пояса большим шерстяным платком.

- Доброе утро, дети, - зевая сказала Семеновна. - А с тобой мы уже здоровались, - остановила она с готовностью бросившегося к ней Тимошку. Всю ночь не спала. Совсем поясницу разломил, места не нахожу, такая сырость. Шутка ли, неделю льет как из ведра. Сейчас вас покормлю, и придется все-таки идти в магазин. Ни хлеба, ни масла, ни сахара, ни молока. А может, уже и магазина никакого нет, дождем смыло...

- Я с тобой пойду, - решительно заявил Олег. - Одной столько нести. Папа не велел.

- С кем же у нас Даша останется?

- С Тимошкой.

- А я не маленькая! - вскинулась Даша. - Я одна останусь, пусть Тимошка с вами уходит.

- Конечно, ты большая, Даша, - примирительно заметила Семеновна. - Но дома тоже кому-то нужно оставаться.

Добро стеречь. Как б?з Тимошки. Потом, Олег - мальчик, он больше донесет, мне из-за поясницы тяжелого не поднять...

Даша, со скукой глядевшая в запотевшее окно, ничего не ответила, за завтраком все вяло ели гречневую кашу с остатками масла, пили жидкий, последний чай. Тимошка тоже получил свою порцию гречневой каши и, мгновенно до блеска вычистив миску, деловито обошел всех, озабоченно ожидая добавки,

После долгих сборов и наставлений Даше вести себя хорошо, никуда не выходить из дому, не простудиться и быть примерной девочкой, Семеновна с Олегом ушли. Даша, перебежав в другую комнату и прильнув к окну, подождала, пока Семеновна с Олегом выйдут за калитку. Под непрерывными потоками дождя и брат, и Семеновна стали быстро уменьшаться, несмотря на большой черный зонтик в руках Семеновны, и скоро совсем растворились в дожде. Даша еще подождала немного и начала собираться. Она взяла из шкафа свой прозрачный плащ с капюшоном, натянула его на себя, затем в свою красивую плетеную сумочку, подаренную ей в прошлом году Татьяной Романовной в день рождения, положила из домашней аптечки бинт, пузырек с йодом, сунула несколько шоколадных конфет, случайно оставшихся от вчерашнего ужина.

Пришел Тимошка и с явным подозрением принялся, почувствовав его недоверие, Даша присела перед ним, взяла его голову в ладони и требовательно посмотрела ему в глаза.

- Ты, Тимошка, пойдешь со мною, - строго сказала она, - Олег и тетя Женя домой вернутся из магазина, а мы с тобой будем далеко, мы с тобой в Африку поплывем.

У Олега мы ружье возьмем, будем с тобой охотиться, жарить добычу и есть.

В сопровождении Тимошки Даша прошла в комнату брата и вооружилась там ружьем, стрелявшим пистонами, и вдобавок прихватила перочинный ножик, деловито опустив его в карман плаща.

Закончив приготовления к далекому и трудному путешествию, Даша почувствовала страх, но раскисать себе не разрешила, вспомнив, что перед отъездом папы с мамой все на минутку присели, она тоже примостилась на краешек стула в гостиной и приказала Тимошке сесть рядом. Тимошка сел, задрав черный нос и по-прежнему усиленно принявываясь.

- Ну, посидели, и хватит, - решительно сказала Даша. - Нам, Тимошка, уже пора, пошли.

Тимошка, хотя и не любил дождя, с готовностью встал и двинулся к двери, и вот тут сердце у Даши екнуло, глаза округлились, какое-то неосознанное, щемящее чувство утраты даже вытеснило у нее слезы на глаза. Часто дыша, Даша усиленно поморгала. Ничего, утешила она себя, мы ведь ненадолго. Поймаем с Тимошкой маленького попугайчика и сразу же назад. Или лучше обезьянку. А еще мы привезем целый плот самых вкусных бананов и больших кокосовых орехов. И тогда пусть любой дождь идет хоть целый год.

Успокоив себя таким образом, Даша в сопровождении Тимошки вышла на крыльцо и плотно притворила за собой двери. И тут она увидела, что вода, выступившая из пруда, разлилась по всему саду и подступила уже к черноплодным рябинам, росшим неподалеку от дома, дождь продолжался и перед глазами висела сплошная и ровная водяная завеса, дом гудел от непрерывных потоков, и сад гудел, дождь был спокойный, теплый и большой. Стоя на крыльце, под защитой навеса, Даша еще медлила. Разлившаяся по саду вода кипела от дождя, и отважное Дашино сердце бешено стучало от собственной решимости. Кроме того, у большой яблони - "Дарьи Ивановны" - смутно маячили мостки, сорванные поднявшейся водой, - великолепный плот, целый корабль, Даша увидела их из окон террасы еще во время завтрака. Теперь только нужно было как-то добраться до них, оттолкнуть от яблони и поплыть навстречу Тихому и ждущему океану, и Даша решила. Прихватив стоявшую на крыльце крепкую палку, принесенную Семеновной для хождения в непогоду, Даша спустилась с крыльца и в сопровождении Тимошки двинулась к мосткам. Вначале воды было мало, затем она дошла Даше до колен, поднялась до пояса, Тимошка, шлепавший следом, скоро уже плыл. Даже стало страшно, хотя мостки были уже рядом: Даша, сопя, легла на их край животом и, молотя ногами по воде, кое-как вскарабкалась на сбитые вместе, прочные доски. Тимошка одним рывком оказался рядом с ней и, борясь с непрерывно падавшими сверху потоками воды, несколько раз яростно отряхнулся, затем сел и, словно спрашивая, что же

будет с ними дальше, посмотрел на совершенно промокшую, до последней нитки, Дашу. Дождь весело шумел в листьях яблони, вокруг все по-прежнему кипело от дождя, деревья стояли грузные, наполненные доверху водой.

Чувствуя под собой непривычную и ненадежную опору, Тимошка осторожно подобрался к Даше, ткнул ее носом и, тихонько повизгивая, предложил, пока не поздно, вернуться назад в сухой и теплый дом. Дашасразу поняла его, но впереди ждал океан, и не всегда же будет идти дождь, это Даша уже знала по собственному опыту, у них были и бинты, и йод, и конфеты, Даша, сердясь на Тимошку, решительно оттолкнулась концом палки от яблони. Мостки под ней легко двинулись, и Даша от неожиданности хлопнулась на колени, от радостного чувства начала океана она подняла захлестываемое дождем лицо к небу и засмеялась. Тимошка плотно прилип к доскам, боясь потерять равновесие, и Даша решила наградить своего верного спутника, конфеты в сумочке уже успели размокнуть, и Даша, зачерпнув сладкого липкого месива горстью, дала полизать Тимошке, затем полизала сама. Приподнявшись на колени, она постаралась достать палкой дно, мостки, тихо, незаметно увлекаемые появившимся слабым течением, уже медленно плыли по озеру, и Даша дна не достала.

- Ну вот, Тимошка, - сказала она очень серьезно, - мы вышли в открытый океан. Теперь гляди, а то может появиться акула... и проглотит тебя, а затем меня. Знаешь, какие они злющие.

Мостки продолжали тихонько, чуть заметно покачиваясь, куда-то двигаться, и Тимошку больше всего беспокоило именно это: он не выносил неуверенности. Неба не было видно, оно, казалось, начиналось с обвисших над озером берез, густой и сочный шелест дождя сливался с веселым шумом озера. От такой первобытной мощи бесстрашного сердца Даши коснулось чувство какого-то озноба, почти восторга, время тянулось бесконечно, и теперь Даша не могла даже вспомнить, когда она выбралась из дому и сколько длится ее путешествие. Границы сместились, и дом, и сад, и время, и Олега, и Семеновну размыл и растворил в себе дождь. Даша вдруг испугалась, представив, что никогда больше не вернется в родной сухой дом в саду, не увидит Олега, папы с мамой, Семеновны, Даша хотела заплакать и несколько раз шмыгнула носом, но из-за дождя слез все равно не было видно.

- Ой, тропический ливень, Тимошка, - мужественно сказала она, захлебываясь от дождя и напрасно стараясь сгрести с лица льющуюся воду. Дождь теплый, теперь скоро необитаемый остров. Тимошка, Тимошка, ты чего молчишь? - спросила Даша. - Ты должен лаять, Тимошка, - потребовала она, а то мы столкнемся с каким-нибудь пиратским кораблем. Голос, Тимошка, голос!

Тимошка сидел, уныло свесив нос к самым доскам, иначе он не мог-сильный дождь заливал ему и глаза и ноздри.

- Тимошка, - опять жалобно попросила Даша, - голос же, голос!

Не поднимая головы, Тимошка, словно поняв ее страх и желание услышать что-нибудь живое, кроме сильного и непрерывного шума дождя, неловко оберегая глаза от хлещущих сверху потоков, боком посмотрел на нее.

- Ав! ав! ав! - выдохнул он из себя, не скрывая своего недовольства и осуждения, и никто бы на его месте не понял, почему нужно было сухой и теплый дом предпочесть плаванию на сомнительных досках, да еще в такую погоду.

Тимошка теперь даже не пытался отряхиваться, это было бесполезно. Он давно бы мог спрыгнуть с мостков и за двести минуты очутиться дома, к его чести, нужно заметить, он даже не подумал об этом, его удерживало врожденное чувство порядочности и долга.

Дождь, казалось, усилился, хотя сквозь низкие тучи почувствовалось невидимое солнце, стало душно и трудно дышать, и во всем вокруг слегка обозначилось движение какой-то перемены. Ощувив ее первым, Тимошка, встав на ноги и укрепившись, несколько раз ожесточенно отряхнулся, подмости затрещали, заходили ходуном. Даша округлила глаза и застыла. Из-под нависшего над водой густого, никогда не виданного Дашей дерева с длинными мохнатыми листьями показалась устрашающе длинная морда какого-то чудовища, Даша протерла глаза и увидела самого настоящего крокодила с пучеглазыми глазами, с коротко торчавшими лапами по бокам... Не долго думая, крокодил распахнул глубокую, как яма, пасть, и Даша, заставив Тимошку опять вскочить на ноги и напрячься, отчаянно завизжала, упала ничком на мостки и прикрыла голову руками. Плот, покачиваясь, медленно полз под деревьями, Тимошка молчал, и только по-прежнему слышался - теперь в чем-то изменившийся - шум дождя. Даша решила незаметно повернуть голову и открыть один глаз. В мгlistом сиянии дождя, в похожей на туман водяной пыли над самой поверхностью озера Даша увидела тупорылый конец черного бревна.

Здесь и началось самое страшное, мостки, влекомые образовавшимся течением воды из переполненного озера, глухо обо что-то стукнулись, слегка накренились, и Даша не успев ни о чем подумать, скатилась в воду. Она закричала, захлебнулась, рука ее натолкнулась на сук, она намертво ухватилась за него и с неожиданной ловкостью стала карабкаться вверх, и вскоре уже сидела высоко на старой ветле, единственной среди окружавших озеро берез. Даша смутно видела перед собой продолжавшие тихонько ползти куда-то подмости, Тимошки на них не было, верный Дашин друг и спутник исчез!

- Тимошка! Тимошка! - шепотом позвала Даша, никакого ответа в обвальном, все заполняющем шуме дождя она не услышала. Мелькнула жуткая мысль о крокодилах, теперь она достоверно вспомнила, что перед тем, как скатиться в воду, она увидела вцепившуюся в край плота необъятную зубастую пасть, она даже услышала хруст досок и хриплый лай Тимошки, бросившегося на отвратительное чудовище южных морей. Теперь Даша знала, кому она обязана жизнью, пока Тимошка боролся с крокодилом, она успела забраться на дерево, а теперь крокодил, проглотивший Тимошку, подгрызает под водой дерево, на которое она забралась, недаром же оно все время содрогается. Даше стало жарко, она беспомощно оглянулась, вокруг таились враждебные силы, дождь не прекращался, казалось, он лишь усиливается. Ничего утешительного она придумать не могла, от дождя, от слабости у Даши начала кружиться голова. Она крепче ухватилась за дерево, прижалась к его мокрому холодному стволу лицом. В этот критический момент она и услышала какие-то знакомые звуки, лаял Тимошка, и кто-то звал ее. Она узнала голос Семеновны, хотела закричать в ответ, но голос у нее пропал, она лишь беззвучно открывала и закрывала рот. Теперь она испугалась, что ее не найдут и она так и останется на дереве, готовом вот-вот рухнуть от зубов крокодила, и сразу увидела показавшегося из дождя Тимошку, прыжками двигавшегося, казалось, прямо по озеру. Тут же появился и Олег, за ним Семеновна с испуганным лицом, вода доходила им выше колен. Добравшись до ветлы, Тимошка встал на задние лапы и звонко, временами отфыркиваясь и ожесточенно тряся головой, залаял, глядя вверх и царапая кору дерева. Даша совсем ослабла и как бы сама собой отделилась от ветлы, мягко скользнула вниз, в белесую от дождя воду, и ничего не помнила. Правда, она успела подумать, что чудовищный крокодил ее проглатывает и горло у него скользкое и противное, и хотела закричать, но голос пропал, стало темно и тесно, она даже не успела по-настоящему испугаться, открыв же глаза, она тотчас опять крепко зажмурилась. Прямо перед ней остро поблескивали четыре маленьких, злобных крокодилийих глаза,

Даша с диким криком подхватила и повисла на шее у Семеновны. Прижимая ее к себе и касаясь губами ее лба, чтобы проверить, нет ли температуры, Семеновна с трудом пришла в себя от перенесенного ужаса.

- Нет, Даша, своей смертью ты не помрешь, - сказала она, с силой укладывая девочку назад в постель.

- А я в Африку плыла, - сообщила Даша, оправдываясь и стараясь не смотреть на брата. - Я с Тимошкой плыла, а потом нас крокодил опрокинул...

- Что? - не выдержал молчавший до сих пор Олег, а Тимошка, еще не просохший и тоже напряженно слушавший, внимательно шевельнул ушами.

- Ничего! - вызывающе отрезала Даша. - Он нам плот опрокинул, а я на дерево полезла, а он Тимошку проглотил...

Мне показалось, что проглотил, - тут же добавила Даша, с некоторым изумлением глядя на Тимошку.

- О господи, - шепотом пожаловалась Семеновна, смахивая слезы фартуком, а хмурый Олег, пытавшийся придумать, как бы по-мужски серьезно выразить свое отношение к случившемуся, попросил Семеновну не волноваться и простить Дашу. Один Тимошка, выражая свою радость благополучному исходу путешествия, положил передние лапы на край постели и лизнул Дашу в щеку.

- Спасибо, Тимошка, - беззвучно прошептала Даша, отчаянно, изо всех сил прижимаясь к его косматой шее, и тут же поинтересовалась, что принесли из магазина вкусенького.

- Ничего там нет, муки взяли, оладьи будем печь, - сказала Семеновна. Говорят, от дождя мост снесло, оттого ничего и не подвезли. Дождь так и не перестает, слышишь? День-два такого ливня, и ты можешь хоть в Америку отправляться.

До самого вечера Олег поддразнивал Дашу крокодилом и Африкой, дождь не прекращался, и было скучно, каждый старался перетянуть Тимошку на свою сторону, и Тимошке пришлось пустить в ход всю свою приятность и дипломатию, чтобы не обидеть ни того, ни другого, а если ему приходилось туго, он начинал широко и часто зевать, показывая, что он совершенно измучился и невыносимо хочет спать. К вечеру, скорее от непрекращающегося дождя, и Семеновна, и Олег с Дашей, и, разумеется, Тимошка собрались в комнате с телефоном, и, хотя никто ничего не говорил вслух, все втайне почему-то надеялись и ждали звонка от Васи, общее настроение передавалось Тимошке, скрывая свое нетерпение частыми судорожными зевками, и он ни за что не хотел уходить из-под столика с телефоном, и, дождавшись, когда все разошлись, уже в темноте, под непрерывный и густой шум дождя, он встал, с недоверием понюхал молчавший телефон и опять улегся рядом. Надвинулась ночь, шел дождь, и Вася никак не хотел объявляться даже в телефонной трубке, Тимошкой овладело очень тревожное и неприятное чувство опасности. Он бесшумно встал и долго прислушивался.

Кроме шума дождя появились какие-то другие звуки. Спасаясь от дождя, в дом пришли мыши, Тимошка не обратил на них никакого внимания, происходило что-то более важное, и у него от напряжения несколько раз судорожно дернулся кончик хвоста. А затем какая-то невыносимая тоска овладела им, он был кому-то нужен, он услышал даже чей-то знакомый зов и, больше не раздумывая, попытался прорваться в сад, на свободу. Дверь на террасу была заперта, несколько раз ударив по ней лапой, Тимошка рванулся к окну, к другому. Теперь он словно обезумел, зов в нем разрастался, усиливался, заполнил все существо, Тимошка метался из комнаты в комнату, взлетел на второй этаж, и здесь, в кабинете Васи, тоска его достигла наивысшей силы. Он прыгнул в Васино кресло и почувствовал, что он нужен Васе, что Васе плохо и что он его зовет. И тогда Тимошка поднял морду и жутко на весь дом завыл. Ни Даша, после тяжких испытаний прожитого дня, ни Олег его не услышали, Семеновна, несмотря на свою глухоту, иа какое-то мгновение открыла пустые от сна глаза и опять заснула. Совсем измучившись от горя и своего бессилия помочь Васе, Тимошка забылся, и в темноте ночи снова ясно прорезался Васин голос, зовущий на помощь, и Тимошка, точно от удара, весь от кончика носа до хвоста задрожал. Он как будто тонул и захлебывался в горячей вязкой тьме, наползающей со всех сторон, не было ни ветра, несущего конкретность

беды, ни следа на земле, определяющего путь, а было лишь непереносимое ощущение самой последней, самой непереносимой беды и своей вины перед Васей от бессилия что-либо изменить и помочь.

Тимошка отчетливо слышал страдающий, больной голос Васи, Вася все звал его, и Тимошка от невыносимой муки заплакал, жгучая боль, стянувшая все существо Тимошки в одну точку, в один спекшийся ком, стала ослабевать, именно в этот миг Вася, находившийся от своего дома за многометров, висевший над темной зияющей расщелиной, зацепившись за кривое, изогнутое, с обнажившимися мощными корнями деревце, уже хотел разжать онемевшие пальцы и даже сделал такую попытку, только пальцы не подчинились. Холод от онемевших пальцев распространился по всему телу, но пальцы не разжались, Вася уже как-то равнодушно, как нечто постороннее отметил это и не удивился.

8

Разгулявшийся циклон достиг далеких старых южных гор к полудню в пятницу, и здесь сила его удвоилась. Татьяну Романовну и Васю непогода застала высоко в горах, они и раньше не раз, приготовив с вечера несколько бутербродов, затемно уходили в горы, осваивая новые и новые места. Накануне, в четверг вечером, позвонив в Москву, Татьяна Романовна узнала о том, что назначение Кобыша подписано. Не говоря Васе ни слова, Татьяна Романовна долго отмалчивалась и наконец, из-за совершенного пустяка, из-за того, идти или не идти вечером слушать симфонический концерт областной филармонии на летней открытой эстраде, в пух и прах рассорилась с Васей и даже решила совсем уехать домой. Водрузив чемодан на самое видное место в их номере, на низеньком столике возле телевизора, Татьяна Романовна принялась укладывать вещи. Вася лежал на диване и демонстративно читал свежий номер "Иностранной литературы", его молчание подстегивало ее еще больше.

Она по одному доставала из шкафа свои платья, с холодным высокомерием шла через всю комнату мимо Васи к чемодану, затем возвращалась обратно. Когда она прошла к чемодану в седьмой или восьмой раз, неся в руках перламутровую коробочку с подаренными ей родителями в день свадьбы старинными изумрудными серьгами, Вася не выдержал.

- Ну, хватит, Танюш, - попросил он, - ну что ты так вскинулась? Какой дурак, скажи, станет ждать, беречь для тебя начальственное кресло? И ты знала, когда согласилась ехать сюда, и я знал, что оно уплывает от нас.

- Знали мы по-разному! - приняла вызов Татьяна Романовна, принесла и демонстративно положила в чемодан зонтик.

- Я больной человек, у меня давление, у меня весь отдых насмарку пойдет, - пожаловался Вася, глубоко вздохнув об отсутствующем Тимошке, и на всякий случай изобразил на лице страдание.

Татьяна Романовна принесла и непримиримо швырнула в чемодан свой новый, еще не просохший после утреннего моря купальник.

- Боже мой, как ску-у-учно! - с тоской протянул Вася. - Ну сколько, скажи, можно обсасывать одно и то же?

Что тебе далась эта лаборатория? Ты ведь знаешь, я, по сути дела, руковожу постановкой эксперимента. Они же все вокруг меня вертятся...

- Вот, вот! - с готовностью подхватила Татьяна Романовна. - "Главный теоретик"! Только такой единицы в нашем институте не существует! Ты просто дойная корова, и все, кому не лень, тебя доят! Кобыш-не Морозов, он себя покажет. Ты у него попляшешь на горячей сковороде. А когда кончит тебя потрошить, задвинет куда-нибудь...

- Подожди, подожди, - остановил Вася ее обидные прогнозы. - А где это куда-нибудь?

- Куда весь отработанный бесполезный балласт списывают.

- Танюш, ну ладно, ну, я бесполезный, я балласт, ноты ведь у меня полезная, активная, будешь представлять нашу фирму в единственном числе, глядишь, нива науки не заглохнет...

В ответ в чемодан полетело все подряд: тапочки, пудреница, обшитая кожей походная шкатулка с пуговицами, нитками, иголками и прочей женской мелочью, последними в чемодан шлепнулись розовые ласты.

- Мои! мои! - отчаянно запротестовал Вася.

Татьяна Романовна злобно выбросила ласты в угол и захлопнула чемодан. Крышка и не думала закрываться, тогда Татьяна Романовна с ожесточением села на чемодан, ножка столика хрустнула, затрещала, и Татьяна Романовна, ойкнув, вместе с чемоданом оказалась на полу. Вася бросился к ней помочь, Татьяна Романовна оттолкнула его и принялась прилаживать сломанную ножку.

- Ну вот, столик теперь сломался, - беспомощно пожаловалась она. Придется за починку платить... Ах, оставь, пожалуйста! - Вася, завладевший ее руками, рук, однако, не освободил, Татьяна Романовна беззвучно засмеялась, слегка раздувая тонкие ноздри, и сама поцеловала Васю, они неожиданно и бурно, как это случалось и раньше, помирились.

Близоруко щурясь, Татьяна Романовна задумчиво глядела в сгустившуюся синеву окна, а Вася методично доставал из чемодана и развешивал на плечики в шкаф ее платья, затем неторопливо починил столик и, чтобы было совсем незаметно, придвинул его вплотную к стене. К Васе постепенно возвращалось прежнее состояние спокойной уверенности и силы. Татьяна Романовна с улыбкой следила за высокой, чуть сутуловатой, сильной фигурой Васи, глядя на его загорелую шею, вдруг ревниво подумала, что он еще совсем молодо смотрится, на тридцать, не больше. "Глупости! - рассердилась на себя Татьяна Романовна. - Баба!" И всетаки, порывисто вскочив, она подошла к Васе и на всякий случай, утверждая свою власть над ним, хозяйски поцеловала его рази другой.

Наутро, прихватив с собой хлеба, вареных яиц и колбасы, две бутылки воды, они, едва-едва стало светать, были уже в горах, Татьяна Романовна и особенно Вася любили эти ранние вылазки. Вначале они часто, через сорок пятьдесят метров, отдыхали, затем дыхание уравнилось, и они, не останавливаясь, добрались до первой смотровой площадки, расположенной довольно высоко и увенчанной старой беседкой, сложенной из грубого, крепкого камня. Хватая раскрытым ртом прохладный горный воздух, Вася выпрямился, оглянулся и обо всем на свете забыл. Он почувствовал у себя на шее учащенное, горячее дыхание Татьяны Романовны, положил ей руку на узкие знакомые плечи и ободряюще слегка прижал к себе, глаза у нее потеплели от восхищения. Далеко внизу под ними выгибалась изумруднобледная, словно выцветшая, непрерывно меняющая оттенок, отсюда, с высоты, необычно плоская, необъятная чаша моря, сквозь охвативший край неба нежно пламенеющий огонь деловито и неудержимо прорывалось солнце, на самый берег моря, человеческое жилье, примостившееся узкой полосой вдоль морского берега, отделяя от Васи с Татьяной Романовной сплошной веселый туман, он полз вверх стеной, и Вася не мог определить, появился ли он только что, как это бывает в горах, или они, поднимаясь вверх, прошли сквозь него, не обратив внимания. Васю несколько встревожил туман, но небо было

совершенно чистым, воздух неподвижным, все замерло, затаило дыхание в этот час, и в сердце тоже проникла разлитая вокруг тишина и тайна.

- Боже мой, а мы все куда-то мчимся, что-то наверстываем, суетимся, неожиданно высказала Татьяна Романовна мысль, владевшую ими обоими, и Вася даже слегка отодвинулся от нее.

- Помолчим, Танюш, а? - вздохнул он, в досаде на ее женскую несдержанность, боясь нарушить очарование минуты, солнце слепо обозначилось в огненной купели, подпрыгнуло над морем, сразу резко уменьшилось в размерах и брызнуло в глаза нестерпимым светом. Вася, настоящий солнцепоклонник, блаженно прикрыл глаза ладонью, затем осторожно глянул вниз, на море. Оно тоже изменилось, из изумрудного стало темно-синим, его слитная мощь, начинаясь у горизонта, теперь словно приподнимала и небо, и прорывающиеся из-под тумана острые скалистые берега. И, уже совсем разрушая чувство языческого единения с морем и солнцем, с таинством раннего утра, на горизонте появился теплоход величиной со спичечный коробок и стал деловито приближаться.

- Пошли, - скомандовал Вася.

Каменистая еле заметная тропинка уводила их все выше и выше к острым вершинам одиноких гор, дразняще недоступно сияющих в ясном небе. Татьяна Романовна заразилась от Васи неудержимый азартом, карабкаясь уже совсем по незнакомым местам, они окончательно потеряли счет времени. Где-то на полпути они встретили чистое озерко, образовавшееся от минеральных ключей, напились и слегка передохнули, раза два или три прошли под совершенно отвесным карнизом, осторожно двигаясь вслед за Васей и обмирая, Татьяна Романовна старалась не глядеть вниз, на густую шубу елей, на неудержимо несущиеся вниз горные потоки, кажущиеся отсюда, с высоты, тонкими ручейками. Татьяна Романовна не призналась Васе в своей слабости, лишь пожаловалась на усталость, выбрав приглянувшееся, продуваемое легким ветерком местечко под пышно разросшимся орехом, они остановились на отдых. Полежав на спине по совету Васи и с наслаждением вытянув гудящие от напряжения ноги, Татьяна Романовна разложила прихваченную снедь: нарезанные колбасу и сыр, два зеленых в твердых пупырышках огурца и полдюжины розоватых, растрескавшихся от сахарной спелости, помидоров. Брызгаясь густым розовым соком, заливающим шею и грудь, жадно впиваясь в прохладную мякоть, Вася наспех, как будто кто-то за ним гнался, съел подряд несколько помидоров.

- Ага, теперь я знаю, в кого Олег, - засмеялась Татьяна Романовна. Такой же грязнуля.

- В следующий раз Олега с собой возьмем, - Вася блаженно откинулся на спину. - Ничего, Даша поплачет-поплачет и успокоится, мала она еще для гор...

Татьяна Романовна ничего не ответила, хотя про себя и позабавилась неожиданно проснувшемуся отцовскому чувству мужа. Мимо энергично прошла группа молодежи, шумно их поприветствовала, судя по снаряжению, это были спортсмены-скалолазы.

К полудню в горах еще поприбавилось народу, и Вася с Татьяной Романовной теперь чаще слышали веселую переключку голосов, особенно звонкую в настоявшейся горной тишине. Туман растаял, и далекое море отсвечивало едким расплавленным серебром. Васю разморило, повернувшись на бок, он задремал, по-детски оттопырив большие губы, а Татьяна Романовна, собрав остатки еды и завернув в салфетку, тоже выбрала тенистое местечко и легла, прикрыв лицо косынкой. Подумалось о детях, стало хорошо и покойно, почему-то вспомнилась давно умершая бабушка, ее морщинистые, ласковые, в коричневых пятнышках, вечно что-то вяжущие руки...

Татьяна Романовна резко вскинулась после короткого тяжелого сна, Вася по-прежнему спал в своей излюбленной позе, на боку, подтянув колени к самому подбородку, солнце исчезло, в скалах резко посвистывал ветер, в небе неслись, опускаясь ниже и ниже, густые

вздохмаченные тучи.

Стянув волосы косынкой, Татьяна Романовна торопливо разбудила Васю, и он, едва глянув в сторону потемневшего, уже белевшего пенными барашками моря, вскочил на ноги, и они начали быстро спускаться вниз и до начала дождя прошли порядочно. Группа скалолазов, виденная ими ранее, нагнала их, не задерживаясь ни на минуту, на ходу старший деловито и строго посоветовал им поторопиться и скорее спускаться к берегу или уж выбрать устойчивое место и переждать непогоду в горах. Татьяна Романовна, оступившись, к тому же стала прихрамывать, и Вася сбавил шаг.

Словно в предвестие близкой ночи, быстро стемнело, от нависших еще ниже облаков они почувствовали сырость на лицах.

- Вляпались, - пробормотал Вася, и в ту же секунду, заставив их присесть, гулко и раскатисто ударил гром, и хлынул дождь.

Теперь приходилось двигаться почти ощупью, тропа, по которой уже змеились бурные потоки, круто и неожиданно петляла. Самое опасное место над пропастью под отвесным карнизом они успели проскочить еще до дождя, но Вася, обеспокоенный за Татьяну Романовну, совершенно забыл еще об одном крутом повороте над глубокой расщелиной почти сразу же за карнизом. Он вспомнил о нем, лишь увидев, как Татьяна Романовна, шедшая ощупью теперь впереди, вскрикнула и обмерла, сильным болевым толчком Вася почти швырнул Татьяну Романовну вперед, на безопасную широкую площадку, и в тот же момент сам как бы скользнул в пустоту, успевая все-таки всем телом, раздирая грудь и руки, плашмя броситься на камни и, несмотря на это, продолжая по-прежнему неудержимо, со ставшим неимоверно тяжелым сердцем, все быстрее и быстрее сползать вниз.

"Кажется, все", - мелькнула короткая беспощадная мысль, и пальцы мертво за что-то схватились. Он услышал странноодинокий, пронзительный животный крик Татьяны Романовны, и тут Вася понял, что держится он за довольно толстый ствол какого-то крепкого дерева, каменно проросшего в расщелину над самой пропастью, что сам он всем телом прирос к крутому, почти отвесно обрывающемуся вниз откосу. Стараясь не шевелиться, Вася едва ощутимым движением раздвинул ноги, нащупывая хоть какую-нибудь неровность и тем самым стараясь облегчить руки, это ему в какой-то мере удалось, правое колено наткнулось на выпуклость в камне, и Вася несколько укрепился на каменном склоне.

- Таня, Таня, не теряй голову, слышишь, - стараясь говорить отчетливо и не затрачивать усилий, наконец подал он голос. - Не смей сходить с места, осмотришь! Ты слышишь?

- Я здесь, здесь...

- За нами кто-то шел, я слышал голоса, - сказал Вася тем же размеренным невесомым голосом. - Ты подожди, одним нам не справиться. Не двигайся, слышишь!

Со своего места у подножья скалы Татьяна Романовна не видела Васи, но первый животный порыв броситься следом за ним прошел, она уже могла думать. И тут какой-то второй приступ парализующего, невыносимого ужаса сковал ее, она почувствовала цепенеющие руки, воздух исчез, стараясь не допустить до себя нечто темное, нерассуждающее, она стала молиться, сгребая с лица льющуюся откуда-то воду, она тянулась к самому краю тропы, к обрывающемуся вниз, в дождь и ветер, откосу.

- Вася, ты слышишь, Вася! - звала она, вначале шепотом, затем сорвалась в крик.

- Да что ты кричишь! - неожиданно услышала она, как ей показалось, совсем близко странно замедленный, вязкий Васин голос. - Успокойся... сейчас должны подойти, тропу никак нельзя миновать... Успокойся... и самое главное, не трогайся с места... самое главное!

- Хорошо, хорошо, - торопливо ответила она, уже понимая, что не может больше ждать, она поползла на четвереньках, обдирая колени, по шипящей от дождя траве, поползла в ту сторону, откуда, она инстинктивно чувствовала, должна была прийти помощь, а когда опасное место осталось позади, с трудом встала и, преодолевая рушащийся дождь, как бы разгребая его, бросилась дальше. И Вася почувствовал ее уход, несильно окликнул ее раз-другой и затих, стараясь как можно спокойнее и медленней обдумать, как упрочить свое положение. Если бы не дождь, он бы еще и сам попытался выкарабкаться, а теперь оставалось лишь ждать и терпеть. Время замедлилось и остановилось, проверяя, жив ли он еще, Вася иногда крепко зажмуривался, стараясь смаргивать с глаз воду. Он не знал, день теперь или ночь, дождь расслаблял и усыплял, и он уже несколько раз готов был разжать руки, ощущая все больше распространяющееся оцепенение по всему телу, Вася опять отметил его как нечто постороннее, не касающееся его и не удивился, словно он весь одеревенел. Он не знал, откуда пришла помощь, но она пришла, по всему его телу разлилась волна живого тепла. Совершенно отчаявшемуся и уже безразличному и к жизни, и к смерти, и к тому, что его ждут, любят и что он необходим и сыну, и жене, и своей маленькой дочери, Васе вдруг стало жаль себя и захотелось жить. "Звезды, конечно, они"... - подумал Вася, глядя на мокрые, остро лучащиеся звезды, словно только что народившиеся в просветленном, очистившемся от туч и дождя куске неба. Дождь ослабел, и разрывов в тучах стало больше, действительно, уже пришла ночь, со звездами, спокойствием и глубиной Млечного Пути. Помощь в истончившейся и уже недостающей для дальнейшей жизни ниточке пришла к Васе оттуда, от звезд, и его опять захлестнула любовь к себе, и стало обидно за себя, за свое сильное, большое, полное желаний тело. Он знал, что до края тропинки, бегущей по узенькому карнизу, прилепившемуся над самой пропастью, метра два, три - не больше, ему еще повезло, что оступился он над небольшой расщелиной в стене пропасти и ему подвернулся крепкий ствол дичка, скорее всего груши. Ствол выдержит, и он продержался бы еще какое-то время, но, как он ни прижимается к скале всей спиной, стараясь помочь слабеющим рукам, силы убывают. А подтянуться и лечь на ствол дерева животом он не может (о таком усилии ему даже подумать страшно), хорошо еще, что под ногу попала какая-то шероховатость в почти отвесной стене, и он в своем оцепенении все время помнил об этом подарке судьбы, можно дать чуть-чуть отдохнуть сначала одной, затем другой руке, правда, не разжимая пальцев, а лишь слегка ослабляя их мертвую хватку. Как это могло случиться?

И дождь... Ведь за ними кто-то шел, буквально по их следам, он не мог ошибиться, то и дело слышались уверенные молодые голоса. О Тане он запретил себе думать, он боялся и не хотел совсем ослабеть, если ее нет...

В этот момент к Васе и прорвались какие-то посторонние звуки, сердце у него заколотилось, это были люди, они сдержанно переговаривались, и потом над самой его головой раздался осторожный хрипловатый голос.

- Эй, друг... держись? - негромко позвал кто-то. - Сейчас... сейчас, потерпи, совсем чуток осталось.

- Вася, Вася, - чуть слышно подала голос и Татьяна Романовна, в мягкой, такой знакомой интонации, как она ни пыталась скрыть, прозвучали страх и страдание.

Дождь припустил снова, Вася прикрыл глаза, защищая их от хлынувшей сверху воды, в то же время инстинктивно всем телом вжимаясь в камень.

- Вася! Вася! - опять послышался, теперь уже громче, умоляющий, оглушающе близкий голос Татьяны Романовны, и какая-то сдерживающая плотина прорвалась, и Вася почувствовал подступившую к нему вплотную заглатывающую, сосущую мглу бездонного ущелья.

- Здесь я, здесь, - отозвался Вася беззвучно, на большее усилие не хватило сил, казалось,

вот-вот-и он сорвется.

Еще раньше вверху над ним началась какая-то возня, слышалось отчетливое позвякивание железа о железо, тихо и скупно переговаривались между собой незнакомые голоса, суеверно боясь взглянуть вверх, Вася все-таки ощущал тусклое скольжение фонарей в сыром воздухе, устрашающе фантастические тени, медленно переползающие с расщелины в расщелину, и уже совсем невероятно откуда-то из темноты рядом с ним появилось ярко освещенное светом фонаря молодое мокрое, очень грязное лицо с внимательными, участливыми глазами.

- Держись, - тихо сказали ему, одним тупым попаданием захлестывая на нем топкий шнур, сквозь вязкую внезапную глухоту (ему опять что-то негромко сказали) Вася почувствовал, что его крепко и надежно стиснуло и подхватило под мышками.

- Пальцы, пальцы разожмите, - понимающе попросил молодой голос. Вася и без него знал, что все плохое позади, но не мог с собою ничего поделать, он не чувствовал своих онемевших пальцев и разжать их не мог.

Его медленно и уверенно потянуло вверх, и все тот же спокойный голос повторил:

- Пальцы... Разожмите пальцы!

- Не могу, - хрипло и виновато отозвался Вася. - Не подчиняются.

- А-а, понятно, сейчас...

Тут Вася почувствовал на себе чужие руки, вначале ему больно сдавили, проминая, плечи и локти, затем опять плечи, и тотчас что-то словно вонзилось в позвоночник. Пальцы сами собой разжались, отпуская деревце. Вася глухо вскрикнул, в глаза плеснулась пронзительная чернота, пришел он в себя уже наверху, на тропинке. Он сразу же увидел над собой смятое радостью лицо Тани, светящиеся нежностью и любовью глаза. Вася прижмурился и опять потерял сознание, и весь следующий день, уже окончательно придя в себя и лежа в своей удобной постели, он, продолжая чувствовать под собой сосущую бездонную пустоту, всякий раз тревожно вскидывался и окликал Татьяну Романовну, с усилием поворачивая голову, он видел, что Татьяна Романовна неотрывно, с каким-то новым, ранее незнакомым выражением смотрит на него.

- Что, Вася? Я здесь, - как эхо отзывалась Татьяна Романовна. - Что, опять плохо?

- Ничего, лучше, Таня, - успокаивал ее Вася. - ГТонемногу проходит. Только внутри еще что-то дрожит. Знаешь, мелко-мелко так, с перерывами. Да, Танюша, здорово нас вертануло! - запоздало спохватился он. - Ты знаешь, Танюш, я тебе другое скажу, только не обижайся. Я ведь готов был признать твою правоту в нашем разладе... что ж, думаю, жизнь одна, зачем из себя пророка корчить? Ведь по-другому и легче, и проще, конечно, думаю, моя Татьяна Романовна права. Какого черта! Ведь я, если цель поставить, могу не только паршивую лабораторию прибрать к рукам, а кое-что и поинтереснее. Но знаешь, там точно кто-то вечный, неназываемый, кто все про нас знает, точно в душу мне заглянул, наизнанку вывернул. И стало мне невыносимо. Ах, дурак ты, дурак, думаю. Ведь помрешь и главного в жизни не успеешь, того, что тебе определено, из всей тьмы-тьмущей выделено. Ведь этого никто за тебя не сделает.

Поделом тебе и наказание и муки! За слабость! За отступничество! Подыхай!

- Вася! - оборвала его Татьяна Романовна с измученным, осунувшимся лицом. - Не смей, не кощунствуй! Что ты все на свои плечи тащишь? Моя вина, мне и отвечать.

Она мучилась рухнувшим равновесием, проваливалась, не находила опоры, Вася понял и ободряюще улыбнулся ей.

- Ага, испугалась, что мужа-то потеряешь! Живи, пока живется, Танюш. Не терзай себя, не ешь поедом. - Жить-то, что ни говори, хорошо, - сказал Вася, с наслаждением ощущая кожей чистую, скользко-накрахмаленную простыню. - Пожалуй, пауза моя затянулась, все, безделье кончилось, я т а м это понял, в ущелье, я опять способен думать...

Да, да, не удивляйся, Танюш, - заторопился Вася, боясь, что Татьяна Романовна перебьет его и он не сможет сказать того, что хотел. - Я еще отца вспоминал... никогда не вспоминал, он умер в пятидесятом, осколок сидел с войны, осколок нельзя было трогать. Правда, отец еще жил с час или полтора...

Тут Вася замолчал, и Татьяна Романовна, напряженно слушая его с виноватыми, влажно блестящими глазами, боялась шевельнуться.

- Ну и что, что, Вася? - спустя какое-то время все-таки осторожно напомнила Татьяна Романовна о своем присутствии.

- Что? - очнулся Вася и с недоумением огляделся. - Ах, да, да, представляешь, Танюш, отец задолго почувствовал приближение смерти... только теперь я его понял! - Лицо Васи как бы осветилось изнутри мучительной догадкой. - Я его видел вчера, когда повис как распятый... брр! - неподдельно встряхнулся Вася. - Видел так ясно, как тебя вот сейчас. Знаешь, т а м я почувствовал то, что всегда присутствует в нас и чему мы, как правило, не верим. Я подумал, все, мой круг кончился, он пришел за мной... он был живой, я бы мог дотронуться до него, если бы мог освободить руки... Я его запах узнал, от него пахло, как в сильный зной от перегревшегося камня или сгоревшего железа... До меня дошел этот запах окалины, знаешь, Тапюш, словно я расстался с ним вчера. Но даже не это главное!

Васе необходимо было выговориться, и она терпеливо ждала.

- Потрясающе другое! - продолжал Вася с таинственно-вопросительным выражением в глазах, снова и снова переживая поразивший его момент. - Отец повторил то, что сказал мне перед смертью... слово в слово... "Береги, Васька, совесть, слышишь, береги совесть, - сказал он, - как бы тебе самому плохо ни было!" И тут, Тапюш, я понял, что останусь жить... Иначе зачем бы он приходил? - сказал Вася, оттеняя смысл своих слов и голосом, и выражением лица. - Да, да, зачем бы ему было приходить, зачем-то это было нужно, чтобы он приходил! Меня словно огнем прожгло насквозь. Он помог мне. Вот почему я рук не отпустил.

- У тебя жар, ты весь горишь... не волнуйся, все хорошо, все позади, осторожно напомнила Татьяна Романовна. - Вот выпей еще грушевого отвара, я прямо в чайнике заварила.

- Танюш, не покидай меня...

- Что, что? - растерялась Татьяна Романовна.

- Не покидай меня. Тебе тяжело со мной. Я что-то в жизни не смог. Действительно, мог быть большой результат.

Я не дал тебе счастья, все собирался, только собирался жить. Бежал, бежал, а жизнь-то-тю-тю! - уже прошла.

- Вася, перестань на себя наговаривать! Мне ничего не надо. Мне хорошо, ты рядом, что еще нужно? - Татьяна Романовна старалась скрыть замешательство перед непривычной, обезоруживающей откровенностью мужа, неловко отворачивалась, но против воли набегали слезы, мешая говорить. Ты не знаешь, какой ты, Вася... Ты замечательный.

Это я обыкновенная, но я ведь не виновата, что именно мне столько отпущено. А если я что-нибудь и делаю не так, я потом понимаю, раскаиваюсь. Было бы тебе хорошо и детям, а я что? Наша игра уже сделана, Вася. Жизнь набело, Вася, не проживешь. А тут еще этот ужас. Вася, я спать не могу, - шепотом пожаловалась она, - закрою глаза, и все перед глазами кружится, и горы, и скалы, и деревья, никакой опоры под ногами, не за что ухватиться, тянет вниз, как в воронку. Вася, страшно, хочу крикнуть, не могу!

- Клин надо клином вышибать, Танюш. Вот погоди. Немного оправлюсь, приду в себя, и мы с тобой по тому карнизу обязательно пройдем.

- С ума сошел! Побойся бога! Я этот ужас второй раз не переживу. Нет уж, Вася, с горами тебе придется распрощаться. Нам нашей родной среднерусской равнины теперь до конца жизни хватит. - Брови Татьяны Романовны сошлись в одну линию, ее тонкое лицо сделалось почти угрожающим, Вася прихватил ее руку, слабо сжал, она затихла, уткнувшись ему в плечо, вот так всегда, шумит она, шумит, кипит, вроде бы все вокруг нее вертится, а стоит ему пальцем шевельнуть, и все по его желанию выходит, он из нее всю жизнь веревки вьет, все этим кончается.

Вася блаженно закрыл глаза, ему живо представился дом, Даша с Олегом, скамейка у озера, Тимошка, Вася не мог знать того, что именно в эту ночь Тимошка тоскливо метался до самого рассвета, время от времени тревожно подхватывался, прислушиваясь, в доме было тихо, все спали на своих местах, за стеной по-прежнему мирно шелестел дождь, и Тимошка пристыженно укладывался обратно на свою подстилку. И только под утро дождь совсем прекратился и выглянуло солнышко. Проснулась Семеновна, отворила настежь все двери и окна, впуская резкий утренний воздух, обула Васины болотные сапоги и, чуть не по пояс утонув в них, в хозяйском беспокойстве обошла затопленный сад. Тимошка угрюмо следовал за ней и, доплетшись кое-как до Васиной скамейки, одиноко торчащей над водой, вспрыгнул на нее и застыл горестным извоянием. Семеновна призывно загремела миской, в ответ он лишь слабо шевельнул хвостом и остался сидеть. Семеновна подумала, не заболел ли он, но в делах отвлеклась и забылась. После затяжных дождей вода в озере стала постепенно убывать, солнце вконец разморило землю, листва на деревьях взялась зеленым, сочным гляncем, яблоки, вишни и огурцы тяжелели на глазах, а в березах вокруг озера в больших количествах появились грибы - тугие, крепенькие, с темно-бордовыми головками.

Открывшая это чудо первой, Даша каждые десять минут бегала их измерять Олеговой линейкой, и к вечеру, к огорчению кровно обиженной Даши, грибы расти перестали.

Солнце уже село, в воздухе держался розоватый перламутровый отсвет, деревья молчали, и только глухо, где-то в глубине, дышала земля. Опасаясь сырости, Семеновна уговорила детей идти в дом.

На следующей неделе погода установилась на редкость тихая и безветренная, дети заметно окрепли, бегали в одних трусиках по саду, купались с Тимошкой в посвежевшем после дождей озере, загорали. Семеновна же за повседневными делами иет-пет да и начинала испытывать непонятную тревогу. Вася с Татьяной Романовной давно уже не звонили, и Семеновна успокаивала себя мыслью о походах в горы с ночевками и кострами по какой-нибудь уж совсем дикой местности, где нет почтового отделения.

Во вторник, ближе к вечеру, Тимошка, задремавший было в комнате Олега, неожиданно поднял голову, насторожился и глухо заворчал: в доме появился чужой. Тимошка слышал, как Семеновна с ним оживленно разговаривала, но Тимошку это не успокоило. Незадолго перед этим Олег поссорился с Дашей из-за испорченной книжки и теперь запирает от нее свою комнату. Уходя на волейбол, он нечаянно запер спящего Тимошку у себя в комнате, и Тимошка не мог теперь выбраться наружу. Все больше побуждаемый беспокойством и обидой, Тимошка начал грустно, с надрывом лаять, и он не ошибался в своем нетерпении, в

дверях веранды широко улыбался Полуянов, одним глазом глядя на Семеновну, а другим на лестницу, ведущую наверх.

- Как вы тут, Евгения Семеновна? - с чувством говорил в это время Полуянов, и Тимошка в своем затворничестве, стараясь не пропустить ни слова, даже убрал язык, чтобы он не мешал ему слушать. - Зашел вот справиться, не нужно ли чего? Не стесняйтесь. Вы же знаете, мы с Васей и Татьяной старые друзья. Я Васе обещал наведываться. А тут господь такой ливень на нас опрокинул. Что-то и не припомню такого. Крыша не потекла? Все в порядке?

Не нуждаетесь ли в чем? Ребята здоровы?

- Спасибо, спасибо, Яков Андреевич. Ребятишки здоровы, - ответила Семеновна, с интересом присматриваясь к подвижному лицу гостя. - Дети хорошие, слушаются, помогают во всем. Спасибо за внимание. Ничего не нужно.

- Вот детишкам-сладкое, - сказал Полуянов, выкладывая из портфеля на стол две коробки шоколадных конфет.

- Совсем уж лишнее, - неуверенно отказалась Евгения Семеновна.

- Да вы, Евгения Семеновна, не стесняйтесь, дайте знать, если в чем нужда будет.

- Спасибо. Вот молоко в магазин перестали возить изза дождей. А вам возят?

- Право, не знаю. Кажется, возят, - неуверенно предположил Полуянов и опять сумрачным, тревожным глазом покосился на лестницу на второй этаж. Евгения Семеновна, вы детей не тревожьте, - понизил он голос. - От Василия Александровича звонили на днях, там неприятность маленькая вышла... Вам ничего не сообщали, не хотели тревожить, нет, нет, не пугайтесь, теперь все в порядке. Вася руку немного повредил. Знаете, ведь горы... Теперь действительно все в полном порядке. Они вот-вот должны вам сами позвонить, о детях беспокоятся.

- Вы правду скажите, Яков Андреевич, с Васей серьезное что-то было? - с явным недоверием спросила Семеновна.

- Куда уж серьезнее! Представляете, ливень в горах?

И туда циклон пришел. А они не успели вернуться вовремя назад. Знаете, горы, тропинки. Я всего этого не признаю.

В кино красиво. Издали можно полюбоваться. Тащиться же в горы в Васином теперешнем состоянии! Я Татьяну не понимаю. Можно ли так рисковать? Полуянов понизил голос к тревожно посмотрел в разные стороны. - Едва в пропасть не сорвался. Слава богу, обошлось... Как раз два дня тому назад и случилось.

Уронив руки на стол, Семеновна села, ей припомнилось, это позапрошлой ночью выл Тимошка. Она проснулась среди ночи и не сразу поняла, что это воет Тимошка, послушав, она опять провалилась в сон. Ей сейчас почему-то захотелось, чтобы Полуянов поскорее ушел.

- Яков Андреевич, а вы ничего не утаили? Правда, обошлось?

- Что вы, Евгения Семеновна, истинная правда. Как на духу! - отозвался Полуянов, и глаза его побежали в разные стороны.

Семеновна недоверчиво поджала губы, неуверенность Полуянова лишь утвердила ее в своих

подозрениях. "Басурман разноглазый, ничего-то у него не выведаешь!"

- Евгения Семеновна, у меня к вам просьба, - прервал ее невеселые размышления Полуянов.
- В прошлый раз я свой блокнот у Василия Александровича наверху забыл. Такой синий, с металлической застежкой... Я: очень спешу. Он мне нужен, пожалуйста, поднимитесь, поищите его, Евгения Семеновна.

- А вы, Яков Андреевич, сами поднимитесь, - обрадовалась Семеновна тому, что тягостный гость наконец уйдет и не надо будет поить его чаем. Видела я такой блокнот, пыль стирала, на маленьком столике в углу видела.

- Если позволите.

- Иди, иди, Яков Андреевич.

Легко наступая на некрашенные половицы, так, что ни одна не скрипнула, Полуянов поднялся наверх, распахнул дверь в кабинет и сразу увидел свой блокнот. Но другой глаз его с порога устремился к большому, потемневшему от времени письменному столу из мореного дуба, Дубовый стол неодолимо притягивал Полуянова к себе. Почему-то пришел в голову старый спор с Васей, собственно, вели они его всю жизнь, он никогда не оканчивался. Полуянов, выдержанный, уравновешенный человек, хорошо владеющий своими эмоциями, сердился сейчас на себя за задержку.

"Забытый блокнот? Вот он. Бери его и уходи. Чего ты медлишь? Что ты забыл в чужом кабинете?" Конечно, наедине с собой можно сознаться, ему так и не удалось дотянуться до Васи, стать с ним вровень. Что-то не срабатывает. Тоненькая ниточка, связывающая их со школьной скамьи, теперь вот-вот оборвется, Вася Судаков, Василий Александрович не захочет работать под началом Кобыша и его, Яшки Полуянова, в качестве первого зама. Они всегда держали его за дурака, почти за шута. Бороться за власть-фу, грязная работа! Пусть ее делают другие, серые, непризнанные...

С Васей во главе лаборатории конечно же было бы привычнее и перспективнее для пользы дела, чем с Кобышем. Вася, он ведь не считается, он расточительно щедрый, а Кобыш такой же, как и сам он, Полуянов, будет любой кусок изо рта выхватывать. От Кобыша не перепадет. Этого никогда не накормить. Придется коренным образом перестраиваться. Скорее всего, именно поэтому и потянуло сюда, в Озерную, сегодня. Сколько здесь переговорено, сколько лет они шли с Васей в одной упряжке! Выходит, не на того ставил...

Хочешь не хочешь, а приходится менять хозяина. Что проку в жалости. Черт, тут еще это падение, как будто и само провидение отступилось от Васи. Наверное, высший знак. Куда денешься. Жизнь есть жизнь, раньше ставил на Судакова, теперь придется ставить на Кобыша, кое в чем перестроиться, а-а-а, была бы шея... Подумать только, весь жизненный расчет от какого-то примитивного куста зависит.

Полуянов вдруг представил, как все его надежды и расчеты повисли над пропастью, на каком-нибудь примитивном кизиловом кусте, и ему стало совсем нехорошо. Каких людей теряешь, что говорить, тяжело, опять с неожиданной горечью подумал он, правда, тут же его мысль совершила новый спасительный поворот. А что, если в том же Васе ничего особенного и нет, и никогда не было, и все это лишь пустое сотрясение воздуха, и никакого таланта? Сорвался бы - не с концом. Вот ведь талант, а выбраться из прорыва не может.

Или не хочет? Всю дальнейшую программу на привязи держит. Ах, Вася, Вася, неразумный человек, дались тебе эти распроклятые горы!

За своими мыслями, полный сомнений, Полуянов незаметным для себя образом оказался у заветного стола и постукал о старое дерево костяшками пальцев, словно хотел каким-то

одному ему известным способом проткнуть в самые потаенные ящики этого древнего сооружения на приземистых шароподобных, массивных ножках, с отделкой из потемневшей с прозеленью старинной бронзы. И когда, уже совершенно не в силах противиться чему-то темному в себе, потрясшему все его существо ознобом пробуждения, он взялся за бронзовую ручку, приглушенный звук где-то внизу, на нижнем этаже, привлек его внимание. Успевший изныть от отчаяния и безысходности, пока Семеновна разговаривала с Полуяновым, Тимошка решил выбраться из комнаты Олега через открытое окно. Он вспрыгнул на подоконник и в секунду оказался в пламенеющей россыпи гвоздик. Промчавшись мимо остолбеневшей Семеновны, Тимошка по воле опасного раздражающего запаха взлетел вверх и захлебнулся от безудержной, перехватившей дыхание ярости. Он увидел чудовищную картину: у стола Васи, средоточия всего главного в доме, к чему в отсутствие Васи и Татьяны Романовны под угрозой строжайшей кары не разрешалось приближаться детям и где могла, кроме Васи, сидеть одна лишь Татьяна Романовна, стоял чужой, ненавистный Тимошке человек. Мало того, он даже открыл один из ящиков стола и что-то рассматривал там. Тимошка, движимый непреодолимым чувством долга, с остервенением ринулся на Полуянова и вцепился ему в штанину, кровь у него зажглась. Полуянов, вскрикнув, подскочил, толкнул ящик стола, с треском вставший на место, и, густо заливаясь краской, затравленно обернулся, - у Тимошки клокотало в горле, глаза светились первобытной, нерассуждающей яростью, ему не было никакого дела до тонких душевных переживаний Полуянова, перед ним был враг.

- Пошел! Пошел! Пошел! - трагически зашипел Полуянов, одной рукой придерживаясь за укушенное место, а другой загораживаясь от Тимошки. Пятясь задом, он шаг за шагом отступал в направлении двери и, достигнув наконец лестницы, неловко протопал вниз и немедленно стал прощаться, Семеновна вызвалась проводить его до калитки.

Увидев Тимошку, скатившегося следом за ним, Полуянов широко улыбнулся.

- И не стыдно тебе? А еще благородный пудель. Стыдно своих не узнавать, - обратился он с увещательной речью к исходившему лаем Тимошке, всем своим видом выказывая готовность не допускать впредь излишней фамильярности и неуклонно продвигаясь к калитке.

Перед самым носом негодующего Тимошки Полуянов плотно прикрыл калитку, от недавнего дождя она отсырела и разбухла, и Тимошка, привычно ударив по ней лапой, не смог ее открыть. Он снова зашелся ожесточенным лаем, отчаянно прося Семеновну открыть калитку.

- На улицу хочешь, Тимошка? Рано нам еще с тобой за молоком. Потерпи. Всего хорошего, Яков Андреевич. Спасибо, будем ждать вестей от наших.

Тимошка, бешено крутя хвостом, не соглашаясь с доверительным тоном Семеновны, продолжал лаять, но Полуянов уже был далеко за калиткой, в том пространстве, где Тимошкины владения кончались. На прощание они успели обменяться ненавидящими взглядами через штакетник, Полуянов при этом приветственно помахал Тимошке рукой, а Тимошка в ответ угрожающе непримиримо обнажил сильные желтоватые клыки и, чтобы не оставалось никаких сомнений в его настроенности, проводил Полуянова до самого конца забора и напоследок негодуя встал на задние лапы. Полуянов был уже далеко со своей неверной, двусмысленно разбегающейся в разные стороны улыбкой. Тимошка еще с полчаса ждал, никуда не отходя от калитки и охраняя дом, и затем, до самого вечера, нет-нет да и возвращался к ней, внимательно обнюхивая дорожку, чтобы убедиться, не прокрался ли человек с запахом опасности и беды в дом снова.

И август незаметно подступил и еще незаметнее прошел, стали шлепаться на землю созревшие яблоки, и еж Мишка с наступлением сумерек целыми ночами упорно кормился.

В излюбленных зарослях он давно подготовил себе зимнюю квартиру, седые бакенбарды стали у него еще роскошнее, и Тимошка, однажды захватив его на месте преступления, у большого краснобокого яблока со следами зубов, пришел в неистовство от такого неслыханного нахальства. Еж Мишка, по своему обыкновению, тотчас свернулся тугим клубком, и Тимошка, обрадовавшись, лапой откатил добычу подальше от ежа Мишки, с яростным пытанием, всем клубком, вслепую подпрыгивающего на месте. Зная повадки ежа Мишки, Тимошка выждал, пока еж, развернувшись, двинется в сторону яблока, и, подскочив, успел схватить яблоко зубами и отпрянуть с ним в сторону. Высокомерно оглянувшись на ежа Мишку, он в несколько прыжков достиг дома, взлетел на крыльцо и положил там яблоко, а сам вернулся в сад.

Ежа Мишки уже не было, и Тимошка, проследив его дорогу вдоль частогокола к его родным зарослям на противоположном берегу озера, заскучал и, как всегда в таких случаях, отправился к озеру, внимательно обнюхал любимую скамейку и, ничего нового не обнаружив, лег на мостках. Озеро жило уже осенней жизнью, вода стала гуще и темнее, часто дул северный ветер и засыпал озеро желтыми, яркими листьями. В озере было по-прежнему много всякой живности, только движения в нем заметно поубавилось, ставшие еще больше рыбы, подплывая под мостки, подолгу стояли там, едва шевеля плавниками, и ждали, пока Семеновна принесет им хлебных крошек или разваренных рисовых зерен, тогда они оживали и жадно на них набрасывались.

Тимошка не замечал ни взявшихся огнем осиновых листьев, то и дело слетавших на воду, ни постепенного замирания жизни в саду и в озере. Вася, с его единственным голосом и запахом, окончательно переселился в телефонную трубку, всегда холодную и неживую. Олег рано уходил в школу, и Тимошка обязательно провожал его до калитки (дальше идти запрещалось), и один день был похож на другой. Семеновна, упорно борясь с обилием фруктов в этом году, целыми днями варила разнообразные варенья, делала компоты и соки, а Даша, обедаясь без присмотра сладким, ходила сонная и не хотела ни играть, ни бегать. Темнеть начинало рано, на сад и на озеро надвигались тихие, тяжелые сумерки, выбирались из своих убежищ Чапа и еж Мишка, и в саду везде, в кустах, и в озере начиналась скрытая ночная жизнь. Семеновна тщательно запирала теперь двери дома и калитку. Стоило большого труда уговорить ее открыть дверь в темную вечернюю пору еще раз. Для этого Тимошке приходилось подолгу сидеть перед дверью и лаять, а когда и это не помогало, он шел к Олегу, сидевшему над уроками, и начинал тихонько повизгивать и тереться мордой о его колени, такое поведение издавна означало, что ему совершенно необходимо немедленно выйти из дома. Олег вставал и выпускал Тимошку в желанный мир тьмы и волнений. Скоро Семеновна начинала беспокоиться, выходила из дому и звала Тимошку, но он делал вид, что не слышит, Семеновна иногда так и ложилась спать, не дождавшись его, и утром, покормив детей, подолгу его совестила. Тимошка и сам понимал, что всякий порядочный пес обязан ночевать дома и что осенью, когда дети уже ходят в школу, все в доме должны поддерживать рабочий режим, но каждую ночь его тянуло куда-то бежать. Темнее и дольше становились ночи, пронзительнее ветер, и во всем его существо разгоралось желание движения. Ветер, плотный, густой, несущий множество неизвестных запахов, мгновенно очищал небо от туч, и среди осенних тяжелых низких звезд проносились стаи неведомых птиц, изредка ронявших на землю зовущий глухой крик. В такие ночи Тимошка не мог оставаться в саду, через потаенную лазейку в заборе (о ней не знали даже Вася с Олегом, потому что в такие ночи у Тимошки даже в отношениях с ними устанавливалась некоторая отчужденность) он убегал в открытое поле, окруженное со всех сторон лесами и проселками, здесь небо становилось еще огромнее, и приходила острая, опьяняющая боль полнейшего освобождения. Ничего не оставалось, кроме ветра, заставлявшего далекие крупные звезды дрожать и позванивать, да

тоскливых, зовущих криков пролетающих птиц.

Подкрался тихий субботний вечер, Олегу не нужно было сидеть над уроками и спать можно было лечь попозже. В саду держалась сырость, на пышно разросшихся кустах черноплодной рябины тяжело свисали черные, влажные кисти ягод, Тимошка любил сочные, сладковато-приторные ягоды рябины, хотя сейчас есть их не мог, в нем уже с утра зазвучала тревога, весь день он к чему-то прислушивался, а к вечеру его неудержимо потянуло на волю, в просторное опустевшее поле. Его состояние заметили и Семеновна, и Даша, и конечно же Олег, выстукивающий наверху свои бесконечные скучные гаммы перед раскрытой на самом интересном месте книгой о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе. Без книги было бы играть уж совсем невыносимо скучно, а так Семеновна, прислушиваясь к пассажирам, спокойно занималась своими делами. Каждый старался по-своему развлечь Тимошку, дети долго сидели возле Тимошки на корточках и вполголоса совещались.

- Он заболел, - уверенно сказала Даша, щупая Тимошкин нос, нос был прохладный и влажный. - Нос очень горячий, - добавила Даша убежденно.

Олег недоверчиво потрогал Тимошкин нос.

- Да ну тебя, Дашка! Всегда у тебя все наоборот.

- Нос очень горячий, - упрямо повторила Даша, и лицо ее выразило оскорбление.

- Пойдем, Тимошка, заниматься к Васе, споем, - предложил Олег.

Тимошка тотчас, словно ждал этих слов, встал и подошел не к лестнице, а к выходной двери, царапнул ее лапой и требовательно оглянулся на Олега.

- Он хочет на улицу, - сказала Даша.

- Сам вижу, - буркнул Олег и поглядел на Семеновну, листавшую свежий номер журнала, та в воспитательных целях сделала вид, что ничего не заметила, Олег, по ее мнению, как будущий мужчина, уже мог и должен был вырабатывать настоящий характер и сам принимать решения. - Ну хорошо, иди, - обиженно хмурясь, сказал Олег и распахнул перед Тимошкой дверь.

Тимошка выметнулся на веранду, затем на крыльцо, Олег за ним. Ветер переменялся, и небо, непривычно чистое, сияло густой россыпью звезд. Всего на мгновение задержался на крыльце Тимошка и в один стремительный прыжок исчез, растерявшийся Олег даже не успел его окликнуть, постоял-постоял и вернулся в дом, необычайно молчаливый.

В чуткие ноздри Тимошке ударил горячий, доводящий его до иступления запах, и пес, обо всем на свете забывая, бросился к своему старому, не известному никому лазу, обдирая бока, пролез в узкую дыру в заборе и понесся в поле.

Луна уже взошла и заливала землю чистым, ровным сиянием. Пьянея окончательно, Тимошка неслышно неся наискосок ветру и, выбежав на самое возвышенное место, на середину поля, внезапно замер, припав на задние ноги. Луна поднималась выше, и ветер усиливался. Тимошка стал яростно кататься по земле, и звезды с луной тоже перекатывались с одного края в другой, Тимошка терся о землю мордой, ушами, загривком, спиной, полз на брюхе, тесно прижимаясь к земле, - теперь наступал и его час благодарения жизни, пришел праздник наивысшей свободы, от всего окружающего, от дружественного и враждебного, от пищи и голода, от любви и ненависти, от самой жизни и от самой смерти. Это был час благодарения самому началу ж и з и и, непрерывно сеющим ее семена неведомым звездам, и если у Чапы была своя звезда, появляющаяся в определенный день и час, у ежа Мишки своя, у Васи или у березки над озером, у каждого своя, то теперь наступила очередь Тимошки. Момент

появления своей звезды он ощутил как толчок: первородный, сладкий, разрывающий внутренности страх заставил его еще сильнее вжаться в землю, он пополз, затем словно посторонняя сила оторвала его от земли. Он был не один в этот полуночный час, стремительные, бесшумные тени исчертили поле из конца в конец, Тимошку все сильнее захватывал и безраздельно подчинял себе властный ритм, отдающийся дрожью во всем его существе. Бесшумные тени все теснее сближались и стягивались к четко определившемуся центру, и Тимошка тоже находился во власти общего движения, он все больше отрешался от себя и подчинялся закону общей слитности и сплоченности. Он настиг маленькую, скользкую тень, то дразнящую его своей близостью, то отдаляющуюся от него, и изо всех сил старался не отставать, движение его пьянило и завораживало.

Наивысший момент наступил неожиданно, земля вырвалась из-под ног и исчезла, и тогда и к Тимошке пришло чувство собственной силы и бесконечности, отвечая на объяввший темным огнем все его существо зов, Тимошка вскинул острую морду к небу, он нашел и узнал свою звезду, она плеснулась ему в глаза, и тогда то, что было больше, сильнее его, то, что было до него и останется после, заставило его еще и еще раз бросить свое тело навстречу ветру и бесконечному пространству.

Нельзя соединить однажды навсегда разъятое, и Тимошка внезапно обессилел и, высунув язык, тяжело дыша, покорно и безошибочно устремился назад, привычная и властная тоска по знакомым рукам Васи проснулась в нем, Вася ждал его, и нужно было торопиться. По полю из конца в конец гулял сырой, осенний ветер, поле было совершенно пустынно, да Тимошке больше ничего не нужно было, и он ни на что не обращал внимания. Его бег становился размашистее и гонче, торопливо проскочив через ту же дыру в заборе, он берегом озера, сквозь заросли бурьяна и дикого шиповника, выбрался в сад. У Васипой скамейки Тимошка озадаченно остановился: по озеру молчаливо плавало несколько крупных, никогда ранее не виданных Тимошкой птиц с длинными гибкими шеями. Высунув язык, Тимошка сел и принялся усиленно думать, у него несколько раз дернулись брови и Шевельнулись уши. Неизвестное всегда таило в себе опасность-на всякий случай Тимошка убрал язык и бесшумно лег, затем подполз ближе к берегу, просунул нос сквозь жесткие былки травы, большие птицы держались на самой середине озера, а их маленькие по-змеиному головы настороженно торчали высоко над водой. Начинался рассвет, переполненное недавними осенними дождями озеро было совершенно безмолвно, птицы скользили по воде бесшумно, хотя уже заметили Тимошку. Они отдалялись к противоположному от него берегу и затем, словно по беззвучной команде, шумно ринулись в его сторону, вытянув шеи, шлепая ногами по воде, их сильные крылья со свистом рассекали воздух. Ошарашенный Тимошка плотно прижался к земле, неведомые птицы со свистом пронеслись над ним, и мгновенный ветер словно оторвал Тимошку от земли. Он стремительно прыгнул, щелкнул зубами. С неба упал далекий глухой крик, один, второй, и все затихло, уставший Тимошка побрел к дому и лег на крыльце, перед дверью. Незаметно он задремал, хотя и во сне знал все, что происходило в саду, во сне он услышал и узнал шаги Семеновны.

- А-а, явился, - сказала Семеновна. - Ну, здравствуй, бродяга, пожаловал как раз вовремя, дети завтракают.

Олег с Дашей действительно сидели за столом. Они с любопытством уставились на Тимошку, и тот от неловкости отвернулся к окну. Он увидел большой куст, сплошь усыпанный иссиня-черными, даже какими-то сизыми от избытка силы гроздьями ягод.

- Видим! Видим! - торжествующе объявила Даша. - Ему стыдно. Выходной, семья за столом собралась, а ему стыдно!

- Почему ему должно быть стыдно? - спросил Олег и резонно добавил:-У него могут быть свои дела, ничего стыдного в этом нет.

Тимошка в благодарность подошел к Олегу и сел рядом,

Олег, точно как Вася, опустил руку ему на голову. Семеновна принесла Тимошке чашку с едой и поставила у порога,

хотя Тимошка при виде знакомой чашки почувствовал сильный голод, он, как всякий хорошо воспитанный пес, помедлил.

- Иди ешь, Тимошка, - убирая с его лохматой головы руку, ободрил Олег, и Тимошка, по-прежнему не торопясь, прошествовал к порогу, тщательно обнюхал чашку и стал медленно есть.

- Он вчера свой кирпич опять по саду таскал, - вспомнила Даша.

Еще она хотела сказать брату, чтобы он не задавался и что она сама скоро пойдет в школу и тоже будет носить за плечами тяжелый ранец, но в это время часто и коротко и, как всегда, неожиданно зазвонил телефон, опережая всех, даже Дашу, Тимошка в один момент оказался в противоположном конце дома и требовательно оглянулся, удивляясь неповоротливости людей. На этот раз он не ошибся, в трубку опять забрался Вася. Дети, толкаясь, подбежали к телефону, и Даша, завладевшая трубкой, важно приложила ее к уху, узнав далекий голос отца, она подпрыгнула от радости и едва не отдала Тимошке лапу.

- Папка! Папка! Здравствуй! - закричала она. - Хорошо слышу, хорошо! Когда вы с мамой приедете? Почему так долго? Да, да, - говорила она, опять торопясь, - яблоки падают, целый сад насыпался, тетя Женя не знает, что с ними делать.

С Васей затем поговорили Олег с Семеновной, и наконец, по обыкновению, дали трубку Тимошке. Он тотчас узнал Васю, он часто задышал в трубку, убрал язык и тихонько взвизгнул. Забравшийся в трубку Вася почувствовал его волнение и засмеялся.

- Ты, Тимошка, не переживай, - посоветовал он. - Мы па той неделе приедем с Татьяной Романовной, совсем приедем, слышишь? Можно сказать, уже выехали, билеты в кармане. Скоро приедем, Тимошка! А вот как нам дальше жить, ты не знаешь? Вот, вот, и я не знаю... Так-то вот, Тимошка...

Всем сердцем одобряя слова Васи в трубке, стараясь не потерять исчезающий голос, Тимошка негромко тьякнул, он отлично понял, что Вася вот-вот вылезет из своей холодной и ничем не пахнувшей трубки, которую придерживал у его уха Олег, живой и необходимый, а главное, понятный, с тяжелыми добрыми руками, опять будет сидеть на своей скамейке у озера, хотя конечно же с ним вместе непременно появится и Татьяна Романовна, она опять повесит тряпку на крючок возле дверей и заставит всех, в том числе и его, Тимошку, вытирать ноги, что являлось всегда неприятным и нудным делом - терпеливо ждать, пока тебе насухо по очереди вытрут все четыре лапы. И все же сердце Тимошки колотилось от радости и восторга. Вася из трубки ушел, и она назойливо гудела, Тимошка совершенно случайно глянул на рябиновый куст за окном, теперь сплошь усеянный непрерывно и трескуче кричавшими птицами. Это были дрозды, тучей налетевшие на сад, злейшие Тимошкины враги, пожиравшие его самую любимую ягоду, только из-за Васи, забравшегося в трубку, Тимошка вовремя не заметил грозной опасности. Еще полный радости и восторга от голоса Васи, Тимошка помедлил лишь мгновение, затем ринулся к двери, открыл ее сильным толчком лапы и в два прыжка оказался в саду. С оглушительным лаем ринулся он и середину самого большого куста, в самую гущу дроздов, и тотчас над садом поднялась словно темная туча, дерзких и крикливых птиц оказалось неисчислимое множество, но Тимошке не удалось схватить ни одну из них.

Припавшие к окнам обитатели дома увидели невероятную картину. Над Тимошкой, непрерывно прыгавшим вверх и щелкавшим зубами, образовалась серая, кверху все

расширявшаяся, крутящаяся воронка из птиц, и все это, вместе с Тимошкой, казалось, приподнялось в воздух и неожиданно стремительно унеслось в сторону озера. И там исчезло, рассыпалось, как бы растаяло, и не было больше ни Тимошки, ни дроздов, над садом повисла густая тишина погожего осеннего утра.

Семеновна протерла глаза, вполне резонно полагая, что ей все померещилось, взглянув на лицо Олега, выражающее крайнее недоумение, она опять припала к окну. Безжалостно общипанные кусты рябины стояли, высоко вскинув ранее отягощенные грузом ягод ветви, и больше ничего интересного в саду не было.

- Они его унесли, - растерянно сказала Даша, и тотчас, как по команде, дети бросились в сад. Было пусто, тихо и грустно кругом, тяжело и редко шлепались на землю спелые яблоки. Никто не знал, что сказать или подумать, все растерянно стояли возле Васиной скамейки и только переглядывались. Но вслед за тем из-под мостков послышалось недовольное сопение, а потом обозначилась вся Тимошкина физиономия, он настороженно глянул в небо раз, другой, глянул вокруг, увидел Семеновну, Олега с Дашей, выбрался из-под мостков окончательно, несколько раз сильно, с заметным неудовольствием отряхнулся, каждый раз окутываясь густым водяным облаком, несколько смущенно улыбаясь в сторону скамьи. С совершенно независимым и гордым видом, показывая, что не случилось ничего стоящего внимания, он деловито побежал к кустам рябины проверить и уточнить размеры опустошения.

Жизнь в саду продолжалась, еж Мишка с роскошными осенними бакенбардами осторожно пробирался зарослями малины, Чапа тоже готовилась к зиме и кое-что подправляла в своем подземном жилище. И Тимошка стал подбирать и глотать обитую птицами ягуду, густо усыпанную землю, потом побежал к калитке, сел и приготовился терпеливо ждать Васю.